

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор *Е. В. Шелестюк*

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент *А. А. Селютин*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **А. В. Бузгалин**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Качалов**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **А. Б. Невелев**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Нижегородцев**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция); **Н. Л. Худякова**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия); **П. Элиопулос**, PhD, главный редактор научного журнала *Rarugi&Deltu* (Греция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

А. Б. Невелев, главный редактор научного направления (Челябинск, Россия), **А. Я. Камалетдинова**, ответственный секретарь (Челябинск, Россия), **О. В. Настаева**, технический секретарь (Челябинск, Россия), **В. И. Гладышев** (Челябинск, Россия), **В. А. Жилина** (Магнитогорск, Россия), **И. Лирицис** (Родос, Греция), **В. И. Ионесов** (Самара, Россия), **Н. С. Кирабаев** (Москва, Россия), **А. Д. Королев** (Москва, Россия), **В. А. Кузнецов** (Челябинск, Россия), **М. Моравчикова** (Тырново, Словакия), **И. Я. Мурзина** (Екатеринбург, Россия), **В. С. Невелева** (Челябинск, Россия), **Р. К. Писипати** (Канчипурам, Индия), **Р. Уадлоу** (Женева, Швейцария), **В. А. Рыбин** (Челябинск, Россия), **Э. А. Тайсина** (Казань, Россия), **Г. Тромпф** (Сидней, Австралия), **В. С. Хазиев** (Уфа, Россия), **Н. Л. Худякова** (Челябинск, Россия), **А. Н. Чумаков** (Москва, Россия), **Б. С. Шалютин** (Курган, Россия), **В. П. Щенников** (Кемерово, Россия), **М. Н. Щербинин** (Тюмень, Россия)

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления «Философские науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162 в, каб. 204
Тел.: (351) 799-72-75
e-mail: filos@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректра *М. В. Трифионовой*
Вёрстка *М. В. Трифионовой*

Подписано в печать 06.10.20.
Выход в свет 15.10.20.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 13,7.
Уч.-изд. л. 11,8.
Тираж 500 экз. Заказ 422.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: [UlrichsWeb Global Serials Directory](http://UlrichsWeb);
[EBSCO's research collections](http://EBSCO).

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

E. V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Professor

Executive secretary

A. A. Selyutin, Candidate of Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD

V. I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **N. I. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Tambovsky State University named after G. R. Derzhavin, Russia); **A. V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia); **E. I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Katchalov**, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **J. Richard**, PhD, Professor at the Paris-Dauphine University (France); **N. L. Khudyakova**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **A. N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of RAS, Russia); **P. Eliopoulos**, PhD, Editor-in-chief of the Scientific Journal "PAPYRI&DELTI" (Greece)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

A. B. Nevelev, editor-in-chief of the scientific direction (Chelyabinsk, Russia), **A. Y. Kamaletdinova**, executive secretary of the direction (Chelyabinsk, Russia), **O. V. Nasteva**, technical secretary of the direction (Chelyabinsk, Russia), **O. A. Brilts**, technical secretary on the translations of the direction (Chelyabinsk, Russia), **V. I. Gladyshev** (Chelyabinsk, Russia), **V. A. Zhilina** (Magnitogorsk, Russia), **I. Liritsis** (Rhodes, Greece), **V. I. Ionesov** (Samara, Russia), **N. S. Kirabaev** (Moscow, Russia), **A. D. Korolyov** (Moscow, Russia), **V. A. Kuznetsov** (Chelyabinsk, Russia), **M. Moravčíková** (Tarnovo, Slovakia), **I. Ya. Murzina** (Yekaterinburg, Russia), **V. S. Neveleva** (Chelyabinsk, Russia), **R. K. Pisipaty** (Kanchipuram, India), **R. Wadlow** (Geneva, Switzerland), **V. A. Rybin** (Chelyabinsk, Russia), **E. A. Taisina** (Kazan, Russia), **G. Trompf** (Sydney, Australia), **V. S. Khaziev** (Ufa, Russia), **N. L. Khudyakova** (Chelyabinsk, Russia), **A. N. Chumakov** (Moscow, Russia), **B. S. Shalyutin** (Kurgan, Russia), **V. P. Shchennikov** (Kemerovo, Russia), **M. N. Shcherbinin** (Tyumen, Russia)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirnykh st.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philosophy Sciences" editorial
office's address:
of. 204, 162 v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-72-75
e-mail: filos@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share the
views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *M.V. Trifonova*
Imposition by *M.V. Trifonova*

Passed for printing 06.10.20.
Date of publication 15.10.20.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.

Conventional print. sh. 13,7.
Ac.-publ. sh. 11,8.
Circulation 500 copies.
Order 422. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- Невелев А. Б., Камалетдинова А. Я.* Свобода отрицания — символ современности 5
- Архипов Б. А.* К вопросу о «взаимодополнении» формационного и цивилизационного подхода . . 9

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

- Рыбин В. А.* Биомарксизм и проблема индивидуального бессмертия 13
- Жилина В. А.* Современная культура в рисках современного социального субъекта 21
- Емченко Е. П., Суленёва Н. В.* Экология эмоций в контексте виртуального общения 29
- Морозова И. Н.* Концепт созидания в философии культуры: горизонты, ракурсы, смыслы. 38
- Шадманов К. Б.* Новые тенденции в вопросе о философской культуре и мировоззрении
молодёжи суверенного Узбекистана 45
- Денискин С. А.* Философия семьи: пролегомены 49
- Куликов М. В.* Проблемы разграничения принципов справедливости, равенства и законности
с позиции их философского анализа 56
- Кожуховская А. А.* Современная биомедицина в свете теоретической рефлексии 63
- Гуторович О. В.* Герой и героизм: сущность, историческая эволюция, проявление 68
- Мацына А. И., Елагина В. С., Панасенко Ю. А., Жувак Д. В.* К преодолению абстрактного
субъекта образования в военном вузе: философские и научные аспекты
педагогического эксперимента «Исследователь» 79

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

- Прилукова Е. Г.* Доверие науке: читая Бруно Латура 87

МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

- Пашинцев Е. В.* Социологическая формула постиндустриального общества
(к критике классической концепции Д. Белла) 93
- Павловский А. И.* Образ Запада в представлениях русских западников 104

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА

- Кузнецов В. А.* Ф. Энгельс и Академия наук СССР
(отношение научной и идеологической элиты в СССР в 1930–1940-е гг.
к философским и социологическим взглядам Фридриха Энгельса) 113
- В записную книжку преподавателя* 117

CONTENTS
**THE PHILOSOPHIC POINT OF VIEW
ON THE MODERN GLOBAL PROBLEMS**

- Nevelev A.B., Kamaletdinova A.Ya.* Freedom of Denial — a Symbol of Modernity 5
- Arhipov B.A.* On the Question of “Complementarity» Formation and Civilizational Approach 9

PHILOSOPHY, RELIGION, MYTH

- Rybin V.A.* Biomarxism and the Problem of Individual Immortality. 13
- Zhilina V.A.* Modern Culture in the Risks of a Modern Social Subject. 21
- Emchenko E.P., Suleneva N.V.* Ecology of Emotions in the Context of Virtual Communication 29
- Morozova I.N.* The Concept of Creation into Philosophy of Culture: Horizons, Perspectives, Meanings 38
- Shadmanov K.B.* New Trends in the Philosophical Culture and Worldview of the Youth of Sovereign
Uzbekistan 45
- Deniskin S.A.* The Philosophy of the Family: Prolegomena 49
- Kulikov M.V.* The Problems of Distinguishing the Principles of Justice, Equality and Legality
from the Standpoint of their Philosophical Analysis 56
- Kozhukhovskaya A.A.* Modern Biomedicine in the Light of Theoretical Reflexion 63
- Gutorovich O.V.* Hero and Heroism: Essence, Historical Evolution, Manifestation 68
- Matsyna A.I., Elagina V.S., Panasenko Yu.A., Zhuvak D.V.* To Overcoming the Abstract Subject
of Education at a Military University: Philosophical and Scientific Aspects
of the Pedagogical Experiment “Researcher”. 79

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

- Prilukova E.G.* Trust in Science: Reading Bruno Latour. 87

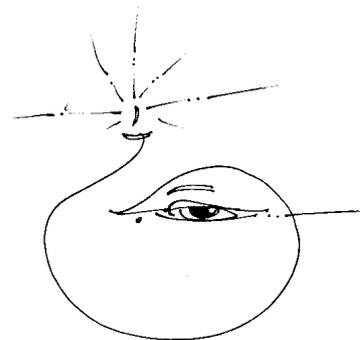
THINKERS OF THE PAST AND THE PRESENT

- Pashintsev E.V.* Sociological Formula of Post-industrial Society
(To the criticism of the classical concept of D. Bell) 93
- Pavlovskij A.I.* The Image of the West in the Views of the Russian Westernizers 104

HISTORICAL PAGE

- Kuznetsov V.A.* F. Engels and the Academy of Sciences of the Soviet Union
(Soviet scientific and ideological elite’s attitude to Engels’s philosophical
and sociological views in the 1930–1940s). 113
- Into the Teacher's Notebook* 117

ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 8 (442).
Философские науки. Вып. 57. С. 5–8.

УДК 123.1
ББК 87.6

DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10801

СВОБОДА ОТРИЦАНИЯ — СИМВОЛ СОВРЕМЕННОСТИ

А. Б. Невелев, А. Я. Камалетдинова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Намечены подходы понимания предпосылок третичной формации через описание природы свободы. Метод предметно-энергийного анализа позволяет раскрыть сущность «негативной свободы» через энергийную неопределённость человека.

Ключевые слова: *свобода, формация, идеология, негативная свобода, метод предметно-энергийного анализа.*

XX век ознаменовался крахом трёх идеологических концепций: фашизма, коммунизма и либерализма [6]. Основа любой концепции — это решение вопроса сопряжения свободы человека и общества. В условиях коммунистической концепции было продекларировано равенство всех, разделяющих государственную идеологию, при попрании персональной свободы. Либеральная концепция, обещая гражданам максимальное проявление свободы, к сожалению, вернула всех к социальному неравенству. Идеологические концепции предшествующего века не приблизили человечество к марксовому пониманию идеального будущего, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» [5]. Предположим, что человечеством неверно намечена цель развития общества. Вернёмся к формационному подходу К. Маркса, в котором выделено три формации [2].

К. Маркс в диалектической схеме выделяет три этапа.

1-й этап движения от суждения к 1-й фигуре силлогизма (аристотелевская): единичная — особенное — всеобщее. У К. Маркса под **производством** подразумевается *всеобщее*, под **распределением/обменом** — *особенное*, **потреблением** — *единичное*.

Политэкономия экономистов немарксистского толка строилась по следующему алгоритму: всеобщим выступало детерминированное обществом распределение; особенным — детерминированный обществом обмен; единичным — индивидуальное потребление.

Производство тождественно потреблению, тогда всеобщее тождественно единичному, но они непосредственно различны:

$$\begin{array}{c} \circ M - P^{bc} \\ \quad \quad \quad \backslash \\ \quad \quad \quad \circ S - M^o \end{array}$$

Потребление коммунистическое — это уравнивательное потребление. Потребление неуравнительное ведёт к крайней индивидуализации. Деньги, выражающие индивидуальную потребительную стоимость, олицетворяют свободную человеческую индивидуальность. Деньги — это отрыв отношения от относящихся сторон. Стоимость подчиняется потребительной стоимости.

Три ипостаси формы: закодирована форма действия с ней. Форму вещи переводим в форму действия с вещью и в мысль действия с вещью.

Предыстория — мир создаётся вещами (предметный, материальный). История — вещный мир переводится в форму действия, в мысль (осознание себя). Переход от предыстории к истории можно

рассмотреть посредством денег, являющих собой универсальность.

Рассмотрим бытие как необходимость, где в бытии деньги как универсальный эквивалент отношений обеспечивают комплексную потребительную стоимость, гарантирующую осуществление индивидуальной потребительной стоимости. В человеческом бытии необходимо обеспечить безопасность государственного суверенитета, продовольственной, демографической, профессиональной, культурной и т. д., чтобы человек был.

Отталкиваясь от исходной гипотезы (деньги → комплексная потребительная стоимость → индивидуальная потребительная стоимость), рассмотрим по этапам, соответствующим общественно-экономическим формациям, описанным К. Марксом.

I этап — это этап производства потребительной рабочей силы, сырья и средств, это этап индивидуального потребления.

Потребление есть производство. Железная дорога, по которой не ездят, не является дорогой, тем самым отсутствие потребления ограничивает производство, развитие потребления в свою очередь стимулирует производство.

Потребление не есть производство, недопустимо отождествлять производство с потреблением.

II этап — опосредование. Производство опосредует потребление (среда — средство — простой категорический силлогизм), что является серединным понятием. Производство (P — всеобщее) проявляется через сопряжение продукта (особенное) и потребление (единичное). На этом этапе суждение представлено следующей формулой

$$B — Oc. — Eд.$$

Производство поставяет продукт во внешней форме, потреблением этот этап заканчивается. Производство во внутренней форме (потребность).

Простой аристотелевский силлогизм:

$$Eд. — Oc. — Bc.,$$

который в развитии мы можем логически рассмотреть как

$$Oc. — Bc. — Ob.$$

В этом случае, чтобы прийти к всеобщности опосредования, необходимо получить объективную форму. Таким образом, можно пройти по кругу.

III этап — переход в противоположность. Поскольку производство заканчивается потреблением, то потребление является внутренним моментом производства. Потребление перешло в свою

противоположность, то есть производство. P — потребление — P; таким же образом, Потребление — P — потребление. Здесь мы также идём по кругу: Производство (P) — обмен — распределение — потребление.

К. Маркс представляет это в абстрактной схеме по трём формациям. Всеобщее — ключ к особенному, единичному. Опасность подмены всеобщего схематизмом реальной исторической ситуации. Любое всеобщее рассматривает единичное (особенное) как путь к себе.

Современность даёт нам реальный факт выхолащивания сути исторического, когда мы рассматриваем Победу советского народа в Великой отечественной войне. Именно в диалектическом единстве логического и исторического рассматриваем простую категорию в качестве абстракции: перехода от 1-й формы труда ко 2-й форме, в которой выражен пик развития. Схватывая отношение, приходим к предельной абстракции.

Логический анализ осуществляем в духе Аристотеля (не дотягивающего до отношения) и Г. В. Ф. Гегеля (слишком отрывающегося от отношения). Методологическим подходом является единство исторического и логического. Общество — это совокупность отношений рода (в это время приоритетно производство людей). Религия защищает естественный закон бытия, к которому присоединяются четыре формы отношений. Как доминирует производство людей над производством вещей?

Всеобщее реализуется через особенное в единичном. В утверждении Протагора «человек есть мера всех *вещей*», на первое место выходит *единичное*, не пришедшее через особенное к всеобщему. У Сократа «человек — *мера* всех вещей» — простой категорический силлогизм утверждает меру в качестве *всеобщего*. В «Фиакре» Платона *единичное* — человек здесь и теперь (уникальное), *особенное* — обсуждение проблемы по сущности (особенное), *всеобщее* — идея (абстрактно всеобщее).

У Аристотеля «всё сказывается, а оно не сказывается ни о чём», что обозначает противоречие $E \equiv Bc.$, но E не есть Bc. Сократ есть Человек, тогда

$$\begin{aligned} E &\rightarrow Bc. \\ S &\text{ есть } P. \end{aligned}$$

Производство $\equiv$ потребление $\equiv$ производство.

Форму стоимости (1, 2) можно представить через четыре уровня: на первом уровне — только два товара (холст как относительная форма стоимости (единичное) и сюртук — эквивалентная

форма стоимости — общее). Тело сюртука отражает стоимость холста. Многие приравниваются к единому (одному) — в этом корень единообразия, то есть всеобщего.

Товар выступает кристаллом абстрактного труда, идёт отвлечение от качественного труда. Он представлен в двух аспектах: стоимости и потребительной стоимости товара. Вещь поглощает человека, делая его несвободным, зависимым от вещи. Либеральная концепция не смогла это преодолеть.

Гражданская определённость личности с формацией как сущностью. В историческом развитии К. Маркс выделяет три формации. В первичной формации доминирует личностная зависимость, во вторичной — вещная зависимость. В третичной формации должна доминировать свободная человеческая индивидуальность. На каждой формации человек является и «зависимым», и «независимым» (свободным) существом. Различие — в предметном характере «зависимости» / «независимости». В первичной формации человек «независим» от природы, но «зависим» от рода. Во вторичной формации индивид «независим» от рода, но находится в сильнейшей зависимости от вещи (рынка, товара, денег). Для этой формации возникает определённый гражданин — гражданин свободы,

«свободы от» ограничений. В конце XX в. в либеральных условиях «свобода от» понимается всеми и каждым отдельным индивидом как максимальное освобождение от всех норм. Максимальное освобождение объясняется энергичной неопределённостью человека.

В третичной формации человек независим от внешней детерминированности от рода, вещи и природы. Возникает вопрос: в зависимость от чего попадает современный человек? Все три уровня предметности теряют в неустойчивом современном мире значение для человека, высвобождается энергия негативной направленности, энергия отрицания всего, максимального проявления Я, не имеющего никаких ограничений. «Свобода от» — негативная свобода, стремительно несущая каждого и человечество в «бездну».

Независимый (свободный) человек зависим от саморегуляции. Максимальная независимость зависит от максимального самоограничения. Развивая точку зрения вслед за К. Марксом, можно претендовать на значимость «естественного права», на картину генезиса «естественного права», целью которого является реальное освобождение человеческой индивидуальности в условиях «свободы для».

Список литературы

1. Маркс К. Форма стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 139–164.
2. Marx K. Capital: a Critique of Political Economy. Chicago, Charles H. Kerr and Co. Publ., 1909. Vol. I : The Process of Capitalist Production.
3. Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke, Ergänzungsband, 1 Teil. Berlin, Dietz Verlag Publ., 1968.
4. Невелев А. Б., Камалетдинова А. Я., Брильц О. А. Форма стоимости в учении Карла Маркса как методологическая основа // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 8 (430). Фило-софские науки. Вып. 53. С. 83–85.
5. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб. : Питер, 2020. 688 с.
6. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Синдбад, 2019. 416 с.

Сведения об авторах

Невелев Анатолий Борисович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. filos@csu.ru

Камалетдинова Альфия Янаховна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. allakamaletdinova@rambler.ru

---

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 5–8.*

FREEDOM OF DENIAL — A SYMBOL OF MODERNITY

A.B. Nevelev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. filos@csu.ru

A.Ya. Kamaletdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. allakamaletdinova@rambler.ru

Approaches to understanding the prerequisites of the tertiary formation through the description of the nature of freedom are outlined. The method of subject-energy analysis allows us to reveal the essence of “negative freedom” through the energy uncertainty of a person.

Keywords: *freedom, formation, ideology, negative freedom, method of subject-energy analysis.*

References

1. Marks K. (1974) Marks K., Engel's F. Sochineniya [Collected Works]. 2nd ed. Moscow. Vol. 49. Pp. 139–164. [in Russ.].
2. Marx K. (1909) Capital: a Critique of Political Economy. Vol. I. The Process of Capitalist Production. Chicago, Charles H. Kerr and Co. Publ.
3. Marx K. (1968) Marx K., Engels F. Werke, Ergänzungsband, 1 Teil. Berlin, Dietz Verlag Publ. [in Germ.].
4. Nevelev A.B., Kamaletdinova A.Ya., Bril'ts O.A. (2019) *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 8 (430), pp. 83–85. [In Russ.].
5. Sergeitsev T., Kulikov D., Mostovoy P. (2020) Ideology of Russian statehood. Continent of Russia. St. Petersburg, Piter. 688 p. [in Russ.].
6. Harari Yu.N. (2019) 21 lesson for the XXI century. Moscow, Sinbad. 416 p. [in Russ.].

К ВОПРОСУ О «ВЗАИМОДОПОЛНЕНИИ» ФОРМАЦИОННОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Б. А. Архипов

Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия

Показано, что формационный и цивилизационный подходы, как социально-философские по своему статусу, самодостаточны и ни в каком дополнении со стороны друг друга не нуждаются. В этом отношении они подобны культурно-историческим типам Н. Я. Данилевского: взаимодействуют, но ничего существенного друг другу передать не могут. Необходимые же им дополнительные сведения обе системы черпают из одного и того же источника — общественных наук.

Ключевые слова: *общество, общественно-экономическая формация, цивилизация, развитие, диалектика.*

Е. О. Зражевская и И. С. Замогильный в статье «Методы культурфилософского анализа развития этнонациональных обществ» предприняли попытку рассмотреть заявленную тему «через призму взаимодействия цивилизации и общественно-экономической формации» [2. С. 141]. В результате пришли к следующему выводу: «Мы считаем, что как формационный, так и цивилизационный подходы к истории являются односторонними вариантами видения общества. ... Их одновременное использование позволяет представить объёмное видение исторического процесса» [2. С. 144].

Это утверждение авторов, взятое само по себе, на наш взгляд, не истинно и не ложно. Всё зависит от того, как мы будем следовать ему на практике, в ходе самого процесса исследования. Е. О. Зражевская и И. С. Замогильный дают нам редкий подобного рода пример, к которому стоит приглядеться.

Уточняя идею, далее они пишут: «Цивилизационность как метод исследования и объяснительный принцип выражает факт детерминации социальных общностей ценностными факторами» [2. С. 141].

Иначе говоря, ценности, идеи, духовная сфера жизни общества в целом детерминируют социальные общности. И это признаётся фактом, то есть достоверным знанием. Тем самым *основная линия детерминации* установлена. И остаётся лишь показать, как следование ей приводит все наши остальные знания об обществе в стройную систему.

Но такой ход мысли противоречил бы самой идее равноправности цивилизационного и формационного подхода. Поэтому далее авторы поясняют: «Введённое в научный анализ понятие “сверхдетерминация”... представляет собой методологическое средство против экономического

или иного редукционизма, позволяющее помыслить относительную независимость политической жизни, жизни нации, идеологии и т. п. от экономики и её действенность в “конституировании” общественной жизни» [2. С. 144, 145].

Иными словами, Е. О. Зражевская и И. С. Замогильный ставят под сомнение основополагающую роль материальной сферы жизни общества, интерпретируя эту её роль как *экономический редукционизм*, то есть как *непосредственное сведение* всех общественных явлений к базису формации — системе экономических и производственных отношений. Обычно такой «редукционизм» принято называть *экономическим детерминизмом*.

Правда, речь у них идёт не только об экономическом, но и о любом другом редукционизме, стало быть, в том числе и о *духовном редукционизме*, в данном конкретном случае выступающем в форме *ценностного редукционизма*. Однако при этом утверждается, что понятие «сверхдетерминации» позволяет помыслить относительную независимость других сфер жизни общества от экономики. Следовательно, на деле имеется в виду не любой редукционизм, а экономическая его разновидность. Хотя тут же за экономикой признаётся присущая ей «действенность в “конституировании” общественной жизни». При этом имя «конституирование» ставится в кавычки, что должно означать условность самой действенности экономики (материальной сферы жизни общества) в сравнении с ценностями (духовной сферой жизни общества) относительно «конституирования» общественной жизни.

В результате «тотальность способа производства», рассматриваемая как «вертикаль субординации в системе структурной детерминации»,

авторами устранена. И цивилизационный подход тем самым освобождён от сковывавшей его потенциал роли «топики» при формационном подходе [2. С. 143]. Идея К. Маркса о естественноисторической смене общественно-экономических формаций, развивающихся на основе определённого способа производства, «скорректирована» в своей *сущности* и благодаря этому изменилась до неузнаваемости. О формациях в их изначальном смысле слова теперь вообще вести речь не приходится. Остались только цивилизации, локальные и мировая. В заключительных строках статьи читаем: «Современная цивилизация находится на переломном этапе своего развития... Анализируя тенденции цивилизационного развития, философия призвана ответить на вопрос: в чём заключается система базисных ценностей современной цивилизации и что должно и может измениться в этой системе» [2. С. 145].

В итоге равноправия подходов не получилось не только у К. Маркса с Ф. Энгельсом, но и у Е. О. Зражевской с И. С. Замогильным. Разница лишь в том, что К. Маркс с Ф. Энгельсом такой задачи перед собой и не ставили. Они исходили из того несомненного факта, что все сложные системы имеют ядро, центральный элемент, детерминирующее воздействие которого на систему превалирует над всеми её другими линиями детерминации и в силу этого обеспечивает устойчивость данного образования. Детерминация со стороны центрального элемента системы хотя и корректируется связями всех других её элементов, но при этом не утрачивает превалирующего воздействия на них, определяя, в конечном счете, как содержание, так и форму системы. Потому что детерминирующие связи всех элементов системы как между собой, так и по отношению к ядру не просто корректируют друг друга, но и создают сверх суммы детерминант всех элементов дополнительную интегративную детерминанту системы в целом. И не она ли, будучи неуловимой на этапе анализа системы, затенила детерминирующее воздействие ядра, приравняв тем самым все элементы по силе их детерминации и в результате получив у Л. Альтюссера имя «сверхдетерминация»? К тому же по мере развития системы изменяется как само ядро, так и все другие её элементы. В результате прежде сильные связи детерминации могут ослабевать, а слабые усиливаться, создавая впечатление самостоятельности каждой из сфер социальной системы и подталкивая к мысли о «сверхдетерминации».

Е. О. Зражевская и И. С. Замогильный, понизив детерминационный статус способа производства и, как следствие, этого повысив его у системы ценностей (шире — у духовной сферы жизни общества), поступили аналогично К. Марксу и Ф. Энгельсу по сути, но с отличием по форме. На место способа производства они поставили духовную сферу жизни общества. Но сделали это не прямо, а окольным путём.

Пример К. Маркса с Ф. Энгельсом, с одной стороны, и Е. О. Зражевской с И. С. Замогильным, с другой стороны, однозначно свидетельствует о том, что любая более или менее стройная система философских взглядов не может быть выстроена на дуалистической основе — равноправности противоположных друг другу социально-философских подходов. Одному из них непременно придётся сменить *философский статус* на не менее значимый, но сущностно несколько меньший *научный статус*. Именно это понижение статуса одной из оппонировавших друг другу социально-философских систем и придаёт «победившей» стороне необходимую *теоретическую конкретность* — превращает всеобщее абстрактное знание во всеобщее конкретное знание.

Абстрактным всеобщим знанием в рамках формационного подхода выступает положение об определяющей роли материальной сферы жизни общества, в рамках цивилизационного подхода — об определяющей роли духовной сферы жизни общества. Попытка одновременной реализации этих двух основополагающих положений в одной социально-философской системе ни к чему иному кроме путаницы привести не может. Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс, последовательно проводя идею определяющей роли материальной сферы жизни общества, необходимо ставят духовную сферу жизни общества в подчинённое положение, тогда как Е. О. Зражевская и И. С. Замогильный не без путаницы, вызванной ошибочной начальной идеей возможности следовать сразу двум социально-философским подходам к анализу общества, окольными путями приходят к аналогичному решению: проводят идею определяющей роли духовной сферы жизни общества, необходимо ставя в подчинённое положение материальную сферу жизни общества.

О какой конкретности *теоретического знания* в данном случае идёт речь? Уточним это на примере формационного подхода к анализу общества. Ю. И. Семёнов поясняет: «Каждая конкретная общественная формация представляет собой

не только тип общества, но и общество данного типа вообще, особенное общество (феодалное общество вообще, капиталистическое общество вообще и т. п.)» [5. С. 133]. Формация как *тип общества* определяется системой экономических производственных отношений, как *общество данного типа вообще* — дополнительными особенными чертами тех социально-исторических организмов (родов, государств), на основе которых оно *иностранно существует*.

В. И. Ленин на примере *капиталистического общества вообще* наглядно показал, что значит по К. Марксу учесть особенности не только конкретного типа общества (уровень общего), но и общества данного типа вообще (уровень особенного). По этому поводу он писал, что Маркс, исследуя капиталистическое общество, не удовлетворился анализом только производственных отношений, но «везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки», показав читателю *всю* капиталистическую общественно-экономическую формацию — «с её бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой... с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями» [3. С. 139].

Иначе говоря, рассмотрев систему экономических производственных отношений капиталистического общества и охарактеризовав тем самым капиталистическую формацию как тип общества, К. Маркс затем проследил основную связь детерминации во всех других сферах жизни капиталистического общества — семейной, социальной, политической, правовой, бытовой и т. д., описав общество данного типа вообще.

Сторонники цивилизационного подхода поступают аналогично: прослеживают исходящую от духовной сферы жизни общества основную, по их мнению, связь детерминации во всех остальных сферах жизни общества.

Таким образом, в теоретическом отношении оба подхода к анализу общества не только *конкретны*, но и *самодостаточны*. Следовательно, как социально-философские системы они ни в каком дополнении со стороны друг друга не нуждаются подобно культурно-историческим типам Н. Я. Данилевского: взаимодействуют, но ничего *существенного* передать друг другу не могут. А всё то, что они в таком внешнем взаимодействии друг другу передают, тут же оказывается преобразованным

по образу и подобию принявшей передачу системы, то есть изменённым до степени противоположности по отношению к тому, чем оно было в передавшей системе [см.: 1. С. 113].

На чём же тогда основаны постоянно возникающие попытки дополнить одну социально-философскую систему другой? На наш взгляд, таких основных причин две. Первая состоит в том, что истина одна, а претендующих на неё систем две. Вот они и оспаривают истину, пытаясь доказать каждая свою правоту. Хотя этот спор и неизбежен, но *теоретического разрешения*, как справедливо заметил К. Маркс [см.: 4. С. 1, 2], он не имеет. По мере развития общества данный спор в конце концов получит *практическое разрешение*. Но в текущий исторический период и в обозримом будущем скачка такого качества в развитии общества, на наш взгляд, не предвидится. Поэтому если такой спор и будет в ближайшее время получать разрешение, то только субъективно — волевым решением субъекта познания или власти. Поэтому нет ещё достаточных оснований для того, чтобы считать данные основные социально-философские подходы к анализу общества в чём-то уступающими друг другу, неравноправными.

Вторая причина состоит в том, что особенности развития социально-исторических организмов (социоров) и их региональных совокупностей оказались неправомерно «приватизированы» цивилизационной социально-философской системой. Формационная социально-философская система чаще всего характеризуется как нуждающаяся в дополнении именно в этом отношении. Тогда как в действительности обе данные системы, будучи сугубо теоретическими, социально-философскими, черпают недостающий им эмпирический материал из одного и того же источника — общественных наук. И если «цивилизационщики» занимаются этим в большей мере, чем «формационщики», не только черпая, но и производя такого рода эмпирическое знание в ущерб теоретической разработке своей системы, то отсюда ещё не следует, что оно принадлежит им как представителям цивилизационной социально-философской системы. Просто они выполняют не свою работу, выступают в роли не социальных философов, а представителей той или иной отдельной общественной науки. Конечно, никому из философов не заказано быть ещё и учёным. Тем более, если учёные пока ещё не могут предоставить ему нужных для его работы как философа эмпирических данных. Философ может вообще сменить направление своих исследований

и стать учёным. Надо лишь отдавать себе отчёт в том, в какой роли ты выступаешь, если науки не стали ещё философскими, а философия — наукой, если общество не перешло к четвёртому историческому типу мировоззрения — научному.

В результате мы приходим к выводу, что для развития как формационного, так и цивилизационного подхода необходим прогресс в системе общественных наук как едином источнике эмпирических знаний об обществе для них обоих.

Список литературы

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. 2-е изд. М. : Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
2. Зражевская Е. О., Замогильный С. И. Методы культурфилософского анализа развития этнонациональных обществ // Экономические и гуманитарные исследования. 2016. № 6. С. 141–145.
3. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1975. Т. 1. С. 125–346.
4. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 3. 629 с.
5. Семёнов Ю. И. Философия истории: (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М. : Современные тетради, 2003. 776 с.

Сведения об авторе

Архипов Борис Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения. Омск, Россия. boriarkhipo@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 9–12.*

ON THE QUESTION OF “COMPLEMENTARITY» FORMATION AND CIVILIZATIONAL APPROACH

B.A. Arkhipov

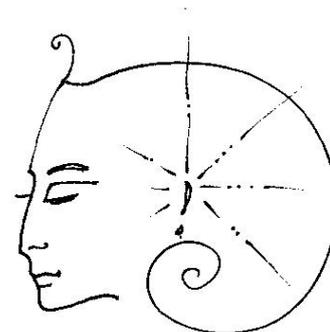
Omsk State Transport University, Omsk, Russia. boriarkhipo@yandex.ru

It is shown that the formational and civilizational approaches, as socio-philosophical in their status, are self-sufficient and do not need any addition from each other. In this respect, they are similar to the cultural and historical types of N. Y. Danilevsky: they interact, but they cannot convey anything significant to each other. Both systems draw the additional information they need from the same source — the social Sciences.

Keywords: *society, socio-economic formation, civilization, development, dialectics.*

References

1. Danilevskij N.Ya. (2011) Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Institute of Russian civilization Publ., Blessing Publ. 816 p. [in Russ.].
2. Zrazhevskaya E. O., Zamogil'ny'j S.I. (2016) Ekonomicheskie i gumanitarny'e issledovaniya. [Economic and humanitarian research], no. 6, pp. 141–145. [in Russ.].
3. Lenin V.I. (1975) Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works]. 5th ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury'. Vol. 1. [in Russ.].
4. Marks K. (1955) Sobraniye sochineniy [Composing essays. Vol. 3]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury'. [in Russ.].
5. Semyonov Yu.I. (2003) Filosofiya istorii. (Obshhaya teoriya, osnovny'e problemy', idei i koncepcii ot drevnosti do nashix dnei) [Philosophy of history. (General theory, main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)]. Moscow, Modern notebooks Publ. 776 p. [in Russ.].

БИОМАРКСИЗМ И ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОГО БЕССМЕРТИЯ

В. А. Рыбин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Антагонизм во взаимоотношении человека и природы в наши дни далеко превзошёл те масштабы, которые обозначились в эпоху раннего индустриального капитализма и соответствовали периоду формирования марксизма. Породив многочисленные кризисы, включая экологический и антропологический, этот новый антагонизм поставил под вопрос дальнейшее существование человеческого рода в его естественном, эволюционно сложившемся виде. Перспектива выхода из данной исторически сложившейся ситуации вырисовывается на путях совершенствования марксистского учения в рамках биомарксизма, согласно которому создаваемая людьми культура — это живой организм, неуклонно эволюционирующий по линии повышения качества жизненного процесса, то есть формирования такого сочетания жизни и смерти, где смерть сдвигается на более поздний период, а продолжительность жизни возрастает. Восприятие смерти как фатальной, неуправляемой, абсолютно господствующей над людьми закономерности обусловлено сохранением в культуре атрибутов прежнего, животного — преимущественно потребительского, выстроенного по иерархическому принципу и ориентированного на смерть как доминанту — типа существования, окончательно исчерпывающего себя в период позднего капитализма. Ведущим фактором выживания человеческой популяции в условиях современности выступает такая трансформация биосферно-техносферного взаимодействия, в результате которой мерой социального прогресса стала бы не эксплуатация природы с целью наращивания материального потребления, а целенаправленное и в перспективе безграничное расширение темпоральных пределов индивидуальной человеческой жизни.

Ключевые слова: *марксизм, биомарксизм, история и предыстория, эволюция, природа, культура, жизнь, смерть, человеческий род, человек.*

Введение. В наши дни всё более очевидным и массовым становится понимание того, что капитализм, то есть буржуазный, рыночный, ориентированный на прибыль тип общественного воспроизводства исчерпывает себя, что необходим переход к принципиально новой форме организации жизни, которую — поскольку «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человечества» [5. С. 13] — следует именовать «историей». Подобное общественное состояние Маркс определял также как «истинное царство свободы», в котором «развитие человеческих сил <...> является самоцелью» [4. С. 387]: «Свобода

в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [Там же].

Проблема заключается в том, что для теоретического моделирования подобного социума требуется гораздо более высокая степень конкретизации, нежели та, что была доступна самому Марксу

в период подъёма индустриального капитализма. Но следует признать, что такого рода модель отсутствует и сегодня, полтора века спустя, в период всеобъемлющего кризиса позднего капитализма, ибо до сих пор остаётся неясным, *какое именно звено* является самым важным, ключевым в цепи факторов перехода от «предыстории» к «истории».

До недавних пор не вызывало серьёзных сомнений то, что в качестве подобного звена выступает экономический фактор, а именно перевод средств производства из частной собственности в общественную с последующим выстраиванием экономического механизма на «общенародной» или «общегосударственной» основе. Именно данное обстоятельство ставилось во главу угла в ходе Октябрьской революции и последующего социалистического строительства в течение почти всего XX века, но крах советского проекта продемонстрировал, что этого было явно недостаточно.

Сам Маркс связывал предел существования капитализма с присущей ему тенденцией к падению нормы прибыли. Суть данной закономерности сводится к тому, что в ходе технического прогресса и возрастания масштабов совокупного капиталистического производства увеличивается как сложность, так и стоимость его технического, «машинного» компонента, вследствие чего в определённый момент весь производственный цикл должен сделаться чрезмерно затратным и убыточным, вслед за чем последует его неизбежная остановка, а затем и социальная революция. Как показал исторический опыт, капитал способен успешно справляться с этой проблемой, сначала делая ставку на науку, которая благополучно выполнила (и продолжает выполнять) заказ на удешевление производственного процесса, а потом, ближе к концу XX в., перемещая промышленное производство в страны третьего мира с их дешёвой рабочей силой, прежде всего в Китай.

Немалые надежды, особенно в первой половине XX в., возлагались на глобализацию, первые признаки которой описал В. И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма»: утверждалось, что освоение рынков сбыта в масштабах планеты сделает невозможным дальнейшее использование накопленного капитала, это потребует передела мира и приведёт к мировым войнам с их кульминацией в образе мировой революции. Первая и Вторая мировые войны как будто подтвердили эту тенденцию. Но после их окончания капитализм ликвидировал обозначившуюся угрозу посредством развития внутреннего

рынка и стимулирования массового потребления, а также финансовых манипуляций. Более того, пережив во второй половине XX в. и на переломе XX–XXI вв. ряд весьма острых моментов, глобализированный капитализм смог выпутаться из них, проявив поразительную изворотливость в изобретении новых приёмов выживания. Последним из таких приёмов стал развал блока «реального социализма» и включение в глобальную рыночную систему почти половины мировой экономики, прежде закрытой для него.

Поэтому не стоит рассчитывать на крах капиталистического Левиафана вследствие деструкций в самом его политическом или экономическом устройстве. Фактор перехода к «истории» надлежит искать в ином измерении. Истолкование учения Маркса в духе биомарксизма [11; 12] позволяет выявить этот фактор и с его учётом выстроить модель вытекающих отсюда практических шагов по направлению к «царству свободы». Далее представлен опыт подобного моделирования.

Новый контекст. Как мы видим, общество позднего капитализма обладает исключительной живучестью, но, как и любая самоорганизующаяся и живая система (а человеческий социум во всех его воплощениях, безусловно, является подобной системой), капитализм обладает неким свойством, задающим *предел его способности жить* — воспроизводить и себя, и контекст собственного воспроизводства. Марксу это было ясно с самого начала, и потому, констатируя обретение капиталистической формацией лидирующего положения среди всех других формаций «предыстории», а также заглядывая в будущее, он писал: «Вместе с тем наступает полная экономическая революция, которая, с одной стороны, создаёт реальные условия для господства капитала над трудом, завершает, придаёт ему соответствующую форму, а с другой стороны, в развитых ею противостоящих рабочему производительных силах труда, в условиях производства и сообщения создаёт реальные условия нового способа производства, снимающего противоречивую форму капиталистического способа производства, создаёт, таким образом, материальный базис по-новому устроенного общественного процесса жизни и тем самым — новой общественной формации» [6. С. 118–119].

Это верно, но в чём конкретно заключается предел капиталистической, рыночной, сугубо «экономической» формы воспроизводства совокупной духовно-практической жизни людей, а главное, в чём именно выражается *главный фактор* формирования

новой, более высокой общественно-экономической формации, и здесь остаётся неясным. Мысль Маркса многократно возвращается к этой проблеме, уточняет и классифицирует предпосылки её решения, но в конечном итоге не находит чёткого и однозначного ответа.

Дело в том, что на соответствующем этапе Маркса уровне научного познания, а главное, на уровне тех противоречий, которые обозначились тогда как базисные и определяющие, её невозможно было решить. Надо полагать, её в принципе невозможно решить в рамках исключительно философского и социально-экономического (политэкономического) подхода, которыми был ограничен Маркс, хотя он упорно старался выйти за эти рамки.

Подобное решение представляется возможным лишь в нашу эпоху, когда прорывные достижения в науках о жизни создали предпосылки для формирования парадигмы биомарксизма, согласно которому совокупная целостность современной культуры в сочетании всех её компонентов представляет собой не что иное, как живой и особым образом прогрессирующий организм, подошедший к переломному пункту своего развития. С этой точки зрения пределом капиталистического способа производства выступает *жизнеспособность человеческой популяции, которая в условиях его господства, особенно на заключительных его этапах, демонстрирует явную и неуклонно нарастающую тенденцию к снижению и ослаблению*. Показателем этого, с одной стороны, становится серьёзнейшее углубление экологического кризиса в виде многочисленных экологических катастроф регионально-го и глобального масштаба с вытекающей отсюда реальной и вполне просматриваемой угрозой тотального отравления природы, а с другой — депопуляция человечества вследствие резкого снижения его биологической устойчивости, в том числе иммунной. Эпидемия сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, а также возникновение новейших инфекций типа COVID-19 доказывают это самым убедительным образом [14].

В этом свете снижение нормы прибыли, про которую писал Маркс, это лишь часть более обширного и глубокого процесса деградации как самого человеческого рода, так и среды его обитания в условиях выстроенного на индустриальной основе и, в конечном счёте, ориентированного на прибыль, исторически конкретного «монотехнического» типа социокультурного воспроизводства, который остаётся базисно однородным во всех своих вариантах — от классического западного капи-

тализма до позднего социализма советского или китайского образца. Подобная деградация носит общебиологический характер, и потому с чисто экономической, социальной или политической точек зрения, не учитывающих экологический и медицинский аспекты проблемы, установить срок жизни этого завершающего «предысторию» типа общества не представляется возможным. Но предел его существования очерчивается, если именно эти биологические аспекты избрать в качестве тех пунктов, «где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему» [8. С. 476].

Проблема альтернативы. Учитывая сказанное, переход к «истории» должен каким-то образом сочетаться с преодолением нынешнего биосферно-антропогенного кризиса, порождённого неизбежным в условиях капитализма «рыночным» — узкопотребительским, ориентированным на быструю отдачу и максимальную выгоду — отношением к природе и человеку. Поэтому требованием текущего момента становится отрицающая эту тенденцию «борьба за биологическое существование», что в практическом плане предполагает ликвидацию всех порождаемых рыночным мироотношением факторов воздействия на природу, а в теоретическом плане — моделирование альтернативных вариантов дальнейшего общецивилизационного развития с максимально доступной степенью их конкретизации.

В этом случае для начала необходимо переосмыслить некоторые относящиеся к делу понятия и принципы, преодолев стереотипы как обыденного, так и научного познания. Начать следует с методологии. Известное положение Маркса, гласящее, что «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» [8. С. 42] (согласно которому процесс исследования любых теоретических и практических феноменов является продуктивным только тогда, когда во внимание принимаются их наиболее развитые аналоги), до сих пор было принято интерпретировать в смысле необходимости следовать тем образцам, которые уже сформировались и имеются в наличии. В текущей ситуации этот тезис следует толковать как необходимость ориентации на предметы и явления, которых ещё не было ни в естественной эволюции, ни в эволюции культуры на этапе её «предыстории», но которые могут и должны быть созданы в дальнейшем по ходу «истории» с опорой на заранее выработанные

модели. В первую очередь речь идёт о самом феномене жизни и её формах.

Понятие жизни. Традиционно жизнь понимается как нечто, противостоящее смерти и несовместимое с ней: есть жизнь — нет смерти, приходит смерть — уходит жизнь. Кажется, всё очевидно и понятно. Но подобный взгляд упрощает реальное положение вещей, ибо сама смерть появляется только в мире живой, органической природы и живых систем [2. С. 19], которые воссоздаются и воспроизводятся в процессе обмена по двум линиям — обновления и деградациии, потребления и выделения, синтеза и распада. Однолинейные процессы, напротив, господствуют в неорганическом мире, где в пределах одной системы происходит либо только синтез, либо только распад, например, рост кристаллов или окисление железа. В этом мире нет смерти, он не мёртвый, он просто неживой.

Поэтому следует сделать вывод: *умирают только живые системы*, причём не сразу, а начиная с какого-то момента, когда в их составе периоды преобладания синтеза над распадом (детство и молодость) и их равновесия (зрелость) сменяются периодом доминирования распада над синтезом (старение, то есть замедленное умирание).

Смерть, таким образом, изначально включена в процесс жизни в качестве необходимого условия её обновления. Просто в начальный период существования живой системы смерть пребывает где-то на втором плане, а потом заявляет о себе и постепенно берёт верх.

Если взглянуть с более широкой, общеэволюционной точки зрения, то само появление жизни (и, как выясняется, смерти) представляет собой результат перехода эволюционного процесса на более высокий, нежели в неживой природе, уровень, связанный с возникновением биосферы и животных видов — включённых в неё живых систем, которые конкурируют друг с другом не только за ресурсы, но и за оптимальность сочетания обменных процессов, показателем чего становится их *жизнеспособность, то есть способность сдвигать наступление смерти на более отдалённый период*. В эволюционной биологии этот показатель определяется как средняя продолжительность жизни (ПЖ) особей конкретного вида.

По данному параметру положение человека на эволюционной лестнице весьма благоприятно: как индивид он доживает до 90–95–115 лет [3. С. 163] и превосходит своего ближайшего среди обезьян предка — шимпанзе — более чем в два

раза. Эта разница столь значительна, что с появлением человека приходится говорить о принципиально новой ступени эволюционного процесса уже в пределах живой природы.

Источник перехода на эту ступень — формирование культуры как живой, но особенно активно воспроизводящейся системы, основанной на использовании её агентами искусственных орудий труда, благодаря чему *направленность эволюционного процесса смещается с преобразования самих живых видов и организма их особей на преобразование внешней среды*. В то же время сам человеческий вид остаётся морфологически неизменным [1. С. 525]. Он выходит из господствующей в живой природе межвидовой борьбы за существование, в которой, как известно, выживают далеко не все, и обретает способность «существовать настолько долго, насколько будут создаваться соответствующие условия для существования на нашей планете» [2. С. 44]. Де-факто это означает, что человеческий род становится бессмертным.

Данное обстоятельство уже принципиально по-новому расставляет акценты в соотношении особи и её вида: если у животных видов в биосфере оно определяется формулой «*смертный вид — смертная особь*», то у людей возникает новое соотношение по формуле «*бессмертный вид — смертный индивид*». С этой точки зрения, хотя человеческий род и выходит из рамок биологической состязательности, создавая для себя самые благоприятные перспективы выживания, но полноценным качеством жизни наделяется только человеческая популяция в целом, тогда как жизнь отдельного человека выступает лишь как короткоживущий материал для устремлённого в будущее человечества. Вполне закономерно, что смерть в этом случае осознаётся как фатальная, неуправляемая сила, превосходство которой признаёт как обыденное сознание («бог дал — бог взял», «всё проходит...», «все мы смертны...»), так и научно-философское миропонимание в различных его вариантах (от стоически-безнадёжных в духе «всё проходит, и это пройдёт» до пафосно-оптимистических типа «смертен отдельный человек, но бессмертно вечно живущее человечество»). Достоверность этой пропитанной фатализмом картины на первый взгляд представляется абсолютной, но в параметрах правильно прочитанного марксизма всё выглядит по-иному.

Структура живой культуры. Картина мира, которую рисовал Маркс, складывалась из трёх компонентов: природа как естественное внешнее

тело человека [7. С. 92]¹ (биосфера), «промышленность» как совокупность искусственных орудий труда [7. С. 124] (техносфера) и сам человек как живой индивид (конкретизированное до отдельного организма воплощение живой природы) [7. С. 122, 124, 162–163]. Однако если учесть то новое биологическое соотношение между человеческим родом и индивидом, о котором было сказано выше, то в картину мира надо добавить ещё один, четвёртый компонент — человечество в образе некоего особого живого сверхорганизма, как бы бесконечно продлённого во времени и составленного из преходящих элементов, а именно смертных короткоживущих людей.

В этом комплексном виде культура и складывается в единую живую целостность, которая включает в себя три живых компонента (биосфера, человеческий род и человеческая особь как элементарный живой и смертный организм) и один неживой (техносфера). Их сочетание является необходимым условием для воспроизводства культуры, но сама культура остаётся живым организмом только до тех пор, пока первые три — живые — компонента господствуют над четвёртым — неживым. Если верх берёт четвёртый компонент, жизнь уходит.

Именно таковы заключительные этапы «предыстории», на которых баланс жизни неуклонно подтачивается. Если на ранних этапах «предыстории» доминирует биосфера, то после промышленной революции начала XIX в. и особенно в ходе научно-технического прогресса XIX–XX вв., когда человечество обозначает себя как «новая геологическая сила» (В. И. Вернадский), верх всё более уверенно берёт техносфера, переразвитие которой в утвердившемся варианте, как мы всё больше убеждаемся, угрожает вымиранием или, по меньшей мере, качественной трансформацией высших форм жизни уже в самое ближайшее время, а именно до конца XXI в. или даже раньше — до начала второй его половины. Учитывая, какими темпами разворачивается биологическая катастрофа, последний вариант выглядит более вероятным.

¹ В немецком оригинале Маркс, характеризуя природу, использует прилагательное *unorganisch*, которое до сих пор переводилось как «неорганическое», образуя представленное во всех отечественных изданиях словосочетание «природа есть неорганическое тело человека», но которое в соответствии со смыслом фрагмента и нормами немецкого языка целесообразно переводить как «неорганизованное», что позволяет прочесть фразу по-новому: «природа есть (в)неорганизованное тело человека».

В свете данной перспективы прежнее, характерное для человечества соотношение «бессмертный вид — смертный индивид» сменяется новым «смертный вид — смертный индивид», что обозначает критический и, возможно, самый рискованный в истории человеческого рода момент, связанный с необходимостью срочно выработать такие формы воспроизводства организма культуры, которых не было прежде ни в природе, ни в самой культуре, которые обозначились лишь на завершающем этапе «предыстории», в период позднего капитализма. В предельно общих чертах эти формы предполагают сбалансированное и гармоничное взаимодействие между биосферой и техносферой. Однако для того, чтобы параметры такого взаимодействия определились с необходимой чёткостью, предварительно требуется достижение их полного противопоставления и противостояния. Поэтому, пишет Маркс, «в объяснении нуждается <...> не *единство* живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой и в силу этого присвоение ими природы, а *разрыв* между этими неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием, разрыв, впервые полностью развившийся лишь в форме отношения наёмного труда и капитала» [8. С. 478].

К вопросу о предпосылках «истории». Таким образом, мы снова возвращаемся к вопросу о факторах формирования «истории», но уже на новом уровне — обладая более чётким представлением и о самой культуре, и о возможностях нового сочетания её компонентов.

Стало ясно следующее. Выяснилось, что живой (пока ещё) организм культуры складывается из четырёх компонентов: биосфера как живая часть естественной природы + человечество как особый долгоживущий живой сверхорганизм + техносфера как совокупность искусственных орудий труда + человеческая особь как элементарная смертная и живая организменная целостность. Определилась историческая тенденция преобразования этих компонентов, которая не исключает достижения их гармоничного единства, но реализуется через период их предельного антагонизма. И наконец, подтвердилась необходимость перестроить соотношение этих компонентов таким образом, чтобы как можно раньше предотвратить угрозу полного поглощения естественного живого бытия — неживыми суррогатами искусственного происхождения, вплоть до конечного и уже реально просматриваемого финала этого деструктивного процесса

в виде полной роботизации как физических (проект трансгуманизма), так и ментальных (тотальная цифровизация) качеств живого человека.

Сложность подобной неотложной перестройки вызвана тем, что обрисованная выше угрожающая перспектива является отнюдь не результатом некоего внезапного эволюционного поворота, а выступает как закономерное следствие тех трендов исторического развития, которые всегда было принято рассматривать в качестве наиболее позитивных и существенных — связанных в первую очередь с ликвидацией «нехватки» материальных предпосылок физического выживания людей. По этой причине научно-технический прогресс, обусловленный и достижениями самой науки, и её техническими результатами, равно как и сопутствующее политико-социально-экономическое совершенствование социума в духе «демократизации» и «прав человека», до самых последних пор расценивались как эталон развития и наивысшее благо.

На первый взгляд всё так и выглядит, однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что эти тренды подчиняются некоему не слишком заметному фактору, который до поры поддерживал жизнеспособность всего организма культуры, но сегодня сделал невозможным её выживание в прежней, характерной для «предыстории» форме.

Таким условием является господствующее в мировоззрении *исключительно потребительское отношение* и к биосфере, которая на этапе «предыстории» рассматривалась и рассматривается исключительно как источник ресурсов и резервуар для сброса отходов, и к человеку, который до сих пор выступал и выступает как «живое орудие» в обменных циклах либо преимущественно природозависимого типа (традиционное общество), либо преимущественно природозатратного типа (индустриально-информационное общество). В сущности это тот же самый потребительский (хотя и усовершенствованный за счёт техники) способ существования, который ведут животные виды на разных ступенях биологической лестницы. Преобладание потребительской мотивации в мире людей на этапе «предыстории» тоже приводит к тому, что и человеческий социум выстраивается по иерархическому принципу, разделяясь на тех, кто пребывает на нижних ступенях парабологической социальной лестницы, то есть *потребляется* и несёт сопутствующие этому издержки, и на тех, кто, пребывая на верхних её ступенях, *потребляет* блага, вытекающие из своего господства.

В те периоды, когда человеческий род существовал на грани выживания, под давлением внешней природы, ресурсы которой казались неисчерпаемыми, подобный потребительский характер отношения к ней, равно как и соответствующий социальный (дис)баланс, представлялись единственно возможными, объективно неизбежными, «законными» формами существования. Сегодня, когда ресурсы естественной природы в образе биосферы и в лице человека поставлены на грань «окончательного потребления ради полного израсходования» (Мартин Хайдеггер), сохранение этих форм подрывает все основы воспроизводства культуры как живого организма и ускоряет процессы, приближающие её смерть, в первую очередь смерть человеческой популяции. Это означает, что «история» может начаться только тогда, когда отрицанию будут подвергнуты не только капитализм, но и все прежние варианты функционирования социума, построенные на господстве и подчинении, равно как и на абсолютизации потребительской мотивации в человеческом поведении.

К вопросу о переходе в «историю». В то же время выход из сложившейся ситуации с перспективой перехода в «историю» следует искать не на путях «исторического луддизма», то есть отказа от достижений науки и разрушения технически ориентированной культуры, а напротив, на линии теоретически обоснованного и научно выверенного использования их достижений с целью смены прежнего, сложившегося в «предыстории» вектора эволюционного процесса с присущим ему восприятием смерти как фатальной неизбежности, на новый, присущий «истории» вектор, при котором смерть выступала бы как фактор, хотя и не отменяемый вовсе, но постоянно — *а в пределе и бесконечно* — сдвигаемый на более отдалённый, поздний период человеческой жизни.

Иными словами, на место прежнего соотношения «*бессмертный вид — смертный индивид*» и сложившегося относительно недавно, но стремительно усугубляющегося на наших глазах соотношения «*смертный вид — смертный индивид*» необходимо поставить новое соотношение «*бессмертный вид — бессмертный индивид*». С этой точки зрения «история» человечества должна начинаться с создания реальных предпосылок бессмертия человеческого индивида, относительно которых в данном случае целесообразно ограничиться соображениями самого общего порядка.

Первый шаг в обозначенном направлении — преодоление невиданно возросшего на переломе XX—

XXI вв. социального и экономического неравенства [10] с целью ослабить поток природозатратного и селективно выстроенного потребления, перенаправив образующиеся при этом ресурсы на создание такого механизма взаимодействия техносферы с биосферой, который выверялся бы по критерию повышения жизнеспособности и всей человеческой популяции, и конкретного человеческого индивида в качестве индикатора и меры продуктивного развития живого организма культуры.

Это означает, что на ведущее положение в современном социуме выдвигается медицина, разумеется, не в том виде узких и взаимно изолированных мер по «ремонту» финальных стадий деструкции и умирания человеческого организма, какой она имеет сегодня, а в образе социального института по *профилактике здоровья индивидов*. Подчеркнём, по профилактике именно *здоровья, а не болезней*, как фактически было даже в наиболее совершенном в новейшую эпоху — советском — варианте организации здравоохранения. Ведущий принцип подобного обновления социального института медицины — нацеленность на такое предельно широкое и взаимно согласованное преобразование факторов человеческого существования, которое распространялось бы от облагораживания всей

экологической среды до лечебной коррекции отдельного человеческого организма, что в качестве комплексного результата не только наращивало бы продолжительность жизни за счёт растягивания процессов старения, как это происходит сегодня, но, продлевая молодость, предупреждало бы их на самых ранних возрастных этапах.

Закономерно, что в этом случае на роль лидирующей в социуме профессиональной группы должны быть выдвинуты медики, а также представители сфер, связанных с формированием личности и созданием оптимальных условий её жизнедеятельности (образование, управленческая и правоохранительная деятельность и т. д.).

Потенциал для новой клинико-экологической доктрины давно уже накоплен [9; 13]. Совмещение её с основными положениями доктрины биомарксизма означало бы создание практически действенной теории перехода от «предыстории» к «истории» в образе модели по формированию такого организма культуры, который прогрессировал бы за счёт постоянного (и в перспективе бесконечного) продления срока жизни конкретного человеческого индивида. Изложению базисных предпосылок теории этого рода и была посвящена представленная работа.

Список литературы

1. Алексеев В. П. Человек: эволюция и таксономия // Избранное : в 5 т. Т. 2. М. : Наука, 2007. 687 с.
2. Биология старения. Л. : Наука, 1982. 616 с. (Руководство по физиологии).
3. Дильман В. М. Четыре модели медицины. М. : Медицина, 1987. 288 с.
4. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. 552 с.
5. Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. 772 с.
6. Маркс К. Подготовительные материалы к «Капиталу» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. 556 с.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. 536 с.
8. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. 560 с.
9. Медик В. А. Заболеваемость населения: история, современное состояние и методология изучения. М. : Медицина, 2003. 512 с.
10. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
11. Рыбин В. А. Биомарксизм: опыт новейшей реконструкции учения Маркса // Вестник Пермского университета. 2018. Выпуск 2. С. 179–190.
12. Рыбин В. А. Марксизм как учение о живых системах // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415). С. 52–61.
13. Улумбекова Г. Э. Здравоохранение России. Что надо делать. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2016. 144 с.
14. Рыбин В. А. Эпидемия и после // Литературная Россия. 2020. 14 мая. (№ 18). URL: <https://litrossia.ru/item/epidemiya-i-posle>

Сведения об авторе

Рыбин Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Челябинский государственный университет. Челябинск. Россия. wlad@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 13–20.*

BIOMARXISM AND THE PROBLEM OF INDIVIDUAL IMMORTALITY

V.A. Rybin

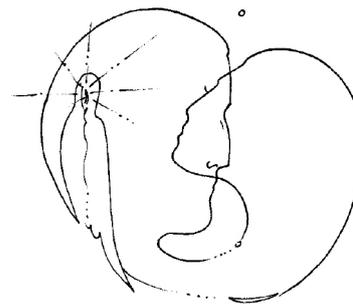
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. wlad@csu.ru

Antagonism in the relationship between man and nature today has far surpassed the scale that emerged in the era of early industrial capitalism and corresponded to the period of the formation of Marxism. It has given rise to numerous crises, including environmental and anthropological. This new antagonism called into question the continued existence of the human race in its natural, evolutionary form. The prospect of overcoming this historical situation looms on ways to improve Marxist teachings within the framework of biomarxism. According to biomarxism, the culture created by humans is a living organism that steadily evolves along the line of improving the quality of the life process, that is, such a combination of life and death, where death shifts to a later period, and life expectancy increases. The perception of death as a fatal, completely unmanageable, absolutely dominating pattern over people is due to the fact that the culture retains the attributes of the former, animal — mainly consumer, built on a hierarchical principle and focused on death as the dominant — type of existence. This type of existence is finally exhausted in the period of late capitalism. The leading factor in the survival of the human population in modern conditions is such a transformation of biosphere-technosphere interaction, as a result of which the measure of social progress would not be the exploitation of nature in order to increase material consumption, but a purposeful and in the future unlimited expansion of the temporal limits of individual human life.

Keywords: *Marxism, biomarxism, history and background, evolution, nature, culture, life, death, human race, man.*

References

1. Alekseev V.P. (2007) *Chelovek. Evolutia i taxonomia [Man. Evolution and taxonomy]*. Isbrannoye: v 5 t. Tom 1 [Favorites: in 5 vol. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ. 687 p. [in Russ.].
2. *Biologia starenja. Rukovodstvo po fiziologii (1982) [Biology of aging. Manual of Physiology]*. Leningrad, Nauka Publ. 616 p. [in Russ.].
3. Dilman V.M. (1987) *Chetyre modeli meditsyny [Four models of medicine]*. Moscow, Meditsina Publ. 288 p. [in Russ.].
4. Marx K. (1962) *Capital [Capital. Criticism of political economy]*. Marx K., Engels F. *Soshineniya [Writings. Vol. 25. P. 2]*. Moscow, Gospolitizdat Publ. 552 p. [in Russ.].
5. Marx K. (1959) *Kritika politicheskoy ekonomii [Criticism of political economy]*. Marx K., Engels F. *Soshineniya [Writings. Vol. 13]*. Moscow, Gospolitizdat Publ. 772 p. [in Russ.].
6. Marx K. *Podgotovitel'nyye materialy k Capitalu [Capital Preparations]*. Marx K., Engels F. *Soshineniya [Writings. Vol. 49]*. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 556 p. [in Russ.].
7. Marx K. (1974) *Economitchesko-philosophskiye rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]*. Marx K., Engels F. *Soshineniya [Writings. Vol. 42]*. Moscow, Politizdat Publ. 536 p. [in Russ.].
8. Marx K. (1968) *Economitcheskiye rukopisi 1857–1859 godov [Economic manuscripts of 1857–1859]*. Marx K., Engels F. *Soshineniya [Writings. Vol. 46. P. 1]*. Moscow, Politizdat Publ. 560 p. [in Russ.].
9. Medik V.A. (2003) *Zabolevayemost' naseleniya: istoriya, sovremennoye sostoyaniye i metodologiya izucheniya [Incidence of population: history, current state and methodology of study]*. Moscow, Meditsina Publ. 512 p. [in Russ.].
10. Picetti T. (2016) *Capital v XXI veke [Capital in the 21st century]*. Moscow, Ad Marginem Publ. 592 p. [in Russ.].
11. Rybin V.A. (2018) *Bulletin of Perm State University*, vol. 2, pp. 179–180. [in Russ.].
12. Rybin V.A. (2018) *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 5 (415), pp. 52–61. [in Russ.].
13. Ulumbekova G.E. (2016) *Zdravookhraneniye Rossii. Chto nado delat [Healthcare of Russia. What to do]*. Moscow. 144 p. [in Russ.].
14. Rybin V.A. (2020) *Literary Russia*, may 14 (no. 18), available at: <https://litrossia.ru/item/epidemiya-i-posle>

Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 8 (442).
Философские науки. Вып. 57. С. 21–28.

УДК 141.7
ББК 71.03

DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10804

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА В РИСКАХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

В. А. Жилина

Магнитогорский государственный технический университет имени Н. И. Носова, Магнитогорск, Россия

Статья посвящена проблеме состояния современной культуры в корреляции с существенными изменениями социального субъекта. В сравнительном анализе основных гуманитарных и социальных исследований по наиболее актуальным социальным проблемам в статье предложено в целях повышения эффективности их решений, предлагаемых в научном анализе, использовать основные инструментарию онтологического подхода. Гипотеза исследования заключается в предположении, что все риски современного состояния культуры детерминированы трансформациями её субъектов, а сама сущность культуры изначально онтологична. В частности, особо показано, что любой срез культуры неизбежно демонстрирует сложность проявления уникального в типизации массового, повторяющегося. Предложена некоторая синтетическая методология, сочетающая преимущества научного и философского исследования. Раскрыты последствия воздействия изменённой социальной среды на процессы инкультурации субъекта и выявлены основные негативные и позитивные моменты в современном культурном поле. В этом контексте предпринята попытка прояснения реальных причин, детерминирующих деструктивные тенденции в развитии отдельных институтов культуры. Особо подчёркивается значимость привлечения онтологического анализа в целях предотвращения неустойчивых состояний культуры.

Ключевые слова: культура, кризис, коммуникативный субъект, бытийное унижение культуры, онтологический подход, временность культуры.

Современное состояние социума сегодня устойчиво характеризуется как кризисное, при этом в анализе теоретической мысли по вопросам кризисного развития культуры отчётливо прослеживается акцент на доминировании двух основных детерминационных сил этого процесса: постоянный рост объёма информации, обращённой к социальному субъекту, и нарастание интегративных связей внутри социальных общностей. Обращает на себя внимание тот факт, что обе тенденции трансформаций общественных связей и социальных отношений существенно проявляют себя в изменённых характеристиках их носителя. Социальный субъект постиндустриального, коммуникативного общества имеет иную степень

социальной активности, что следует из его экзистенциальных свойств [3]. В этих изменениях наиболее наглядны трансформации в следующих сферах: в языковой оболочке культурного облика субъекта субъект становится явно полиязычным; в процессах коммуникации — смена «живого» общения виртуальным; во взаимодействии с миром — мир существенно сужен до определённых технических срезов. Соответственно, экзистенциальное включение в культурную среду начинает демонстрировать иное наполнение свободы как основной бытийной характеристики. В социальной практике это означает неизбежное изменение степени ответственности, сопряжённой со смысловым осознанием свободы, что не может не ска-

заться на процессах общественных взаимосвязей. Применительно к целостности культурного поля такие трансформации представляются более чем существенными. Сама культура как предельное обобщение социальности по сути есть взаимопересечение воли и действий всего множества социальных субъектов. В констатации объективной изменённости форм этих волей становится ясна трансформированная оболочка самого культурного поля. То есть кризис культуры сегодня — это не просто некие негативные процессы в тех или иных социальных институтах, это глубинные процессы в изменениях её развития.

В частности, анализ современных исследований логики и сути состояния культуры человечества позволяет выявить одну общую черту во всём их разнообразии — так или иначе они проводятся в гранях диалектики общего и единичного. Так, само кризисное состояние невозможно исследовать без конкретизации выбранных острых проблем до уровня этнического развёртывания культурной сферы. Например, в анализе актуального состояния российской культуры наиболее наглядны деструктивные тенденции как некие вызовы её устойчивому существованию в процессах разрушения традиционной системы образования. Другим болезненным вопросом становится развал прежней идеологической системы и провал моделей «без идеологического» гражданского общества, построенного к тому же в рамках идеализированного правового государства. При этом социальная и гуманитарная мысль, будучи предметно ограниченной, не в состоянии проследить взаимосвязь между обозначенными проблемами. Поэтому в рамках научного анализа культура предстаёт фрагментарно, а проблемы становятся безосновными. Например, широко поднимаемая проблема смены позитивной системы ценностей негативной в некоторые моменты развития социума даже нигилистического характера нередко сводится к описанию и констатации некоторых социальных фактов. В лучшем случае её причины видятся в негативных характеристиках современного социального субъекта. Получается метафизически не очень логичная картина: субъект не может быть вне культуры, но этот субъект «не хочет» быть в культуре. В социальной практике такой ситуации быть не может, лишённая моделирования практика чётко расставляет всё по местам: культура — через субъекта, субъект — через культуру. Отсюда философский анализ в таких условиях оказывается в более выигрышной ситуации в силу собственного целостного характе-

ра. Например, применительно к рассматриваемым проблемам восстановление реальной логики состояния социальной практики предстаёт следующим образом. Деструктивная ситуация в образовании ведёт к нарушениям в процессах социализации. Разрывы в процессах инкультурации усугубляются отсутствием единого смыслодержающего поля — идеологического идеала и соответствующей матрицы построения системы ценностей. Результатом становится хроническая «болезнь» культурного развития — ослабление культурной памяти. Именно в последнем и обнаруживаются истинные причины негативных трансформаций ценностного среза российского общества.

С точки зрения философских уровней исследования действительности такой подход к анализу социальных проблем можно характеризовать в качестве онтического среза актуальности. В выявлении сути исследуемых явлений онтический подход несколько уступает онтологическому уровню. Но даже на этом уровне отчётливо видна эффективность привлечения философского арсенала в процессы изучения наиболее острых проблем культурного развития. В выбранных в качестве примера проблемах, например, становится понятным «втягивание» российского общества в технологии гламура и креатива, которые иногда агрессивно даже пытаются полностью заменить собой процессы творчества. Деструкция в инкультурации детерминирует доминирование закона отрицания отрицания в естественных связях развития. Лишённый необходимой социальной опоры субъект «благодарно» принимает возможность собственной штамповки, которая в своих формах очень похожа на обезличенную принудительную зависимость человека от общества, провозглашённую эпохой Просвещения. Более того, тогда степень свободы предлагалось коррелировать с осуществлёнными потенциями Разума в отношении принятия этой самой обезличенности. Сам Разум представляется тогда в виде некоторой пустой субстанции, которую можно наполнить любым содержанием. Гламур, вытесняющий моду, в качестве универсального механизма «действия» человека ещё более эффективен, чем полное опустошение Разума. Он полностью пуст, его визуальной формой становится универсальный фотошоп, в процессе которого идёт работа только с формой. Аналогичная работа с формой в реалиях коммуникативных потоков современного социума — это бесконечные ток-шоу, где содержание становится неважным, на первый план выходит сам способ подачи информации,

а семантическое содержание программы очень часто вытесняется манипулятивными образами, по законам мифа направленными напрямую к психике человека. В результате такого анализа становится очевидным, что привлечение онтического анализа позволяет возродить истинное положение дел в культуре: не технологии коммуникаций агрессивно возвышаются над человеком, а сам субъект продуцирует эти технологии в целях удовлетворения собственных потребностей. Тем самым проясняются причины реальных практических следствий этих процессов: субъект действительно сегодня может быть охарактеризован как аполитичный. Последнее в современных условиях означает не маргинальное игнорирование политической сферы, а является одной из форм современного отчуждения. В терминологии экзистенциализма данное состояние субъекта можно определить как доминирование позиции квиетизма. Это, в свою очередь, детерминирует наступление состояния полной социальной апатии, которая с необходимостью устойчиво формирует аксиологически неопределённое отношение к собственным культурным корням. Будучи формой явленности взаимодействий аксиологически неустойчивых субъектов, культура сразу теряет защитные свойства. В современных условиях такая ситуация становится для её состояния угрожающей: глобализация стремится нивелировать вся и всех, что рождает жёсткий прессинг культур друг на друга, следствием становится жёсткая борьба за выживание. Независимо от позиции в этой борьбе фактически все этнические культуры имеют общее положение в аспекте социальности: их состояние можно охарактеризовать сегодня как бытийное унижение. Если экспансия не сдерживается внутренними барьерами (долгое время в таком состоянии находилась российская культура), то деструктивные тенденции становятся весьма заметными.

Наличие уничижительной системы ценностей в качестве основания российской культуры обнаруживается при сравнительном анализе теоретических исследований по её проблемам. Условно можно определить, что сегодня поиск устойчивого основания в развитии российской культуры определён двумя условными границами. Обе вырваны из целостности её реального существования и обе могут быть констатированы в качестве устойчивых традиционных маркеров отечественной культуры. Представляется, что теоретические исследования либо в ностальгических настроениях возрождают мысли о мессианстве русского народа в сущност-

ных особенностях противостояния Добра злу, либо занимаются констатацией множества манипулятивных практик в процессе эксплуатации образа русской идеи, чаще всего сведённых к построениям уникальной отечественной модели социального общежития в повседневной «диалектике» свободы каждого и некоторой сильной руки [6]. И первое, и второе отвечает потребностям социального развития. Мессианство сегодня уже мало ассоциировано с богоизбранностью, оно скорее выступает образом нерушимой целостности во всех сферах социального развития — от сферы выживания в среде до особой силы Духа. Акцентирование на политико-социальном аспекте пресловутой русской идеи отвечает на запрос о необходимости поиска основания собственной и социальной безопасности. Питает данные тенденции и политическая конъюнктура, от которой никогда не были свободны гуманитарные науки. Ситуация в социальной практике становится особо серьёзной, если конъюнктурные моменты затрагивают смежные области теории и практических проблем. В поле российской культуры такой опасной сферой следует считать эксплуатацию не просто особенностей моделей социального развития, а механизмов её развития, в частности, использование теории русского бунта в качестве основания разрешения современных социальных проблем. Спекуляция народной памятью в псевдонациональных построениях привлекательности и притягательности русского бунта способна привести к самым разным социальным последствиям в виде реакций социального субъекта, аполитичное состояние которого раскрывает онтический срез актуального состояния социальности. В качестве крайностей следует констатировать попытки оправдания любого негатива в социальной жизни или, напротив, провокации к деструктивному поведению в отношении любых социальных проблем. Примеры и того, и другого заметны сегодня в социальной практике. Существенным является тот факт, что такие теоретические выводы не просто угрожают стабильности общества, они деструктивны в отношении самого субъекта. Экзистенциальная составляющая становится нигилистически окрашенной. В этом случае субъект становится наиболее идеологически обработанным. Идеологию здесь следует понимать не в качестве некоторой политической доктрины. Некоторые политические программы действия следует рассматривать в качестве частного случая явленности идеологии в культуре. Идеология находится в пересечении

объективных закономерностей социального развития, её, скорее, следует определить как некий универсальный механизм преломления некоторого общего содержания культуры в конкретных единичных носителях. Если главная позиция этого носителя нигилистична, то общее в культуре его поглощает, он растворён в информационных и социальных потоках. Он ведом.

Научный анализ в силу предметной ограниченности не «видит» этих сущностных оснований. Более того, за его пределами лежит и ответ на вопрос: чем обусловлен выбор проблем, исследуемых в настоящее время в гуманитарных и социальных науках? Отсылка к практике социального развития является односторонней, построенной по принципу «зеркального» отражения. Углубление в онтический срез культуры способно прояснить этот вопрос: определённым детерминационным фактором является особая форма символизма российской культуры. Именно эта характеристика объясняет взаимосвязь складывающегося менталитета современных субъектов, их реальных действий и специфики сложившихся объективных закономерностей движения культуры и её институтов. Однако символизм как одна из форм культуры в силу многозначности символа не может не продуцировать сомнение. Это будет не сомнение в значимости или бесполезности, в истинности или заблуждении проводимых исследований. Это онтологически укоренённое сомнение как один из детерминационных факторов существования культуры. Таким образом, в анализе кризисных явлений состояний российской культуры следует не односторонне отсылать к практике или следовать логике теории, а учитывать их взаимосвязь. Данная взаимосвязь детерминирована и объективной закономерностью развития самого научного знания: проникнув во все социальные сферы, наука сегодня — это реальный фактор инкультурации социального субъекта. Косвенно это подтверждает и философская мысль: констатируемая «смерть» субъекта есть опредмеченность рефлексии относительно состояния культуры [4].

В свою очередь, необходимость синтеза определения границ непосредственных социальных проблем и анализа логики развития теоретической мысли в целях повышения эффективности предлагаемых решений требует привлечения онтологического анализа. Тем более, что сама культура насквозь онтологична, что демонстрирует, например, исследование целостности культурного поля. Любой анализ в этой сфере нагляден в плане обна-

ружения сложностей типизации в массовом срезе наличного уникального и неповторимого. Недаром «вечной» проблемой в состоянии культуры выступает противостояние её элитарных и массовых форм. Такая «вечность» прослеживается не только в практике социальной жизни, где способна провоцировать многие конфликтные состояния социума, но в культурологической и гуманитарной мысли, которые так и не могут окончательно демаркировать данные формы существования культуры. До сих пор в исследованиях больше возникает вопросов, чем предлагается решений, например, по вопросам живучести или качества массовой культуры. Условно можно констатировать умножение сущностей. Аналогичные ситуации прослеживаются и в других областях исследования культурных феноменов. Разрешение такого своеобразного теоретического кризиса возможно только при чётком определении онтологических граней в постановке проблем и предлагаемых решениях.

Уже простое обращение к инструментарию онтологического анализа позволяет увидеть и разрешить фундаментальную проблему, сопровождающую почти все современные научные исследования социальных проблем. Снижение эффективности поиска и обнаружения решения социальных вопросов зачастую детерминировано изначальной онтологической подменой — отождествлением сущности рассматриваемого феномена и его непосредственных бытийственных форм. Несмотря на то, что само философское знание уже преодолело данное фундаментальное заблуждение греков, сведение сущностных качеств к формам наличного существования до сих пор предстаёт удобным в теоретическом анализе. Так, например, в определении причин деструктивных тенденций в системе образования наглядны обобщения недостатков предлагаемых моделей реформирования. Возникает желание их улучшения, что, в принципе, может превратить данный процесс в «дурную» бесконечность. Однако изменение форм не приводит к желаемой коррекции содержания. Сущностный срез проблемы в ином — в субъекте, который страдает «разрывами» в основном навыке, формируемом образовательным процессом, в способности критически мыслить [2]. В свете этого сразу становится понятной бесперспективность бесконечного выстраивания моделей образования. Выходом представляется возвращение субъекту его реальной сущности — формирование у него возможности и стремления к «поступкам без ожидания успеха». Применительно к проблемам идеологического или

без идеологического существования российской культуры подмена сущности условиями существования выглядит ещё более фундаментально. В обществе, где идеология находится под конституционным запретом, не только разгул идеологических смещений, но и налицо нарушение политического регулирования политических доктрин и корректности их социальных позиций. Тем не менее обращение к реальной сути происходящего убедительно показывает, что действительные причины кроются не в политических манипуляциях или их запретах, а в господстве идеологии потребления над идеологиями созидания. Следовательно, выход видится в минимизации действия первых и в повороте общества к действию вторых.

Привлечение онтологического анализа в исследование состояния культуры способно решить ещё одну фундаментальную проблему социальной практики: определение оптимального баланса между глобализированной общей формой существования культуры и сохранением самобытности отдельных этнических культур. В применении к состоянию российской культуры это позволяет выработать эффективную стратегию возрождения подлинно творческого начала с элиминированием гламурно креативного компонента. Обращение к сущностным характеристикам раскрывает глубинную ориентированность отечественной культуры на жизнь, а не на смерть, следовательно, в культивации ценности традиции гламурные технологии будут обречены на неуспех. В исследовании общего состояния культур человечества онтологический анализ позволит определить подлинное качество виртуальности форм культуры или преодолеть, наконец, семиотические редукции постмодернистских концепций. Применительно к состоянию социального поля культуры немаловажен тот факт, что обнаружение действительных онтологических оснований культурологических исследований позволяет определять тенденции развития культуры в реальном измерении — в характеристиках самих социальных субъектов.

Последнее является наиболее значимым в логике развития современного теоретического знания, позволяя избежать спекулятивных рассуждений, которые, вольно или невольно, формируют заблуждения не только на уровне теории, но и в практике повседневной жизни.

Так, одной из наиболее острых ситуаций в отношении реального развёртывания культурного поля видится тенденция превращения всей сферы культуры в потенциальный товар. Культура

не только втянута непосредственно в маркетинговые технологии, но подчиняется законам получения прибыли. В результате в системе общественных отношений культура кардинально трансформирует собственную нишу. Она видимо расширяет собственные формы, заставляя формы иных социальных институтов мимикрировать. Сегодня сам «хлеб» — это «зрелище»; театрализация или игра претендуют на статус универсально успешной культурной оболочки. В глубинных процессах воспроизводства культуры меценатство уступает место спонсорству. Как следствие, корпоративный капитал претендует на чёткое определение вектора развития культурных институтов. Немаловажным фактором видится тенденция вытеснить качественный показатель в развитии культуры и искусственно заменить его неким «чистым» количеством. Сегодня посещаемость (реальная или виртуальная в «лайках») позиционируется в качестве критерия качества культурного продукта. Творец культуры сводится к ремесленнику (даже в сфере искусства), так как он всего лишь потенциальный источник привлечения интереса потребителя, за которым стоит конкретный денежный эквивалент. Не только вся культурная сфера начинает оцениваться в критериях финансовой сферы. Теоретическое осмысление также втянуто в простую формулу «товар—деньги—товар»: даже в фундаментальных исследованиях академические проекты проигрывают коммерческим.

В логике научного анализа из этого следует, что кризис культуры может быть преодолен только при помощи финансовых механизмов. Однако культура остаётся уникальным культурным институтом. Её проблемы детерминированы не закономерностями финансовых рынков, а сами экономические отношения могут быть констатированы исключительно в качестве условий действия её реальных причин. Их действительным основанием является состояние современного социального субъекта. В частности, экономическая составляющая современного состояния культуры — это практическое отражение изменённого статуса производительных сил и своеобразная опредмеченная форма их экономических свойств. В основаниях кризиса культуры, соответственно, лежит обобщённая экзистенциальная установка социального субъекта: из активного носителя культурных отношений он превращён в пассивного потребителя зрелищ. Это корни последующего дерева наиболее острых проблем состояния культуры. В частности, сама фактура зрелища требует новизны

по принципу инноватики и креативности. Как результат — прошлое окончательно теряет ценность. Преимущество культуры оказывается под угрозой [5]. Более того, сама современность становится неопределённой: лишённая корней в прошлом, она воспринимается либо как застой, либо как прямое крушение прошлого. В онтологическом срезе и то, и другое можно представить как искусственное расширение настоящего в его собственном отрицании. Это является действительной причиной позиционирования социального субъекта в исключительной удовлетворённости текущей ситуацией. В социальной практике такая позиция разрушительна, так как не предполагает ни сохранности прошедшего, ни устремлённости в конструктив будущего.

Наиболее наглядны деструкции данных тенденций в том сегменте культуры, где социальная память является доминирующим фактором — в современных формах музейной деятельности. В самом обобщённом анализе видно, что постоянные композиции в музеях уверенно уступают место временным коммерческим проектам, диапазон показываемого искусства постоянно сужается, целостность коллекций сошла на нет, музеи часто превращены в аттракционы. Налицо манипуляции с содержанием культурной памяти. Например, столь модная сегодня модульная форма экспозиции рождает фундаментальные вопросы: трансторические и трансгеографические блоки позволяют тасовать содержимое культуры в произвольном порядке? Как формируется реальная память социального субъекта, если она лишена пространственной и временной привязанности? Или другая общая тенденция музея — создавать экспозиции под интересы конкретного потребителя заставляет поставить не менее значимый вопрос: а целостно ли общее поле культуры? Косвенно, конечно, данные тенденции в развитии музейной деятельности детерминированы общим состоянием общественных отношений, в системе которых экономическая сфера не может не сохранять доминанты. Но ситуация в отношении культурных институтов усугубляется стремлением подвести всё под влияние волюнтивных решений. Якобы, экономическая экспансия в культуре — это следствие решения того или иного субъекта получить прибыль. В этом случае создаётся ложная иллюзия возможности вывести институты культуры из системы коммерческих взаимодействий. В условиях коммуникативного общества иллюзии наиболее опасны, так как могут мимикрировать под

виртуальные феномены, а в отличие от последних самостоятельной реальностью не обладают. В действительности в основаниях всех процессов, в том числе и в основаниях трансформаций музейной деятельности лежат тенденции преодоления экономических рисков. В последнем процессе следует учитывать, что общая закономерность превращения информационных продуктов в товар существенно трансформирует коммуникационные потоки, в которых и реализует себя современный субъект. Соответственно, теоретическая мысль должна предлагать модели, которые минимизируют риски экономического детерминизма в культуре, а не разрабатывать утопические проекты по элиминации экономического интереса из культуры в целом.

В логике исследований сущности культуры значимым представляется и тот факт, что сам онтологический подход, формируемый философским знанием, зависит от содержания эпохи и может быть рассмотрен как опредмечивание самосознания исторического субъекта [8]. Данная особенность онтологических инструментов теоретического анализа позволяет прояснить сущностные особенности современного состояния культуры. В частности, возможно вскрыть истинные причины «временности» как формы существования сегодняшних институтов культуры. В попытках обнаружения некоторой общей черты современных онтологий можно констатировать, что так или иначе концепции бытия построены именно на временности. Но сама временность в человеческом измерении неотделима от его конечности. Осознание последнего субъектом продуцирует у него чувство страха. В результате все условно выделяемые уровни культуры — смысло-жизненный, интеракционистский, социализационный, витальный — оказываются несвободными от привнесения в них субъектом собственного чувства страха [7]. Понимание того факта, что сам онтологический подход выражает обобщённый механизм формирования самосознания исторического субъекта, позволяет прояснить причины лингвистического сдвига в современной культуре. Коммуникативная форма информационных потоков детерминирует доминанту позиции языковых игр в закреплении опыта культуры, в механизмах её существования. Как следствие, социальный субъект лишается традиционной поддержки в культуре — поддержки языка. В слиянии двух тенденций — среды, где главной характеристикой становится временность, и неуверенности, исходящей от субъекта,

формируется новый культурный мир социального субъекта — мир, продуцирующий страхи. Сам страх меняет собственное онтологическое основание: он больше не является гарантией того, что явление, в отношении которого страх и сформирован, действительно опасно. Онтологический анализ раскрывает глубинную суть происходящего в культуре — культура становится одержимой воображаемыми рисками. Отсюда неведение как нарушение контакта с собой и с миром становится главной бытийственной характеристикой субъекта культуры. Культура отрицает внутри себя значимость собственных сберегающих человека технологий. Взамен она моделирует образ мира-предупреждения, объявляя прежний образ мира как мира-пребывания анахронизмом. В объективных социальных закономерностях субъект боится, пребывая в безопасности. Пожалуй, это самая сущностная черта виртуализации современного социального мира. Обращает на себя внимание, что страх по-разному проявлен у субъектов с разной степенью сохранённости активности. Если субъект полностью пассивен и живёт только потреблением, то социально он нейтрален, если навык активного обращения с собственной экзистенцией

сохранён, то субъект способен намеренно создавать опасность другому. Но в любом случае риски начинают вытеснять традиционные экзистенциалы. Наглядным практическим примером выступает эстетизация насилия [1].

Таким образом, проведённый теоретический анализ актуальных проблем социальной практики и основных предлагаемых научной мыслью способов их урегулирования убедительно показывает, что в целях повышения эффективности социальных исследований необходимо обращение к опыту онтологического анализа. Синтетическая форма культуры, обусловленная глобализационными процессами, вместе с тем наглядно демонстрирует некоторое обратное влияние онтологических концепций философии на состояние культуры в целом. Лингвистические формы современного социального субъекта также убеждают в необходимости единства культурологической и философской проблематики. Помимо этого привлечение онтологических способов рассмотрения феноменов культуры подчёркивает степень ответственности исследований в гуманитарной сфере, так как полученные выводы напрямую касаются свойств и состояния человека.

Список литературы

1. Ахметзянова М. П. Проблема экзистенциальной безопасности в «обществе риска» // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2016. Т. 2. С. 94–96.
2. Жилина В. А. Критическая рефлексия как ключевая составляющая современного образования // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 59–65.
3. Карнаух М. П. Экзистенциальный кризис как основа самопознания // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2005. № 2 (10). С. 55–57.
4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. М. : Владимир Даль, 2001.
5. Листвина Е. В. Социокультурная ситуация и культурные ориентиры современности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, № 1. С. 30–34.
6. Теплых М. С. Религиозные ценности в системе русской культуры // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2017. Т. 8, № 4. С. 10.
7. Устьянцев В. Б. Жизненное пространство личности в обществе риска // Вестник Российского философского общества. 2002. № 4. С. 32–41.
8. Teplykh M. S., Akhmetzyanova M. P., Zhilina V. A., Nazaricheva A. I., Slobozhankina L. R. Self-knowledge as a criterion for classifying philosophical doctrines // XLinguae. 2018. Т. 11, № 2. P. 437–444.

Сведения об авторе

Жилина Вера Анатольевна — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия. vera-zhilina@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 21–28.*

MODERN CULTURE IN THE RISKS OF A MODERN SOCIAL SUBJECT

V.A. Zhilina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia. vera-zhilina@yandex.ru

Article is devoted to the problem of the state of modern culture in correlation with significant changes in the social subject. In the comparative analysis of the main humanitarian and social studies on the most urgent social problems in the article it is proposed to use the basic tools of the ontological approach in order to increase the efficiency of the proposed solutions in the scientific analysis. The hypothesis of the study is the assumption that all the risks of the current state of culture are determined by the transformations of its subjects, and the very essence of culture is initially ontological. In particular, it is especially shown that any cross-section of culture inevitably demonstrates the complexity of the manifestation of the unique in the typification of the mass, repetitive. Some synthetic methodology combining the advantages of scientific and philosophical research is proposed. The consequences of the impact of the changed social environment on the processes of inculturation of the subject are revealed and the main negative and positive moments in the modern cultural field are revealed. In this context, an attempt is made to clarify the real causes that determine the destructive tendencies in the development of individual cultural institutions. The importance of involving ontological analysis in order to prevent unstable States of culture is emphasized.

Keywords: *culture, crisis, communicative subject, existential humiliation of culture, ontological approach, temporality of culture.*

References

1. Akhmetzyanova M.P. (2016) *Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya* [Actual problems of modern science, technology and education], vol. 2, pp. 94–96. [in Russ.].
2. Zhilina V.A. (2018) *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], no. 6, Pp. 59–65. [in Russ.].
3. Karnauh M.P. (2005) *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni G.I. Nosova* [Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta named by G.I. Nosov], no. 2 (10), pp. 55–57. [in Russ.].
4. Lipowiecki W. (2001) *The age of emptiness. Essays on modern individualism*. Moscow: Vladimir Dal publishing house. [in Russ.].
5. Lystvyna E.V. (2015) *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], vol. 15, no. 1, pp. 30–34. [in Russ.].
6. Teplykh M.S. (2017) *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [Science world. Sociology, Philology, cultural studies], vol. 8, no. 4, p. 10. [in Russ.].
7. Ust'yantsev V.B. (2002) *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian philosophical society], no. 4, pp. 32–41. [in Russ.].
8. Teplykh M.S., Akhmetzyanova M.P., Zhilina V.A., Nazaricheva A.I., Slobozhankina L.R. (2018) *XLinguae*, vol. 11, no. 2, pp. 437–444.

ЭКОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Е. П. Емченко¹, Н. В. Суленёва²

¹Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

²Санкт-Петербургский институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Вариативность современных средств коммуникации приводит к вариативности и способов общения. Невозможно игнорировать виртуальное общение, которое всё больше охватывает пространство нашего жизненного мира. Виртуальное общение предполагает непрямую коммуникацию непосредственного общения, отсутствие живого реального собеседника, опосредованного некими медиазнаками. В ситуации индивидуальной и всеобщей изоляции виртуальная коммуникация стала главенствующей и предъявила свои права на формирование дополнительного языка и развитие мышления субъекта деятельности.

Ключевые слова: экология эмоций, речевая экология, виртуальное общение, эмоциональная культура, экологическая антропология, социальная экология.

Расширение возможностей и границ коммуникации, ситуации общения в привычном жизненном пространстве, совершенствование умений и навыков письменной речи соответственно и словарного запаса — всё это (казалось бы!) способствует расширению и компенсаторного общения. Можно ещё эти рассуждения дополнить уточнением, что существуют и устные сообщения, которые развивают устную речь. Однако, проанализировав письменный текст, можно с уверенностью заявить, что он становится каким-то «трансграничным регионом» между письменной и устной разговорной речью. Сообщения превращаются в информацию, а эмоции представлены ограниченными интернет-знаками.

Естественно, что постепенно обесценивается живое взаимодействие (обмен эмоциями, со-общение, совместная деятельность), превращаясь в виртуальное, где главенствует предложенная система знаков, создающая фреймы для общения. Не секрет, что «виртуальное Я» реализуется и существует через речь, которая имеет следующие специфические характеристики: ситуативность, неполнота, в отличие от обыденной речи; возможность коммуникации с несколькими людьми. Общение сразу с несколькими пользователями Интернета (если это только не конференция) приводит к формализации взаимодействия (со всеми, но ни с кем; обо всём, но ни о чём), что в дальнейшем может оказать в общении негативную роль» [3]. Оставаясь «за кадром», находясь в ситуации «домашнего покоя», индивид не нарабатывает навыки импровизации в общении, не развивает чувство

эмпатии, ограничивает развитие интеллекта, хотя и приобретает определённые знания.

Виртуальное общение часто наделяет собеседника несуществующими качествами, так как даёт повод для «карнавализации» во взаимодействии, способствует созданию желаемых «масок». Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает перспектива погружения участников общения в эмоциональный вакуум, когда нет повода для жизненной энергии (ведь есть эмоциональные знаки!), для усилий с целью завоевать внимание адресата и сделать его единомышленником. Самое катастрофичное — это потеря интереса к реальной жизни, возникновение «искусственных желаний» [16. С. 753] и возникновение состояния скуки. «Фактически скука — это и есть страдание, только подавленное», по определению А. Шопенгауэра [16. С. 756].

Нельзя не учитывать, что виртуальное общение даёт человеку бесконечные возможности накопления информации и управления ею. Однако нередко платой за эту возможность становится скудость языка из-за деградации языковых форм и эмоциональной культуры.

В сложной ситуации виртуального профессионального общения оказались студенты творческих вузов специальности «Актёр драматического театра и кино» при переходе на дистанционное обучение. В данной статье мы будем ссылаться на опыт работы по развитию эмоциональной культуры в контексте дистанционного обучения со студентами 3-го курса Российского государственного института сценических искусств (РГИСИ)

г. Санкт-Петербурга (мастерская народного артиста Российской Федерации И. Р. Штокбанта).

«Моральное требование к человеку состоит в том, чтобы он “реализовал” в своих поступках своё внутреннее, сугубо индивидуальное “Я”. Одной из составляющих процесса обучения и воспитания студентов всегда было развитие самосознания: выделение себя из объективного мира, осознание своего отношения к миру, себя как личности, своих поступков, действий, мыслей и чувств, желаний и интересов» [5]. Трудность дистанционного обучения заключалась в том, что важную роль в формировании самосознания будущих актёров играет речь в силу того, что она является непосредственной действительностью мысли и выступает в этой функции для каждого участника общения только потому, что существует для других! Вот это «для других» и стало тормозом в режиме самоизоляции. Коллективное начало предмета «Сценическая речь» рассматривает самосознание как творческое начало по отношению к обстоятельствам тренинга, к «другому», который важнее твоего собственного «Я».

Экологический аспект развития эмоционального диапазона на занятиях по сценической речи всегда связан с выбором текста: для группового тренинга, индивидуального тренинга, парного тренинга, сценического репертуара. В контексте виртуального общения между педагогом и студентами был найден блестящий репертуар, провоцирующий стремительное развитие эмоциональной культуры будущих актёров и расширение их эмоционального репертуара. Телеканал «Москва 24» объявил «Общероссийский интерактивный проект “Письма Победы”, посвящённый 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (URL: <https://pismapobedy.ru>). Студенты 3-го актёрского курса мастерской народного артиста РФ И. Р. Штокбанта стали участниками данного проекта. Следует отметить, что знакомство с письмами шло индивидуально. Выбор же писем для воплощения был коллективный. В результате объектом внимания для студенток стали семейные письма на фронт: 15 писем В. П. Новикову на фронт от семьи (жены Людмилы и сына Миши Новиковых); студенты выбрали историю фронтовой любви, 14 писем с фронта от Павла Лизе (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Необходимо напомнить, что экология эмоций является основным принципом чувственных отношений между партнёрами, в результате чего создаются максимально благоприятные возмож-

ности общения, оптимизация внутреннего потенциала каждой из сторон. «Письма Победы» содержали очень важный фактор для развития экологичности эмоциональной культуры студентов, они отражали экологическую реальность времён войны. Экологическая реальность текста, как «совместное развитие человека, сообществ людей в целом и окружающей среды, механизмов, обеспечивающих устойчивое существование и многообразие живой, социальной, человеческой и культурной жизни» [2. С. 110], как нельзя точно погружала будущих актёров в систему этических и эмоциональных отношений героев писем. Выбор писем, написанных в полярных обстоятельствах (с фронта и на фронт), не случаен. Анализ экологии эмоций тем и продуктивен, что есть общий контекст — война — и есть индивидуальные обстоятельства — тыл и фронт.

Письмо В. П. Новикову на фронт от жены Людмилы. Письмо второе: «Здравствуй, дорогой Василий! Вот и к нам весна пришла, наверное. Конец марта выдался очень тёплым, всё тает. Теперь станет полегче, морозы может быть ещё и будут, конечно, но уже не такие свирепые. Дочку я выходила, фельдшер помог. Он хоть и пьёт постоянно, я трезвым его ни разу не видела, но работу свою знает. Значит, ещё не весь ум пропил. Ставил Олечке банки, растирал, давал какие-то пилюли. В общем, слава богу, всё обошлось» (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Павел и Лиза. История фронтовой любви. Письмо первое: «Лиза ты ещё, конечно, не забыла осень прошлого года, когда под дождём мы по страшной грязи отходили от Курска. И вот теперь снова по земле покрытой травой, цветами, опять проходит эта грязная падаль. Она ещё жива эта гадина, ещё пытается укунить нас, собирает силы для удара, ещё кой где имеет успехи. Но это нас не пугает. Мы знаем, что дни их сочтены, что на земле обильно удобренной их грязными телами, на земле обогрётной кровью наших людей вырастут новые цветы, прекрасные цветы нового счастья» (URL: <https://pismapobedy.ru>).

В этих отрывках из писем мы видим «результат подсознательной оценки личности деяний» [12] как своих, так и других персонажей с позиций своих личностных критериев. Их эмоциональная оценка не зеркало непроисходящих событий (информации), а взгляд на ситуацию и акцентирование своего места в общении для себя и Другого. Она указывает не столько на существующий, сколько на желаемый статус субъекта.

Павел и Лиза. История фронтовой любви.

Письмо первое: «Человеку даже в самые тяжёлые минуты присущи мечты, они конечно бывают разные, лёгкие, тяжёлые, радостные, печальные, в песнях о новом — радость, в песнях о прошлом — печаль. Так и у меня. Здесь нет северного леса, его цветов, его прелестей. Деревья здесь только посаженные рукой человека. Но Волги, её красоты никто отнять не может» (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Для нашего исследования важно, что «эмоция — “это не чувство, а его преобразованное отражение”, продукт психики. Эмоциональная палитра в письмах расширяется из разницы действия критериальных личностных полей. Поэтому она может служить ключом к пониманию других категорий этики» [6]. Содержание «Писем Победы» наполнено устойчивыми формулами вербального общения, существующих в обществе для установления, поддержания и регулирования речевого общения в избранной тональности (так называемые фатическая и коннотативная функции).

Проанализировав только этикетные формулы приветствия писем, мы выявили редкую для виртуального общения контекстную зависимость формул и этические нормы поддержания статуса и эмоциональной составляющей адресата.

Письма В. П. Новикову на фронт от семьи (жены Людмилы и сына Миши Новиковых).

Письмо первое: «Здравствуй, дорогой наш муж и отец!» /Контекст/ — «Очень по тебе скучаем. Письмо третье: «Батя, привет. Пишет тебе сын твой, Мишка». /Контекст/ — «Бать, я решил твёрдо: еду на фронт». Письмо пятое: «Здравствуй муж мой ненаглядный и отец любимый, Василий Петрович!» /Контекст/ — «Начну сразу с горя великого, хоть знаю, что радости тебе это не доставит. Погиб Василий Петрович. Седьмое письмо: «Здравствуй, дорогой наш папа и муж!» /Контекст/ — «Вчера получили от тебя письмо». Восьмое письмо: «Здравствуй, дорогой мой муж Василий!» /Контекст/ — «Очень обрадовалась, что ты стал шофёром у генерала». Девятое письмо: «Здравствуй, наш дорогой и любимый Василий Петрович!» /Контекст/ — «Начну с неприятного. Опять у нас горе. В начале июля погиб Иван Степанов. Погиб где-то под Минском». Десятое письмо: «Здорово, батя!» /Контекст/ — «Пишут тебе твои сыновья: Михаил и Колька. У нас всё хорошо». Тринадцатое письмо: «Здравствуй, дорогой мой батя!» /Контекст/ — «Поздравляем тебя с освобождением Вены от фашистов!» Четырнадцатое

письмо: «Здравствуй, родной мой Василий Петрович!» /Контекст/ — «Где же ты запропастился? Ребята ходят понурые» (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Павел и Лиза. История фронтовой любви.

Письмо первое: «Здравствуй, дорогая Лизутка!» /Контекст/ — «Шлю тебе свой привет и крепко целую. Получил твоё письмо, которое ты писала 16.6 сидя у костра». Письмо третье: «Дорогая Лизонька!» /Контекст/ — «У нас наступили боевые дни». Письмо седьмое: «Лизонька!» /Контекст/ — «Спасибо тебе за праздничное поздравление, которое я получил как раз 7 ноября и был тебе очень признателен». Письмо девятое: «Здравствуй моя дорогая беленькая Лизутка!» /Контекст/ — «Поздравляю, хотя и поздно, с днём рождения». Письмо двенадцатое: «Лисанька» /Контекст/ — Почему ты всё таки так редко пишешь?. Письмо тринадцатое: «Здравствуй, Лапушка!» /Контекст/ — «Вот вечно я один со своими думами, мечтами, мыслями». Письмо четырнадцатое: «Любимая моя!» /Контекст/ — «В этот новогодний вечер мысли мои летят к тебе — царице моих дум и желаний с пожеланиями счастья и радости в этом новом, 1945 году» (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Как видим, этикетные формулы приветствий не расширены, не развёрнуты, они очень аскетичны, при этом наполнены эмоциональной составляющей, нет высокой амплитуды эмоционального поведения. Приветствия наполнены эмоциями, которые «облегчают конструктивное поведение» адресата [15].

Работа по расширению эмоционального репертуара на основе «Писем Победы» дала свои результаты в плане развития речевой экологии будущих актёров. Принимая на себя роль участников переписки, студенты продолжали развивать в себе реальные качества успешного взаимодействия с окружающими людьми. Эти умения развивались благодаря чувству удивления и эмоционально-интеллектуальным открытиям при разборе содержания писем. Видеоуплощение «Писем Победы» дало мощный импульс для интеллектуального развития студентов, провоцируя в них исследование расширенного контекста писем, то есть активное любопытство, а не «застывание» на нескольких эмоциях [15], типичных для воплощения военной темы на сцене (скорбь, грусть, гнев, восхищение...). Такой эмоциональный подъём спровоцировал подъём энергии, стал фактором организации активного мышления, творческой деятельности и, как результат, создания мощного видеопродукта. «Живой продукт», с живыми эмоциями, влияющий

на ситуацию общения виртуального мира, протранслировал восприятие своих интересов и стал участником реального, а не виртуального диалога. Триада «удивление—интерес—деятельность» состоялась!

Дистанционная работа с нравственно-этически-эмоциональным репертуаром способствовала развитию эмоций от момента стимуляции, начала проявления реакции, достижения максимального уровня их проявления, поддержания максимального уровня эмоций и до периода завершения [15].

После оценки всех временных характеристик развёртывания эмоций стало возможным отличить искреннюю эмоцию от фальшивой, наигранной эмоции, так как они проходят определённый путь, что является основным в работе актёра. Всё вышесказанное позволяет утверждать, что экологический аспект эмоциональной культуры при работе над «Письмами Победы» вернул студентам подлинное общение в виртуальной жизни. Подлинная же эмоция несёт конструктивное начало, так как содержит в себе мотивационные и адаптивные функции. Когда эмоция не соответствует требованиям контекста, она оказывает дезорганизующее, деструктивное воздействие, что и происходит в дистанционном обучении.

Именно эмоциональные паттерны, как мотивационные феномены, вызывают определённые действия со стороны студента или побуждают его к этим действиям, к поступку. По нашему глубокому убеждению, именно эмоция интереса как доминирующее мотивационное состояние в повседневной деятельности человека, полноценного и здорового, должна постоянно провоцироваться при дистанционном обучении на занятиях по сценической речи. Эмоция интереса поддерживает состояние бодрствования. Создавать изменение, новизну стимуляции — задача сложная, но позволяющая мотивировать эмоциональную экспрессию индивида ради взаимодействующих с ним людей. Не секрет, что, общаясь, все реагируют на эмоциональное состояние людей. Эмоциональная экспрессия играет большую роль в межличностной коммуникации.

Мы подошли к разговору об очень важном профессиональном качестве будущих актёров — восприятию эмоционального контекста голоса (В. П. Морозов, Б. Л. Муравьёв). «Эмоциональность — это душа и сердце <...> любого искусства. Учить этому можно, и многие могут научиться» [9. С. 53]. Серьёзной проблемой при дистанционном обучении становится развитие способностей

студентов «улавливать и правильно воспринимать эмоциональные оттенки чужого голоса, то есть в конечном смысле определять эмоциональное состояние говорящего по звуку его голоса. Эта способность является проявлением так называемой эмпатии, которая большинством современных исследователей понимается как способность одного человека откликаться на переживания другого, приобщаться тем самым к его эмоциональной жизни, т. е. сопереживать» [9. С. 54].

Репертуарная политика должна воспитывать такие свойства личности, как эстетически утончённый, склонный к состраданию, руководствующийся интуицией и развитым воображением, реагирующий тревогой на трудности, старающийся контролировать эмоции и поведение и т. п. [9]. Виртуальное общение частично блокирует чувствительность к эмоциональному контексту голоса. Соответственно, сложно правильно услышать предъявляемые эмоциональные фразы при опосредованном общении.

Нет причин доказывать, что дистанционное обучение блокирует эмоциональный слух. Тем важнее для эмоциональной экологии речи развивать эмотивную функцию общения (В. И. Галунов, М. И. Ериш, А. М. Эткинд). «Эта функция обслуживается в устной речи двояким способом. Во-первых, вербально, то есть путём словесного описания состояния, и, во-вторых, через невербальные составляющие речевого общения — так называемые просодические характеристики речи (интонация, ритмика и т. д.) и тембральную окраску <...> Просодические и тембральные характеристики плохо контролируются человеком при сдвиге его эмоционального состояния, а при значительных интенсивностях эмоций (аффектах) вообще не поддаются сознательному управлению...» [4. С. 81]. При письменном сообщении интонационные и тембральные параметры речи не дают информацию слушающему о состоянии говорящего, не «заражают» его соответствующей эмоцией.

В книге В. Леви «Искусство быть другим» очень точно охарактеризован момент диалогического (а значит, и эмоционального) общения. «Его величество Другой <...> стартовая площадка, с которой начинается путь к Другому, — постижение языков общения» [1. С. 13]. Именно виртуальный диалог, а не просто разговор, так называемый словесный поединок, требующий острого взаимного восприятия, может стать основным моментом при интерпретации письменного интернет-текста. При этом роль читающего становится активной:

«соглашается или не соглашается с информацией (полностью или частично), <...> дополняет, применяет её, готовится к исполнению и т. п.» [1. С. 14]. Эта позиция читающего формируется на протяжении всего процесса чтения и понимания с самого начала эмоциональной составляющей реципиента. Осознание чтения интернет-текста как диалога носит активный характер и строится по законам живого общения.

К сожалению, развитие «эмоционального слуха» (В. П. Морозов), то есть эмоциональной восприимчивости, эмоциональной отзывчивости, практически невозможно при дистанционном обучении. Если формировать пассивный эмоциональный слух, который правильно распознаёт эмоцию, ещё возможно с помощью приёма имитации, то с активной формой развития эмоционального слуха всё гораздо сложнее. Активная форма эмоционального слуха, как волевой акт, «требует сосредоточенности на объекте, включения чувственной природы, воображения, эмоциональной памяти. Активная форма эмоционального слуха — способность выражать чувства голосом» [9. С. 86]. И даже если кто-то возразит, что при аудиосообщениях мы слышим собеседника и реагируем на его голо-совой посыл, придётся с этим не согласиться... Слышать — это ещё не значит выстраивать диалог, слышать можно информацию и на неё реагировать, что далеко от взаимодействия, которое так важно в творчестве актёра.

Так возникает серьёзная проблема: можно слышать и различать эмоцию, но не иметь способности её воспроизвести точно и ярко. Как точно определила эту проблему И. А. Автушенко: «К сожалению, всё чаще сталкиваешься с самодовольным невежеством и нелюбознательностью. Поэтому эмоциональность часто подменяется агрессивностью, просто потому, что других выразительных средств нет. Агрессивность энергетична, она заражает, но за нею часто — примитивность мыслей и чувств» [1. С. 16].

Однако «Письма Победы» стали тем репертуаром, который в условиях дистанционного обучения позволил не отказываться от работы по развитию эмоционального слуха. Содержание «Писем» стало фактором проявления такой важной составляющей эмоциональной культуры, как эмпатия. Студенты переживали те же эмоции, которые испытывали герои писем; проживали свой эмоциональный накал по отношению к чувствам других.

Павел и Лиза. История фронтовой любви.

Письмо первое: «Лизанька! Ты описала мне при-

роду, которая окружает тебя. Невольно у меня закрадывается грусть. Я ясно представил себе эту ночь, ночь на фронте и тебя, сидящую у маленького шалаша. Твои непослушные пряди спадают на лицо и ты отводишь их назад нетерпеливым жестом. Пламя костра освещает твоё лицо, белый листок тетради и его отблески тонут где-то далеко в глубине твоих глаз. Мне до боли захотелось увидеть всё это. Ведь ты стала совсем другой. Бои закаляют человека. Делают его более мужественным, суровым, но в то же время проще и чище» (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Письма В. П. Новикову на фронт от семьи (жены Людмилы и сына Миши Новиковых). Письмо первое: «Ты держись там, желанный мой Василий Петрович, об нас не беспокойся, всё стерпим, лишь бы вы там фрица поганого гнали и гнали. У нас тут у всех, как узнали про победу под Сталинградом, словно крылья повыврастали. Думаем теперь, что скоро Красная армия этих гадов придумит вконец. Ты там кушай, Вася, одевайся теплей. Главное, ноги береги, чтоб сухие были, а об нас не беспокойся» (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Письма настолько эмоционально богаты, что студенты обнаруживали в них героев с низким уровнем эмпатии (слепота к чувствам и мыслям других):

Письма В. П. Новикову на фронт от семьи (жены Людмилы и сына Миши Новиковых). Письмо второе: «Да, а начальник милиции наш всё толстеет и толстеет. Боров здоровый, от фронта, видать, сумел по болезни какой, или ещё как уйти. Пацанов эвакуированных на рынке ловит, которые у торговки стацат чего-нибудь, и оплеухи им раздаёт, да силу свою не сдерживает, прямо до крови лупцует. Жалко ребяток-то. Ай, у него сердца нету?» (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Со средним уровнем эмпатии, которому свойственна эпизодическая слепота. Отметим, что в отрывке речь идёт как раз о таких людях, их большинство, вне зависимости от типа личности:

Письма В. П. Новикову на фронт от семьи (жены Людмилы и сына Миши Новиковых). Письмо десятое: «Второй месяц сторожим нашу картошку по очереди, дней через пять, наверное, копать будем, а то в школу пойдём, сторожить будет некому. Её сразу кто-нибудь выкопает. Уже пытался кто-то в конце июля молоденькой поживиться, но мы его так шуганули, что до конца улицы пятки сверкали. Жаль не смогли распознать, кто это к нам наведывался, — темно слишком было» (URL: <https://pismapobedy.ru>).

И наконец, самый высокий уровень эмпатии, преобладающий во всех «Письмах Победы». Люди, способные к эмоциональному отклику (развитый эмоциональный слух), отождествляют переживания внутреннего мира собеседника со своими личными.

Письма В. П. Новикову на фронт от семьи (жены Людмилы и сына Миши Новиковых). Письмо девятое: *«Васенька мой любимый, береги себя, Христом-богом тебя прошу, и языком не болтай там. Я тебя знаю! Услышат — посадят, как пить дать. А ты генерала возишь. О нем подумай»* (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Работа с таким нравственным материалом заставляла развить своё воображение и творческое чутьё, поэтапно погружаться в глубинную идею образа, расширяя контексты писем, задавая вопросы о мельчайших нюансах взаимоотношений участников переписки.

Именно эти тексты в полной мере отвечают всем требованиям «экологии речи» (Е. П. Емченко, Н. В. Суленёва). В них присутствует и целенаправленное речевое действие, совершаемое в «соответствии с морально-нравственными принципами речевого поведения» [6. С. 158], и экологическая целенаправленность речи (дискурс как живая система общения). Главное же, по нашему глубочайшему убеждению, «Письма Победы» наполнены особой позитивной интонацией, в них есть прогноз реакции собеседника и, как следствие, посыл на успешную коммуникацию.

В экологию речи входят вербальные коммуникативные практики, по определению Г. А. Копниной, способствующие сохранению алгоритмов речевой коммуникации, консервации речевого разнообразия различного уровня общения и исследующие дискурс как подлинное общение [7]. Мы наблюдаем в письмах, как личностные качества адресата проявляются в речевом акте в правильности информационной подачи, чистоте чувств, бережности отношений и вере в успех деятельности. Возникает определённый стиль общения, использующий высказывание с нужным для взаимодействия заданием, учитывающий цели другого, находящий «на этой основе вариант комфортного сосуществования, общения субъектов» [6. С. 158]. Варьируясь, речь приспособляется к условиям дискурса.

Павел и Лиза. История фронтовой любви. Письмо второе: *«Но теперь многое загладилось, время Великий лекарь, затягиваются старые ранки, особенно на молодом сердце»*. Письмо девятое:

«Не знаю, может быть это только моё мнение, но кажется, что любовь всегда ассоциируется с весной, это потому, что когда любишь, то самый холодный зимний день кажется весенним, даже дождь и тот не замечаешь, подставляешь ему своё лицо и кричишь, ну что ты можешь мне сделать, когда я люблю». Письмо двенадцатое: *«Ведь мы с тобой, как говорится, по душам ещё как следует не говорили. Просто не успели. Но всё же, если мы сумели через все преграды и испытания, какие выпали на нашу долю, пронести свою любовь, то значит она настоящая, хорошая любовь»*. Письмо тринадцатое: *«Иногда короткими фразами выражено столько, что целый день думаешь и переживаешь, а иногда за длинными фразами ничего не видно. Но даже и длинными большими письмами не выразить всего, что накопилось за это время. Хватили и горечи отступления, и тяжёлых боев, и радость победы, приобрели военный опыт. Познали чувство ненависти к врагу и приобрели невиданное чувство любви к Родине, такую, за которую жизнь не жалко. Как никогда, в боях мы познали чувство дружбы, подлинной братской любви к товарищу, готовность за них к самопожертвованию»* (URL: <https://pismapobedy.ru>).

Мы уже говорили о таком выразительном ресурсе экологии речи, как интонационная выразительность, эмоциональное разнообразие, речевой стиль, который варьируется с целью сделать адресата единомышленником. Мы полностью согласны с А. П. Сковородниковым, утверждающим, что «экология речи наибольшим образом отражает качество среды обитания дискурса, условий его функционирования, создаёт его “экологический портрет”» [11. С. 72]. При всех составляющих «экологического портрета» речи (речевой этикет, речевая грамотность) в дистанционном обучении на периферию уходит интонационно-эмоциональная выразительность, «ориентированная на адресата, регулирующая в ситуации общения доброжелательные и вежливые отношения» [11. С. 73].

Как верно утверждает М. Н. Эпштейн, при речевой экологии должно возникнуть желание общения не с объектом, а с чужими желаниями; поиск «встречного чувства как проявления чужой, желающей меня воли» [13]. В противовес вышесказанному вынуждены обратить внимание на возможность «экологического бедствия» (термин Д. С. Лихачёва), возникающего при проявлении речевой антикультуры [14]. Именно дистанционное обучение в творческих вузах, в частности,

обучение будущих актёров драматического театра и кино, ведёт к постепенному угасанию интереса, к формализации выполнения творческих заданий, так как отсутствует «другой» и целеполагание, направленное на удовлетворение его желаний.

Возникает серьёзная проблема угасания профессионально-эмоциональной жизни студента и регуляции контекстного поведения. Оно становится менее сложным, менее уникальным и всё менее связанным с другими людьми, идеями, ценностями и социальными группами [10].

Соответственно, необходимо переосмыслить уровень сложности задач, методику образования, то есть способы приобретения навыков, которые задействованы для выполнения задачи. По нашему глубокому убеждению, уровень сложности и навыков должен быть выше среднего [17]. По определению М. Чиксентмихайи, обучающиеся должны выйти из зоны комфорта (в нашем случае — из форм виртуального общения), активно развивая уже приобретённые навыки. Соответственно, частичная замена прямого общения на опосредованное возможно, если участники общения знакомы и обладают контекстуальными знаниями.

Выдвигаемые требования вновь приводят нас к мысли, что посредниками в данном виде деятельности могут быть только чувства. Сошлёмся на П. А. Гольбаха: «Нет оснований не доверять им и прибегать к другим источникам. Ощущения порождаются воздействием материального мира на органы чувств человека. Поэтому органы чувств единственные поставщики идей <...>». В мысли-

тельном процессе Гольбах выделяет три ступени — ощущение, восприятие, идеи — и пытается анализировать их качественные особенности: «Процесс познания начинается с ощущений (при помощи органов чувств). Ощущение есть сотрясение, полученное каким-нибудь органом чувств из материальной внешней среды. Разум синтезирует полученное и образует идеи <...> интеллектуальные способности человека являются произвольными от способности ощущать: восприятие воздействия внешних предметов на органы чувств. Если наши органы чувств не испытывают никакого воздействия, у нас не может быть ни ощущений, ни восприятий, ни идей. Чувствовать — значит особым образом испытывать воздействие внешнего мира» [8. С. 143–150], стараться доказать единство чувственного и рационального момента в познании.

Только стремление к решению всё более и более сложных творческих задач в ситуации компенсаторного общения может способствовать формированию эмоциональной составляющей реализации человеком своих возможностей. «Человек вкладывает свою физическую энергию во взаимодействие. Личностный рост человека происходит тогда, когда взаимодействие приносит радость» [17. С. 135]. Перефразируя посыл Н. Гартмана «мышление находится под влиянием чувства, настроения» (URL: <http://www.philosophy.ru>), хочется сказать, что творческая деятельность немислима без эмоций, настроения, которые являются результатом личностной оценки предлагаемых обстоятельств и чувств, намерений партнёра по общению.

Список литературы

1. Автушенко И. А. Речь актёра и эмоциональный слух // Театр. Живопись. Кино. Музыка. М. : РАТИ-ГИТИС, 2009. Вып. 2. С. 9–22.
2. Апухтина Н. Г. Экологическая реальность // Экология человеческого бытия : информ.-вводный словарь : учеб. пособие / отв. ред. В. С. Невелева, Д. В. Соломко ; пер. Е. Г. Миляевой, Р. В. Пеннер, К. Е. Резвушкина. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2020. С. 110–111.
3. Апухтина Н. Г. Экологизация человека как диалог ценностей сохранения и изменения / Н. Г. Апухтина, А. А. Дыдров, Е. П. Емченко, Д. В. Соломко // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 102–111.
4. Галунов В. И., Манеров В. Х., Тарасов В. И. Слуховой анализ речи, полученной при использовании различных методов моделирования эмоциональных состояний // Речь и эмоции : материалы симп., 11–14 нояб. 1974 г. С. 79–84.
5. Гладышев В. И. Концепция общения И. А. Ильина: общение как важнейший фактор духовного совершенствования и духовного самоутверждения личности // Социум и власть. 2018. Т. 72. С. 7–18.
6. Емченко Е. П., Суленёва Н. В. Экология речи // Экология человеческого бытия: информ.-вводный слов. : учеб. пособие / отв. ред. В. С. Невелева, Д. В. Соломко ; пер. Е. Г. Миляевой, Р. В. Пеннер, К. Е. Резвушкина. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2020. С. 158–161.
7. Копнина Г. А. Лингвоэкологическая оценка фактов речевого творчества // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 54–72.

8. Кочарян М. Т. Польш Гольбах. — М. : Мысль, 1978. 187 с.
9. Морозов В. П. Эмоциональный слух: экспериментально-психологические исследования // Психологический журнал. 2013. С. 45–62.
10. Невелев А. Б., Камалетдинова А. Я. Цивилизационный прорыв: аксиологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 12 (434). Философские науки. Вып. 54. С. 83–85. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-11201
11. Сковородников А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 70–78.
12. Худякова Н. Л. Потребности человека и личные ценности как социокультурная форма их существования аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 4 (438). Философские науки. Вып. 55. С. 36–47. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10406
13. Эпштейн М. Н. Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки. — М. : Рипол-Классик, 2019. 239 с.
14. Austin J. L. Speech Acts and Convention: Preformative-Constatative // Philosophy of Language: The Central Topics / J. L. Austin, S. Nuccetelli, G. Seay. Rowman & Littlefield Publishers, 2007. 453 p.
15. Bariso J. Eq applied: The Real-World Guide to Emotional Intelligence. By arrangement with Transatlantic Literary Agency Inc., 2019. 150 p.
16. Borisov S. V. Philosophical Practice in life of university // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. 2016. Book 3, vol. 2. P. 753–758. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.100
17. Csikszentmihalyi M. Applications of Flow in Human Development and Education: The Collected Works of Mihaly Csikszentmihalyi. Dordrecht : Springer, 2014. 285 p. DOI: 10.1007/978-94-017-9094-9_15

Сведения об авторах

Емченко Евгения Павловна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, Россия. jemchenko@mail.ru

Суленёва Наталья Васильевна — доктор культурологии, профессор кафедры актёрского мастерства, Санкт-Петербургский институт кино и телевидения. Санкт-Петербург, Россия. nsuleneva@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 29–37.*

ECOLOGY OF EMOTIONS IN THE CONTEXT OF VIRTUAL COMMUNICATION

E.P. Emchenko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. jemchenko@mail.ru

N.V. Suleneva

St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia. nsuleneva@mail.ru

The variability of modern means of communication leads to variability in the ways of communication. It is impossible to ignore virtual communication, which is increasingly covering the space of our life world. Let us remind you that virtual communication means communication without direct, direct communication, without a real live interlocutor. At the same time, our “fellow in communication” is presented in the form of certain media signs. In a situation of individual and general isolation, virtual communication became dominant and laid claim to the formation of an additional language and the development of the subject’s thinking.

Expanding the possibilities and boundaries of communication, communication situations in the usual living space, improving the skills and abilities of writing, and, accordingly, vocabulary, all this contributes to the expansion of compensatory communication. However, after analyzing the written text, it is safe to say that it is becoming some kind of “cross-border region” between written and oral spoken language. Messages are turned into information and emotions are represented by limited internet signs.

Keywords: *ecology of emotions, speech ecology, virtual communication, emotional culture, ecological anthropology, social ecology.*

References

1. Avtushenko I.A. (2009) *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka* [Theater. Painting. Movie. Music], 2009, no. 2, pp. 9–22. [in Russ.].
2. Apukhtina N.G. (2020) *Ekologiya chelovecheskogo bytiya: informatsionno-vvodnyy slovar': uchebnoye posobiye* [Ecology of human existence: information and introductory dictionary: textbook. allowance]. V. S. Neveleva, D. V. Solomko (ed.); E. G. Milyaeva, R. V. Penner, K. E. Rezvushkina (tr.). Chelyabinsk, SUSU Publishing Center. Pp. 110–111. [in Russ.].
3. Apukhtina N.G., Dydrov A.A., Emchenko E.P., Solomko D.V. (2019) *Sotsium i vlast'* [Society and Power], no. 1 (75), pp. 102–111. [in Russ.].
4. Galunov V.I., Manerov V.H., Tarasov V.I. (1974) *Rech' i emotsii. Materialy simpoziuma 11–14 noyabrya* [Speech and emotions. Materials of the symposium November], pp. 79–84. [in Russ.].
5. Gladyshev V.I. (2018) *Sotsium i vlast'* [Society and Power], no. 72, pp. 7–18. [in Russ.].
6. Emchenko E.P., Sulenyova N.V. (2020) *Ekologiya chelovecheskogo bytiya: informatsionno-vvodnyy slovar': uchebnoye posobiye* [Ecology of human existence: information and introductory dictionary: textbook. allowance]. V. S. Neveleva, D. V. Solomko (ed.); E. G. Milyaeva, R. V. Penner, K. E. Rezvushkina (tr.). Chelyabinsk: SUSU Publishing Center. Pp. 158–161. [in Russ.].
7. Koprina G.A. (2013) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice], no. 1, pp. 54–72. [in Russ.].
8. Kocharyan M.T. (1987) *Pol' Gol'bakh* [Pol Golbakh]. Moscow, Mysl' Publ. 187 p. [in Russ.].
9. Morozov V.P. (2013) *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], pp. 45–62. [in Russ.].
10. Nevelev A.B., Kamaletdinova A.Ya. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 12 (434), pp. 83–85. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-11201 [in Russ.].
11. Skovorodnikov A.P. (2000) *Rechevoye obshcheniye: spetsializir. vestnik* [Speech communication: specialized. messenger], no. 3 (11), pp. 70–78. [in Russ.].
12. Khudyakova N.L. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 4 (438), pp. 36–47. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10406 [in Russ.].
13. Epshteyn M.N. (2019) *Budushcheye gumanitarnykh nauk. Tekhnogumanizm, kreatorika, erotologiya, elektronnyaya filologiya i drugiye nauki* [The future of the humanities. Technogumanism, creatorics, erotology, electronic philology and other sciences]. Moscow, Ripol-Klassik Publ. 239 p. [in Russ.].
14. Austin J.L. (2007) *Speech Acts and Convention: Preformative-Constative*. Philosophy of Language: The Central Topics. S. Nuccetelli, G. Seay. Rowman & Littlefield Publishers. 453 p.
15. Bariso J. (2019) *Eq applied: The Real-World Guide to Emotional Intelligence*. By arrangement with Transatlantic Literary Agency Inc. 150 p.
16. Borisov S.V. (2016) 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. Book 3, vol. 2, pp. 753–758. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.100
17. Csikszentmihalyi M. (2014) *Applications of Flow in Human Development and Education: The Collected Works of Mihaly Csikszentmihalyi*. Dordrecht: Springer. 285 p. DOI: 10.1007/978-94-017-9094-9_15

КОНЦЕПТ СОЗИДАНИЯ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ: ГОРИЗОНТЫ, РАКУРСЫ, СМЫСЛЫ

И. Н. Морозова

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

Созидание и отрицание, разрушение — направленности, тенденции, присущие всем трём темпоральным измерениям культуры (прошлому, настоящему, будущности). В структурном балансировании двух векторов культуры (созидания, отрицания) в реальности, когнитивных, художественных практиках сегодня очевиден акцент, ориентирование на ничто, что получило выражение в активном развитии современной нигитологии. Образ разрушителя устоев общества, нигилиста, реформатора, апологета тотального отрицания стал типологическим в истории русской литературы, философской, религиозной критики второй половины XIX — начала XX в. Пафос небытия, ничто — отличительная черта мироотношения субъекта культуры в эпоху переходности, социально-культурной, аксиологической пустотности.

Изменение бытия культуры на основе отрицания, радикального отказа от традиции актуализирует рассмотрение в ракурсах философии культуры проблемы созидания, философское обоснование стратегии преодоления ценностной дезориентированности, утраты жизненного смысла, неонтологичности, безответственности и других, по выражению Н. А. Бердяева, «нигилистических бесов, терзающих Россию». В современных исследованиях социально-гуманитарного, социально-экономического направления использование концепта «созидание» отличает имплицитность, непрояснённую сущностных, характерных его особенностей, употребление последнего в определённых, конкретных аспектах, смыслах. В большей мере в исследованиях по педагогике, психологии, где созидание соотносится с субъектом культуры, речь идёт, в частности, о созидании и самосозидании личности. В немногочисленных публикациях по философской антропологии, культурологии, искусствознанию, эстетике, тематизирующих концепт «созидание», подчёркиваются такие его особенности, как предметность, процессуальность, связь с идеалообразованием. В качестве возможных исследовательских направлений исследования «созидания» в философии культуры автором предлагается ракурс онтологической антропологии. Созидание в культуре предполагает создание предметно-материального, вещественного, духовно-практического мира культуры, «производство» и «воспроизводство» человека как субъекта культуры.

Ключевые слова: *нигитология, созидание, философия культуры, ценность, идеалообразование.*

В философско-культурологической рефлексии современной культуры значителен акцент нигитологии, отрицания и всего, что в культуре с последним связано. В значительном объёме работ по проблемам нигитологии можно выделить ряд исследовательских направлений: общие, теоретические вопросы и аспекты (например, Н. Р. Саенко, Н. М. Солодухо); нигитология в контексте истории европейской философии (Д. Н. Воропаев; А. А. Кисельников); история русской философии (М. И. Ивлева, О. Г. Гарина); нигитология в предметной области философии культуры (В. А. Кутырёв, Ю. Г. Марченко, Р. Г. Житко, А. А. Кара-Мурза, И. В. Полозова и многие другие).

Цель данной статьи — краткий обзор, обобщение, определённая схематизация научно-исследовательского материала по направлению, ориентированному по ценностному основанию (в сравнении с отрицанием) принципиально иначе — созиданию; анализ возможностей, направлений изучения дан-

ного концепта в философии культуры. При этом нами не подвергаются сомнению творческие возможности, которые могут быть связаны с отрицанием, критикой (что обсуждается и в публикациях по нигитологии).

Термин «созидание» используется в исследовательской литературе социально-гуманитарного, социально-экономического направления в основном в определённых, конкретных аспектах и смыслах; при этом встречаются отдельные замечания, суждения и по поводу сущности самого созидания (например, в публикациях И. П. Антонова, В. Мазурин, Б. Б. Басаева, А. Н. Власенко, М. Я. Затева, Е. Г. Зинкова, С. П. Киселёвой, Л. М. Корж, Е. Муравьёвой, Г. А. Осипова, А. С. Ротова, Ю. Н. Сагидова, А. Н. Семёнова, Е. П. Складовой, А. В. Смирнова, В. С. Соколова, И. Т. Трубилина).

В исследованиях гуманитарной тематики приоритет принадлежит изучению созидания в области образования, педагогики, психологии

(см., например, в докторской диссертации Н. Д. Джиги, см. также исследования Л. А. Бубен, Е. М. Бантюковой, И. П. Иванова, Е. М. Лысенко, Н. В. Мироновой, Л. Ф. Пичурина). В образовательном процессе созидание и самосозидание различаются по линии объективных и субъективных факторов [13. С. 8]. К отличительным характеристикам категории «созидание» в психологии относится «...авторская преобразовательная деятельная направленность, сопряжённая с актуализацией самореализации природных и творческих потенциалов, самоосознанная субъектом образования...» [6. С. 4]. В исследованиях современных отечественных гуманитариев с созиданием априори связано позитивное ценностное содержание.

Не столь часто общие вопросы о сущности созидания обсуждаются в философии, культурологии, искусствознании, эстетике, наукознании (И. В. Вайсфельд, Ю. А. Дьяконов, П. Л. Иванов, С. В. Максимова, В. С. Мухина, Д. А. Петров, В. Чистяков, А. И. Щербакова). По существу, в единственной публикации о созидании, созидательных процессах в современной культуре, в контексте антропологии, акцентируется предметность, увеличение «...предметных областей культуры, которые визуально, вербально оформлены...» [15. С. 90]. Во внешнем выведении, закреплении «позитивного социально-экзистенциального опыта людей» преломляется, по мнению Д. А. Петрова, аспект необходимости его закрепления, должностования, реализуется нормативная функция культуры [15. С. 90]. Таким образом, созидание связывается с идеалообразованием, построением реальности «на идеальной желаемой основе» [15. С. 91]. О связи созидания и идеалообразования будет сказано далее.

Известный американский историк, исследователь русской культуры Д. Биллингтон в перечне ключевых для последней концептов выделяет (наряду со страданием и надеждой) созидание, возможности которого усматриваются им в опоре на творческое усвоение русскими западного опыта в материальной сфере, в обращении к собственным духовным истокам, в сохранении живых связей с природным миром [4. С. 221]. Содержание концепта «созидание» при этом Д. Биллингтон специально не определяет. В переводных изданиях встречаются и эзотерические трактовки смысла созидания [см. 18].

Тематический анализ публикаций, в которых так или иначе встречается понятие «созидание», показывает, что при этом попутно, не специальным

образом, имплицитно могут характеризоваться, объясняться некоторые его свойства. В то же время понятие «созидания» отсутствует в энциклопедиях, словарях (в первую очередь по философии). Как правило, вхождение (включённость, присутствие) понятия в словарь по философии свидетельствует о признании его научности, раскрытии философского значения последнего. Само по себе данное обстоятельство (отсутствие понятия в словаре) также многозначно. Можно предположить нефилософский (соответственно, внеучный — например, метафорический) статус данного концепта.

Этимологический анализ термина «созидание» отсылает к метафорическим, риторическим коннотациям, сакральным смыслам (Создание, Творение) [см., например: 3. С. 1113; 17]. В церковнославянском словаре прот. Г. М. Дьяченко созидание (церк.-слав. созиданіе; древнегреч. οἰκοδομῆ) связывается с созиданием, сотворением, восстановлением, возобновлением [7. С. 623; см. также создать, создавать, созидать: 20. С. 707].

Ситуация отсутствия понятия в словарной, справочной литературе может свидетельствовать и о неразработанности категории (в данном случае в философии культуры). Разумеется, правомерна постановка вопроса и о самой необходимости разговора о созидании в принципе (в особенности вследствие современной ситуации в обществе и культуре, когда в последней преобладают, как уже было отмечено выше, феномены, тенденции, связанные с разрушением, деформациями, деструкцией). Оставляя данный вопрос в качестве риторического, заметим, что одновременно он становится и выражением определённого ответа, ценностной установки субъекта культуры (в большей мере негативного характера).

Приведём далее некоторые встречающиеся в работах отечественных гуманитариев существенные характеристики, содержательные особенности созидания, на наш взгляд, могущие способствовать исследованию последнего в философии культуры. В созидании, сходном с созданием, выделяется аспект действия, процесса, создание как материальных, так и нематериальных благ [19. С. 128]. «Именно творческий и производственный контексты созидания, — пишет А. С. Ротов, — можно рассматривать как две противоположных и достаточных категории, описывающих все возможные процессы создания благ» [19. С. 128]. При этом под производственным контекстом созидания имеется в виду бытовое, неинновационное создание благ (а не производство как хозяйственный процесс)

[19. С. 128]. Таким образом, созидание в данном случае различается в зависимости от своего характера как творческое и неинновационное [19. С. 130]. К творческому созиданию А. С. Ротов относит такие его проявления, как художественное, научное, бытовое, бизнес-творчество [19. С. 129]. В современной массовой культуре, среди доминирующих тенденций которой — дематериализация, виртуализация реальности, созидание может становиться и разрушением, поскольку созидание «...фиктивного уничтожает подлинную культуру, подлинную жизнь, оставляя лишь её иллюзию» [21. С. 109]. Проблема созидания/деструкции рассматривается также на материале исследований творчества, преимущественно в аспекте психологии [12].

В развёртывании понимания, значения созидания в философии культуры полагаем изначально важно ответить на два имеющих принципиальное значение общетеоретических вопроса. Во-первых, что подразумевается (и что необходимо отметить в данном случае в первую очередь) под философствованием о культуре, рефлексией культуры. В философии о культуре речь идёт в ракурсе сущности, поскольку философия всегда размышляет о сущности, существенном. Сущность культуры представлена и в особенностях её бытия. К онтологической проблематике культуры относят разработку основных подходов к пониманию культуры, определение сущности, основных функций, морфологии, раскрытие статики и динамики, типологии последней [см., например, 8].

Ответ на вопрос о том, что подразумевается под онтологией культуры, не является очевидным, в свою очередь, включая в себя целую совокупность неопределённостей, требующих разъяснения (например, что имеется в виду под бытием культуры, что относится к формам бытия культуры и др.). В последние десятилетия отечественные гуманитарии обратились к активным исследованиям, разработке проблемы бытия культуры, пониманию культуры как бытия (исследования П. С. Гуревича, М. С. Кагана, Ю. В. Ларина, О. О. Столярова, Г. В. Сорокина, В. И. Полищук, С. Н. Амельченко, Ю. М. Абдюшевой, Н. И. Кокшаровой, А. А. Колодиной, О. Н. Юречко, С. А. Юриковой). В докторской диссертации Ю. В. Ларина акцентировано и раскрыто понимание способа бытия культуры [10]. В свою очередь отличается многозначностью понятие бытия в общефилософском смысле, что образует ещё одно серьёзное затруднение в разговоре о бытийности культуры; вопрос определения

бытия в общефилософском смысле, безусловно, требует отдельного, специального обсуждения.

Онтологический подход к культуре, рассмотрение культуры как рода бытия — необходимое, существенное дополнение в рассмотрении вопроса о созидании, поскольку именно в бытийном аспекте содержится ряд вопросов, в контекст которых «вписывается» и концепт созидания. Созидание имеет отношение к бытию, к тому, что есть, к возникновению бытия; созидание связано с изменением, творчеством, новизной, а также традицией; не только творчеством, но и «бытовым» созиданием.

Второй вопрос, традиционно нуждающийся в уточнении, — что в данном случае будет пониматься под самой культурой, что такое культура (вследствие разных вариантов, подходов к определению данного понятия). Отметим, что в перспективе обсуждения концепта созидания важен аспект раскрытия сущности культуры как творческой деятельности. В совокупности определений культуры, наряду с её определением как ценности, нами принимается к рассмотрению аспект созидания, воплощённости как реализации духовно-творческой сущности культуры; процесс и мера реализации духовно-творческой сущности человека, его сущностных сил [9. С. 5–6].

Концептуализация онтологической «проявленности» культуры, соответственно, может варьироваться в зависимости от определения культуры (например, в рамках теоцентризма, натуроцентризма, социоцентризма, антропоцентризма) [10. С. 4]. В исследовании Ю. В. Ларина культура «... в своём действительном осуществлении... вполне адекватно предстаёт лишь как единство объективированного субъекта и субъективированного объекта [10. С. 26].

Вне зависимости от особенностей какого-либо подхода к определению культуры исходную онтологическую структурную диспозицию последней формируют предметность и субъектность. Мир культуры невозможен без субъекта, без человека, который так или иначе его создаёт. Различны способы отношения субъекта к предметности (освоение, присвоение, отчуждение и др.), что образует отдельное направление в изучении проблемы созидания в ракурсах философии культуры. Как особенный мир человека, культура отличается качеством, смысловой бытийностью. Актуальным направлением в философии культуры, которое может быть привлечено к исследованию созидания, является онтологическая антропология [см. об онтологической антропологии: 14].

К сущностным характеристикам культуры относится определение последней как ценности. Абсолютным, предельным выражением ценности является идеал. Проблематика идеала, понимание идеалообразования как основания культуры — неполный перечень аспектов аксиологии культуры, получивших разработку в ряде диссертационных и монографических исследований, в публикациях современных отечественных гуманитариев. Общепризнана в данном направлении исследований синтетическая концепция культуры, разработанная Д. В. Пивоваровым. В ней подчеркнута необходимость синтетического, интегративного подхода к культуре; раскрывается культура как идеалообразующая сторона человеческой жизнедеятельности [см. также 1; 2].

В синтетической концепции культуры идеалообразование понимается как отличительный признак всякой культуры, процесса «...сохранения и изменения почитаемых за идеалы архетипов и традиций, возделывания образцов воспроизводства специфической общественной жизни во всех её измерениях, а также процесс мучительного расставания с идеалами, перестающими животворно влиять на рост культуры» [16. С. 55].

Идеалообразование — базовый культурный процесс (Д. В. Пивоваров, К. Н. Любутин, Н. П. Копцева, А. А. Махонина, В. И. Жуковский, И. А. Беляев, Р. А. Бурханов, М. В. Тарасова и др.). Достаточно отработаны, принимаемы во внимание исследователями определённые стадии идеалообразования, намеченные в концепциях Д. В. Пивоварова, В. И. Жуковского. Первая стадия состоит в выделении в чувственно воспринимаемой предметной среде объекта, который определяется и признаётся субъектом в качестве эталона, образца. На второй стадии данный объект-эталон полагается посредством интериоризации изобретённой схемы действия с образцом в субъективном мире индивида. Наконец, в процессе третьей стадии происходит экспликация эмпирического знания о конкретных свойствах эталона на широкую реальность, чем та, которая дана в чувственном опыте [11. С. 10]. Идеалообразование может быть рассмотрено и как основание созидания.

В заключение к отмеченным выше направлениям, возможностям в исследовании концепта «созидания» в философии культуры предлагаем в качестве предварительных следующие выводы. Созидание — изменение бытия культуры, которое может осуществляться как на материальном, так и духовном уровнях. Созидание предполагает изменение бытийности вообще, однако созидательное изменение реализуется в соответствии с ценностями положительной аксиологической направленности. Содержание понятия созидания подразумевает более широкий смысл в отличие от творчества как процесса, который в большей мере может быть связанным с профессиональной деятельностью и подразумевающего в первую очередь создание нового качества, смысла (например, искусства). Понятием «созидание» охватываются процессы творчества и в обыденной жизни, труд, ремесло. В этом смысле к созиданию могут быть отнесены каждодневные акты бытия человека, наполненные позитивной установкой на мироутверждение, качественность (аксиологическую наполненность) бытийности культуры. Созидание в культуре предполагает создание предметно-материального, вещественного, духовно-практического мира культуры, «производство» и «воспроизводства» человека как субъекта культуры.

Полагаем, что разработка данного концепта в философии культуры актуальна не только в теоретическом, но и социально-практическом отношении, вписываясь прежде всего в проблематику онтологии, аксиологии культуры. В варианте отечественной философии культуры исследование концепта созидания может быть развёрнуто в обращении к традиционным ценностям русской философии, литературы, православия; извечной дискуссии интеллигентского сознания в России (принцип утверждения бытия vs нигилизм; первое определяется как «омнизм») [см. 5]. Последнее обстоятельство в особенности перспективно в современной ситуации апофеоза нигилизма, всеобщей разобщённости, деконструктивизма современности.

Список литературы

1. Беляев И. А. Базовые идеалы современной культуры в контексте идей Д. В. Пивоварова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 10. С. 64–66.
2. Беляев И. А., Максимов А. М. Кризис современной отечественной культуры в контексте идей Д. В. Пивоварова // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение. Екатеринбург : Деловая книга, 2019. С. 314–317.

3. Библейская симфония с ключом к еврейским и греческим словам. USA : Bob Jones University, 1998. 1580 с.
4. Биллингтон Д. Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре / пер. с англ. О. А. Алякринского. М. : Логос, 2001. 248 с.
5. Возилов В. В. Нигилизм радикальной интеллигенции России в её идеологии и практической деятельности: 70-е годы XVIII — 70-е годы XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2000. 25 с.
6. Джига Н. Д. Акмеология созидания продуктивного субъекта образования : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2013. 67 с.
7. Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М. : Отчий дом, 2004. 1120 с.
8. Культурология. М. : Альфа-М, 2003. 432 с.
9. Культурология: теория и практика. М. : Проспект, 2015. 368 с.
10. Ларин Ю. В. Мировоззренческо-методологические основы постижения культуры: проблема концептуализации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тюмень, 2004.
11. Копцева Н. П., Лузан В. С. Государственная культурная политика в Сибирском федеральном округе: концепции, проблемы, исследования. Красноярск : СФУ, 2012. 160 с.
12. Максимова С. В. Творчество: созидание или деструкция? М. : Акад. Проект, 2006. 224 с.
13. Миронова Н. В. Образование как сфера созидания и самосозидания человек : автореф. канд. ... филос. наук. Чита, 2004. 23 с.
14. Невелева В. С., Меняева М. П. Человеческое начало как сохраняющийся инвариант и социокультурные вариации // Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. Челябинск : ЧГИК, 2019. С. 305–310.
15. Петров Д. А. Созидание как родовая сущность человека // Аналитика культурологии. 2007. № 3 (9). С. 90–93.
16. Пивоваров Д. В. История и философия религии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского пед. ун-та, 2000. 408 с.
17. Полная симфония на канонические книги Священного Писания. СПб. : Библия для всех, 2009. 2496 с.
18. Профет Э. К., Профет М. Л. Созидание изобилия. Ключи к духовному и материальному процветанию: [пер. с англ.]. М., СПб. : Диля, 2005. 126 с.
19. Ротов А. С. Структура творческого созидания // Креативная экономика. 2008. Т. 2, № 8. С. 127–132.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 (Муза—Сят). М. : Прогресс, 1987. 832 с.
21. Чистяков В. Созидание как разрушение // Созидательная миссия культуры. М. : МГУКИ, 2007. С. 105–109.

Сведения об авторе

Морозова Ирина Николаевна — кандидат культурологии, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства, Челябинский государственный институт культуры. Челябинск, Россия. mo-rel@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 38–44.*

THE CONCEPT OF CREATION INTO PHILOSOPHY OF CULTURE: HORIZONS, PERSPECTIVRS, MEANINGS

I.N. Morozova

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia. mo-rel@mail.ru

Creation and negation, destruction — directions, trends inherent for the all three temporal dimensions of Culture (past, present, future). Into structural balancing of two cultural vectors (as creation and negation) into reality, cognitive and artistic practices, nowadays it is evident the focusing on nothing, which has been expressed into active development of modern nihitology. The image of overthrower for all foundations in society,

nihilist, reformer, apologist of total denial was typological in history of Russian literature, philosophical, religious criticism of the second half XIXth — the beginning of XXth centuries. Pathos of nonexistence, nothing is a distinctive feature for world attitude of Culture's subject into era of transition, socio-cultural, axiological emptiness.

The change of Culture's existence, on the basis of denial, a radical rejection of tradition makes as relevant the considering, from the philosophy of culture's perspectives, the problems of creation, the philosophical reasoning on the strategy of overcoming for the value disorientation, the loss of life meaning, the denial of ontology, irresponsibility, and other ones «nihilistic demons worrying Russia» by N. A. Berdyaev's expression. Into modern studies of socio-humanitarian, socio-economic directions, the concept of «creation»'s using distinguishes the implicitness, a lack of its essential, characteristic features' clarity, the using of the latter into certain, specific aspects, senses. Increasingly into pedagogical and psychological studies, regarding in particular, «creation» and «self-creation» of a personality, the concept «creation» is correlated with the subject of culture. In a few publications on philosophical anthropology, cultural studies, art history, aesthetics, thematizing the concept of «creation», its features such as objectivity, processuality, and connection with ideal formation are emphasized. The author suggests a perspective of ontological anthropology as a possible research directions for «creation»'s studying into philosophy of Culture. Creation in culture involves the creation of material, spiritual and practical world of Culture, the «production» and «reproduction» of a person as a subject of Culture.

Keywords: nihilology, creation, philosophy of culture, value, ideal formation.

References

1. Belyayev I.A. (2018) *Intelligence. Innovation Investments*, no. 10, pp. 64–66. [in Russ.].
2. Belyaev I. A. (2019) Pivovarov's readings. Synthetic paradigm: science, philosophy, religious studies. Yekaterinburg. Pp. 314–317. [in Russ.].
3. Biblejskaya simfoniya s klyuchom k evrejskim i grecheskim slovam (1998) [Bible Symphony with the Key to Jewish and Greek Words]. USA, Bob Jones University. 1580 p. [in Russ.].
4. Billington D. (2001) *Liki Rossii. Stradanie, nadezhda i sozidanie v russkoj kul'ture* [Faces of Russia. Suffering, hope and creation in Russian culture]. Moscow, 2001. 248 p. [in Russ.].
5. Vozilov V.V. (2000) Nigilizm radikal'noj intelligencii Rossii v ee ideologii i prakticheskoj deyatel'nosti: 70-e gody XVIII — 70-e gody XIX vekov [The nihilism of the radical intelligentsia of Russia in its ideology and practice: 70s of the XVIII — 70s of the XIX centuries. Abstract of thesis]. Ivanovo. 25 p. [in Russ.].
6. Dzhiga N.D. (2013) Akmeologiya sozidaniya produktivnogo sub'ekta obrazovaniya [Acmeology of creation of a productive subject of education. Abstract of thesis]. Kostroma. 67 p. [in Russ.].
7. D'yachenko G.M. (2004) *Polnyy tserkovnoslavjanskij slovar': (so vneseniem v nego vazhnejshih drevnerus. slov i vyrazhenij* [Complete Church Slavonic Dictionary: (with the introduction of the most important Old Russian words and expressions)]. Moscow. 1120 p. [in Russ.].
8. *Kul'turologiya* [Cultural studies]. Moscow, 2003. 432 p. [in Russ.].
9. *Kul'turologiya: teoriya i praktika* [Cultural Studies: Theory and Practice]. Moscow, 2015. 368 p.
10. Larin Yu.V. (2004) Mirovozzrenchesko-metodologicheskiye osnovy postizheniya kul'tury: problema kontseptualizatsii [Worldview and methodological foundations of cultural understanding: the problem of conceptualization. Abstract of thesis]. Tyumen. 38 p. [in Russ.].
11. Koptseva N.P., Luzan V.S. (2012) Gosudarstvennaya kul'turnaya politika v Sibirskom federal'nom okruge: kontseptsii, problemy, issledovaniya [State cultural policy in the Siberian Federal District: concepts, problems, research]. Krasnoyarsk. 160 p. [in Russ.].
12. Maksimova S.V. (2006) *Tvorchestvo: sozidanie ili destrukciya?* [Creativity: creation or destruction?]. Moscow. 224 p. [in Russ.].
13. Mironova N.V. (2004) *Obrazovaniye kak sfera sozidaniya i samosozidaniya cheloveka* [Education as a sphere of human creation and self-creation. Abstract of thesis]. Chita. 23 p. [in Russ.].
14. Neveleva V.S., Menyaeva M.P. (2019) *Mir slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury v pravoslavii, sotsiugumanitarnom poznanii* [The human principle as a persistent invariant and sociocultural variations. The world of Slavic writing and culture in Orthodoxy, socio-humanitarian knowledge]. Chelyabinsk. Pp. 305–310. [in Russ.].
15. Petrov D.A. (2007) *Analitika kul'turologii* [Cultural Studies Analytics], no. 3 (9), pp. 90–93. [in Russ.].
16. Pivovarov D.V. (2000) *Istoriya i filosofiya religii* [History and philosophy of religion]. Yekaterinbur. 408 p. [in Russ.].

17. Polnaya simfoniya na kanonicheskiye knigi Svyashchennogo Pisaniya (2009) [A complete symphony on canonical scriptures]. St. Petersburg. 2496 p. [in Russ.].
18. Profet E.K., Profet M.L. (2005) Sozidaniye izobiliya. Klyuchi k duhovnomu i material'nomu protsvetaniyu [Creation of abundance. Keys to spiritual and material prosperity]. Moscow, St. Petersburg. 126 p. [in Russ.].
19. Rotov A.S. (2008) *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy], vol. 2, no. 8, pp. 127–132.
20. Fasmer M. (1987) Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka : v 4 tomakh. Tom 3 (Muza—Syat) [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vol. Vol. 3 (Musa—Syat)]. Moscow. 832 p. [in Russ.].
21. Chistyakov V. (2007) Sozidatel'naya missiya kul'tury [Creative mission of culture]. Moscow. Pp. 105–109. [in Russ.].

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВОПРОСЕ О ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ И МИРОВОЗЗРЕНИИ МОЛОДЁЖИ СУВЕРЕННОГО УЗБЕКИСТАНА

К. Б. Шадманов

Бухарский государственный медицинский институт имени Абу Али ибн Сино, Бухара, Узбекистан

Автор размышляет о способности системного и диалектического видения мира, которое открывает перед молодёжью возможность оптимального решения любого вопроса, любой назревшей проблемы. Жизнь постоянно подтверждает истинность вышесказанного и давно уже во весь рост уяснила проблеме качества мышления молодёжи и её ответственности за принимаемые ею решения. По глубокому убеждению автора, ответственное и опережающее действительность мышление может быть таковым только при освоении молодым поколением современного, выверенного практикой и накопленного за тысячелетия истории гуманистического и гуманитарного философского знания.

Ключевые слова: *философская культура, молодёжь, суверенный, социализация, ценности, духовный, фундамент.*

Глобальные исторические вызовы и угрозы, с которыми столкнулась современная цивилизация на рубеже XXI в., предопределяют необходимость радикальных изменений в экономической, социально-политической, а также духовной сферах общества. В этих условиях становятся неизбежными также и глубокие трансформации во всей системе воспитания и образования как существующих, так и новых поколений людей.

Интеграция независимого Узбекистана в мировое сообщество, качественная трансформация всех общественных отношений диктуют необходимость поднять дух и национальную гордость нашего народа, давшего миру плеяду гениальных мыслителей и учёных-энциклопедистов; показать всему мировому сообществу широту связей наших предков с соседними народами, иными культурами с учётом того, что «годы независимости — это время объективного познания своего прошлого, своей культуры. Это время осмысления той роли, которая нам отведена в мировом сообществе, в самой истории. Это годы трезвого, освобождённого от религиозных догм анализа причин, доведших потенциально богатую республику до состояния кризиса, время поиска его скорейшего преодоления» [1. С. 178].

Воспитание молодого поколения с широким кругозором и эрудицией, высокими нравственными ценностями на фундаменте бесценных сокровищниц культурно-философской мысли великих учёных-просветителей прошлого — задача каждого государства. Очевидно, что каждая эпоха вырабатывала свою специфическую систему воспитания и социализации личности. Прошлое

нашего народа, созданные им духовные ценности стали неоценимым вкладом в сокровищницу мировой культуры.

Сегодня, когда суверенный Узбекистан вступает в фазу своего нового национально-культурного развития, когда социально-философский анализ закономерностей формирования, развития и действия национальной идеи выдвигается вперёд, когда проявляется толерантность в гармонизации национальных интересов, когда во весь рост поднимаются социально-философские вопросы формирования и совершенствования национального характера, когда проблемы формирования и развития эстетического идеала личности, закономерности инновационного развития социальной сферы в построении гражданского общества приобретают особую значимость, — всё это особенно актуально в контексте повышения философской культуры, культуры мышления молодёжи, ибо «только по-настоящему образованный человек может высоко ценить достоинства человека, сохранять национальные ценности, повышать национальное самосознание, самоотверженно бороться для того, чтобы жить в свободном обществе, чтобы наше независимое государство заняло достойное, авторитетное место в мировом сообществе» [2. С. 306; 4; 5; 6].

Последние десятилетия в европейской и мировой практике отмечены многими позитивными инициативами, предлагающими новые стратегии образования, включающие также и кардинальные изменения отношения к философскому знанию как к важнейшему компоненту общей и индивидуальной культуры. В свете этого требует своего

решения ряд назревших проблем. Во-первых, это необходимость адекватного осознания и сохранения в современной духовной культуре и в ежедневной практике особой, ничем не заменимой ценности классического философского наследия, особенно восточного, способного, как и в предыдущие эпохи, основательно влиять на формирование высокой духовности на уровне отдельной личности, социальной группы, нации, общества в целом. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, весьма актуальна, если учесть, что XX век охарактеризовался невиданными ранее атаками со стороны философского дилетантизма на отмеченное классическое содержание и бесчисленными попытками заменить собственно философское знание его произвольными, зачастую не выдерживающими никакой критики, но при этом с активными стараниями внедрить в массовое сознание субъективными интерпретациями. Во-вторых, эта проблема уровня развитости, степени зрелости мышления молодого человека, проблема его общемировоззренческой, философской культуры. При этом очевидно, что традиционно эта проблема мало обсуждается публично, она практически в большинстве случаев замалчивается. Но цена такого умолчания для общества слишком велика, так как понятно, что уровень мышления молодёжи прямо влияет на её практические действия, и если этот уровень весьма высок, то и результаты оказываются соответствующими. В-третьих, системный исторический кризис, характеризующий современное состояние общества, имеет множество граней и проявлений. Много в нём и особых болевых точек, одна из которых — кризис современной системы образования [3], из поколения в поколение формирующей и воспроизводящей людей с некритичным, «одномерным», «калькулирующим» мышлением. Особенную тревогу вызывает то, что таким мышлением часто отличаются молодые специалисты — выпускники вузов, от деятельности которых в огромной степени зависят судьбы многих людей и судьба страны в конечном счёте.

Понимание серьёзных угроз, которые несёт такая ситуация, приводит к мысли о необходимости решительных и глубоких изменений во всей сфере образования, на всех её уровнях. Очень важным моментом при этом становится переосмысление места и роли философии, философского знания, которое как раз и способно разрешать многие из назревших сложных проблем. Следует заметить, что уже имеющийся международный опыт вхождения философского знания в самые изначальные формы

социального воспитания и образования человека, опыт его активного присутствия на протяжении всего процесса формирования личности получает в настоящее время всё большее признание и распространение. Как раз здесь, по нашему глубокому убеждению, должны быть сосредоточены усилия по напряжённому и настойчивому поиску стратегии образования и воспитания будущего поколения. Речь идёт о качественно новой исторической ситуации, а именно: к молодёжи сегодня предъявлен приемлемо жёсткий счёт на подлинную интеллигентность и эрудицию, включающий в себя такие параметры, как адекватный историческому времени стиль мышления, гибкость и оперативность интеллектуального поиска, широта мировосприятия, настроенность на максимальную перманентную информативность, на понимание основных тенденций развития общества, нации и культуры, высокая мораль и развитый эстетический вкус, высококоразвитое чувство менталитета и толерантности.

Современные и прежде всего европейские стандарты образования, выкристаллизовавшиеся через ряд напряжённых публичных дискуссий о соотношении естественнонаучного и гуманитарного знания, сориентировались на «гуманитаризацию», то есть приоритетность общественных наук, и «гуманизацию», подразумевающую уважение к людям, к человеческому достоинству, системы образования, и в качестве обязательного компонента предполагают обеспечение основательной философской подготовки, ибо включение огромного интеллектуального потенциала, который накопила философия, как особый уникальный тип знания, за тысячелетия своего существования в контексте разнообразных мировых культур, резко повышает качество мышления молодёжи, а следовательно, и результаты её творческой деятельности.

Сегодня философское знание помогает улавливать в беспрерывном, вечном потоке изменений самое стабильное, позволяет подметить узловые моменты переходов общего в отдельное, целого в части, содержания в самые простые и многоликие формы, и, таким образом, оно постепенно и трудно, но всё же с неизбежностью подводит молодую личность к осознанию необходимости мыслить, опираясь на такие критерии, как объективность, критичность, объёмность, целеустремлённость и диалектичность. Системно мыслящий человек приобретает колоссальную мощь и утончённость мышления, которые делают его интеллектуально сильнее других, так как его мышление

в наибольшей степени становится способным уловить всю сложность, неоднозначность, противоречивость и в то же время разнообразно проявляющееся единство реальных миров (материальных и духовных), в пределах которых он функционирует. Способность системного и диалектического видения мира открывает перед таким человеком возможность оптимального решения любого вопроса, любой назревшей проблемы. Жизнь постоянно подтверждает истинность вышесказанного и давно уже во весь рост уяснила проблему качества мышления молодёжи и её ответственности за принимаемые ею решения. По нашему глубокому убеждению, ответственное и опережающее действительность мышление может быть таковым только при освоении молодёжью современного, выверенного практикой и накопленного за тысячелетия истории гуманистического и гуманитарного философского знания.

Так каким же нам представляется сознание современного человека третьего тысячелетия, в осо-

бенности обучающейся молодёжи? Время требует, чтобы оно определялось объективной действительностью, где господствуют рыночные отношения: сознание молодёжи должно в максимальной степени соответствовать требованиям рыночных отношений. Это прежде всего требует знания современной техники, технологий (нанотехнологий), ноу-хау науки и достоинств рынка. И, вне всякого сомнения, эти знания должны опираться на общефилософскую основу.

Заключая, отметим, что данная статья — это скорее своеобразный ориентир-дискуссия, указывающий на то, что необходимо молодому человеку предпринять для усиления своих позиций, как поступить, чтобы улучшить стиль и содержание своего мышления, а следовательно, и повысить эффективность принимаемых решений, поскольку до сих пор существует проблема несоответствия уровня, стиля и качества мышления современных выпускников их статусу и праву принимать решения.

Список литературы

1. Каримов И. Ўзбекистон — буюк келажак сари. Ташкент, 1998. 128 с.
2. Каримов И. По пути безопасности и стабильности развития. Ташкент, 1998. Т. 6. 68 с.
3. Habermas J. Dispute on the past and future of international law. Transition from national to a post-national constellation // XXI World Philosophy Congress. Resume. Istanbul, 2003.
4. Самадов А. Р. Шахс эстетик идеалининг шаклланиши ва ривожланиши муаммолари [=Проблемы формирования и развития эстетического идеала личности] : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Самарканд, 2020. 70 с.
5. Саидкосимов А. И. Фукаролик жамиятини барпо этишда ижтимоий сохани инновацион ривожлантириш конуниятлари [=Закономерности инновационного развития социальной сферы в построении гражданского общества] : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Самарканд, 2019. 60 с.
6. Тошбоев Б. Э. Миллий характер шаклланиши ва такомиллашувининг ижтимоий-фалсафий масалалари [=Социально-философские вопросы формирования и совершенствования национального характера] : автореф. дис. ... д-ра философии. 2018. 40 с.

Сведения об авторе

Шадманов Курбан Бадриддинович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Бухарского государственного медицинского института имени Абу Али ибн Сино. Бухара, Узбекистан. qurbonjonsh@gmail.com

---

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).

Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 45–48.

NEW TRENDS IN THE PHILOSOPHICAL CULTURE AND WORLDVIEW OF THE YOUTH OF SOVEREIGN UZBEKISTAN

K.B. Shadmanov

Bukhara State Medical Institute named after Abu Ali Ibn Sino, Bukhara, Uzbekistan. qurbonjonsh@gmail.com

In the article, the author reflects on the ability of a systemic and dialectical vision of the world, which opens up before young people the possibility of an optimal solution to any issue, any urgent problem. Life constantly confirms the truth of the above and has long since already fully understood the problem of the quality of thinking of young people and their responsibility for the decisions they make. According to the author's deep conviction, responsible and outstripping reality can be such only when it assimilates modern, verified practice and accumulated over the millennia of its history of humanistic and humanitarian philosophical knowledge.

Keywords: *philosophical culture, youth, sovereign, socialization, values, spiritual, foundation.*

References

1. President of Uzbekistan Islam Karimov (1998). *Yzbekiston — Buyuk kelazhak Sari*. Tashkent. 128 p. [in Uzbek].
2. President of Uzbekistan Islam Karimov. (1998) *On the path of security and stability of development*. Vol. 6. 68 p. [in Uzbek].
3. Habermas J. (2003) *XXI World Philosophy Congress. Resume*. Istanbul, 2003. [in Uzbek].
4. Samadov A.R. (2020) *Problems of formation and development of the aesthetic ideal of the individual* [Abstract of thesis]. Samarkand. 70 p. [in Uzbek].
5. Saidkasimov A.I. (2019) *Regularities of innovative development of social sphere in building a civil society* [Abstract of thesis]. Samarkand. 60 p. [in Uzbek].
6. Toshboev B.E. (2018) *Socio-philosophical issues of formation and improvement of the national character* [Thesis]. 40 p. [in Uzbek].

ФИЛОСОФИЯ СЕМЬИ: ПРОЛЕГОМЕНЫ

С. А. Денискин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического обоснования управления социальными процессами. Выявлены онтологические основания социальности для разработки дедуктивных моделей сообществ семейного типа. На основе сопоставления социальной группы и социальной целостности удалось предельно развести эти понятия. Понимание семьи как малой социальной группы методологически некорректно и не отображает её сущностные признаки. При концептуализации семьи как теоретического объекта семья предстаёт как живая целостность — социальный организм, а основанием общности является совместная жизнь во всём её проявлении. При создании семейного сообщества осуществляется переосмысление самого феномена жизни в дихотомии «жизнь я» и «жизнь мы». Фактором, характеризующим состояние семьи и его динамику, является семейное благополучие.

Ключевые слова: *жизнь, социальность, социальная группа, социальная целостность, семья, семейное благополучие.*

Наверняка сразу возникает вопрос: почему пролегомены, если тема семьи звучала в философии ещё со времён античности? Однако наш анализ философских разработок показывает, что сообщество семейного типа в социогуманитарном познании не удаётся теоретически концептуализовать. Нарботанные концепты являются либо произвольными размышлениями мифологического типа, либо обобщениями эмпирических социологических исследований. Главное состоит в том, что в этих концептах не обнаруживается онтологическая основа бытия семьи как особого социального субъекта. Семья в полноте своего бытия не сводится ни к экономической деятельности, ни к сексуальным отношениям, ни к общественному воспроизводству и пр., но вмещает в себя всё перечисленное, являясь при этом автономным социальным образованием, которое выживает, несмотря ни на какие репрессии по отношению к ней со стороны государства, попытки управления семьёй в угоду провозглашённой идеологии и в страшные военные годы.

Актуальность темы обусловлена тем, что для реального управления социальными процессами уже недостаточно просто здравого смысла и накопленного эмпирического опыта. Социальные проекты, которые базируются на здравом смысле и на научных социологических моделях, имеющих эмпирический характер, не достигают ожидаемых социальных показателей и не меняют тренд социальных процессов, даже несмотря на немалые средства, направляемые на их реализацию. Об этом свидетельствует повторение концепту-

альных установок в соответствующих документах, начиная с Указа Президента РФ № 712 от 14 мая 1996 г. «Об основных направлениях государственной семейной политики». Широко распространённая неконцептуальность подхода продемонстрирована также в материалах Конгресса «Мир семьи» 2005 г., где перечислены 18 предложений Конгресса по реализации механизма проведения социальной политики и более 60 по восьми секциям. Однако, по мнению экспертов, множество предложений не отражает глубины осмысления социальных процессов.

Необходимость теоретико-философского базиса социального управления хорошо обоснована в работах Московского методологического кружка. В частности, Г. П. Щедровицкий отмечает, что такая необходимость возникает «в ситуациях решения различных *социотехнических задач* — при обучении и воспитании людей, управлении научными исследованиями и разработками, планировании социального развития отдельных предприятий, отраслей промышленности и регионов и т. п.» [1. С. 635]. Для социального управления необходимы знания из разных областей, но поскольку объект управления как фрагмент действительности не совпадает с объектами отдельных наук, то «приходится говорить о “многостороннем” и “комплексном” характере социотехнического объекта и на практических путях искать способы связи и объединения различных разнопредметных знаний, описывающих его с разных сторон» [Там же].

Однако, по мнению специалистов, в современном социогуманитарном познании необходимый

теоретико-философский базис, прежде всего в виде системы основополагающих понятий, так и не выработан. Ю. И. Семёнов констатирует: «Исходным и важнейшим концептом социальных наук <...> является понятие общества. Но, к сожалению, оно в трудах обществоведов часто не только не раскрывается, но даже толком и не определяется» [2. С. 3]. Следовательно, нет и теоретического определения сообщества семейного типа.

Такая ситуация констатируется и в диссертационных работах. В качестве типового примера обратимся к кандидатской философской диссертации С. С. Анисиной. Автор констатирует, что «в целом исследованность проблем семьи и брака имеет как в мировой классической мысли, так и в современной науке весьма высокий уровень. <...> Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что семья как таковая достаточно редко становилась предметом философского или культурологического анализа. <...> семья как таковая весьма редко выступает в качестве онтологически значимого предмета мысли» [3. С. 4]. И мы полностью согласны с таким заключением и далее обобщаем свою позицию.

Поэтому — пролегомены. Начнём с самого начала в попытке обнаружить фундаментальный базис семейного сообщества средствами теоретико-философского познания. Что же такое семья как особый социальный субъект в рациональном мышлении?

Начальным базисом всякого познания является *житейское мировоззрение*. На этом уровне семья представляется в виде ассоциативного образа совместной жизни близких родственников на основе любви. Интуитивная мотивация участников семьи сводится к тому, что жить вместе проще, надёжнее, особенно при возникновении критических ситуаций (в надежде на взаимную поддержку), а необходимость детей — обрести смысл жизни и не оказаться в одиночестве на старости лет. И прочие подробности в бесконечных вариациях.

Такое бытовое понимание представлено в толковых словарях отечественных классиков — В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова: «Семья — группа живущих вместе близких родственников» [4]. Иногда с конкретизацией участников этой группы: родители, дети, внуки и ближние родственники. Вполне понятно, что такое определение не может быть положено в основу социальных проектов.

В современном *научном социогуманитарном познании* семья концептуализируется как системоо-

бразующая форма человеческой общности в виде особой социальной группы, в которой физически и культурально воспроизводится сообщество в виде нового поколения. В чём же состоит эта её особенность? Классическое определение, принятое за основу в социологии, дано А. Г. Харчевым в конце 1980-х. Семья концептуализируется им в виде объекта социогуманитарного познания как «исторически конкретной системы взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [5. С. 75].

Такое определение не выдерживает никакой критики с точки зрения осмысления природы семьи, поэтому отметим лишь главное: оно не отображает природу семейного сообщества и ничего не добавляет к бытовому представлению семьи, данное в вышеупомянутых словарях, а потому не может быть рекомендовано в качестве научного основания социотехнических проектов. Однако закрепились ключевые моменты: малая группа, супружеские или родственные отношения, воспроизводство нового поколения в физическом и духовном аспектах.

Но почему «малая»? Если говорить о семье вообще как о социальном феномене, то традиционная трёхпоколенная семья не является малой. Она стала такой в современное время. Этот эволюционный тренд «сжатия» семьи исследовал Э. Дюркгейм, сформулировав закон «контракции». А что такое «супружество»? По мнению С. И. Голода, супружество представляет собой простое сожительство — «мирное сосуществование» (в политических терминах времён СССР) [6. С. 229].

Кроме того, социология как эмпирическая наука постулирует свой объект на основе статистической нормы, то есть берёт за основу наиболее распространённый в населении тип семьи, выявленный в ходе социологических исследований данного социума в конкретный исторический период. Однако принятие за эталон существующего состояния и выявленную динамику исследуемого объекта может привести к прямо противоположным результатам в социальном управлении относительно ожидаемых. Предельно заострим для лучшего понимания: если статистически значимое большинство граждан склонно к воровству, то воровство — это нормально.

Проясним понятие нормы, которое может пониматься в двух смыслах.

1. Норма — это то, что соответствует природе семьи как специфического сообщества, как некий идеал семьи. Всё остальное расценивается как отклонение от нормы. С такой констатации начинается роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: счастливые семьи одинаковы, а каждая несчастливая семья уникальна. Семей, которые соответствуют в какой-то степени идеалу, вообще может не быть в данном сообществе по вполне понятной причине: идеал в принципе недостижим, но он необходим в качестве ориентира в организации социального управления, поскольку именно он несёт в себе позитив должного. Всё остальное — отклонение от этого идеала как нормы. Именно этот идеал и концептуализируется в виде теоретического объекта в рациональном познании.

2. Норма — это совокупность статистически значимых показателей, отражающих семейный образ жизни в настоящее время в данном сообществе. Выбранные показатели кладутся в основу различных классификаций в соответствии с задачами исследования. Так, в частности, представляются номинальные и реальные социальные группы, которые становятся объектами социального управления на основе социологических исследований.

Оба варианта нормы важны для оценки социальных тенденций. Главное понимать, о какой норме идёт речь в данном случае и как эту норму можно использовать во благо.

В более продуктивном варианте семья понимается как сообщество, основанное на супружеском союзе (часто не указывается союзе кого) и родственных связях (зачастую — кровных), ведущее *общее хозяйство на основе единого бюджета* (а это уже существенно). Социальная значимость семьи со стороны социума видится в воспроизводстве данной культуры посредством воспитания нового поколения, его первичной социализации и инкультурации. На этом основании семья рассматривается социологами как базовая структурная единица общества, обеспечивающая физическое и культурологическое его воспроизводство без срыва преемственности поколений. Такое понимание семьи в социологическом познании восходит к Платону и Аристотелю, а в Новое время базируется на идеях Г. В. Ф. Гегеля, марксизма, М. Вебера, П. А. Сорокина, К. Х. Момдзяна и др. и вошло в канал трансляции социального опыта системы образования.

При этом в аспекте эволюции семейного сообщества в научной социологии сформировались две основные парадигмы.

1. Парадигма «кризиса семьи» (С. И. Голод, В. А. Борисов, С. В. Дармодехин, В. И. Медков, А. Б. Синельников и др.) характеризует современную семейную ситуацию вообще, в том числе и в России, как кризисную, что является результатом дестабилизирующих процессов в обществе. Этот институциональный кризис относится к ряду глобальных проблем человечества и фиксируется не только в нашей стране, но и в «развитых странах». Приверженцы этой парадигмы полагают, что государство, которое возьмётся за его преодоление всерьёз, чётко осознавая цели и способы, станет мировым лидером по всем социальным и, как следствие, экономическим показателям.

Но действительно ли мы имеем дело с кризисом? Признанный эксперт в области философии кризиса Т. Ю. Сидорина призывает определиться с понятиями, в которых мы оцениваем состояние исследуемой предметной области. Что такое кризис вообще? Кризис — это состояние объекта, при котором он перестаёт функционировать, все законы прекращают своё действие, целостная система распадается на независимые части, распадается связь времён. Кризисное состояние наступает, когда исчерпаны возможности саморазвития общества в данном его качестве [7]. Вполне понятно, что сторонники такой оценки не видят впереди ничего хорошего, всё будет хуже и хуже. Непродуктивность этой позиции очевидна.

Поиск выхода из этого состояния видится в различении *состояния кризиса* и *кризисных тенденций*, которые приведут, по мнению экспертов, к кризисному состоянию, если не принять адекватных мер. Позитивный момент состоит в том, что в настоящее время институт семьи функционирует, но тенденции его бытия не соответствуют нашим ожиданиям. Поэтому вполне естественно, что в противоположность «кризисному сознанию» возникает «стабилизационное сознание» как стремление к обнаружению основ общественного порядка [8. С. 5].

2. Парадигма теории эволюционного развития (А. Г. Харчев, А. И. Антонов, А. Г. Вишневский, А. Г. Волков, Л. Е. Дарский, М. С. Мацковский, А. А. Клепин и др.). Приверженцы этой парадигмы полагают, что происходящие изменения семьи позитивны, эволюционны и обусловлены процессами развития общества. В частности, А. Г. Харчев в рамках функционального подхода определяет

семью как эволюционирующую социальную организацию, которая находится на очередной стадии своего развития в изменяющемся обществе. М. С. Мацковский одним из первых исследовал взаимосвязь между потребностями общества в институте семьи и потребностями личности в принадлежности к семейной группе. При этом социально-демографические тенденции в семье (рост разводов, минимальное количество детей и пр.), оцениваемые обычно негативно, характеризуются как признак демократизации и либерализации семейных отношений.

Сложность социологических исследований обусловлена тем, что сообщество образовано разнокачественными социальными субъектами, для которых до сих пор не определены соответствующие качественные показатели их соотнесения и классификации, а также описания социальной динамики. Поэтому социальные проекты ориентированы на количественные характеристики, по которым оценивается реализация социального проекта «на такой-то период». В конечном итоге оценка реализации проекта сводится к перечню проведённых мероприятий и бухгалтерскому отчёту за израсходованные средства. Конечно, такие проекты необходимы для поддержания определённых групп населения, но их недостаток в том, что они не меняют динамику социальных процессов, не задают образ должного, поэтому не создают позитивный тренд.

В философском осмыслении феномена семьи базовые идеи сформулированы в трудах Платона и Аристотеля. Оба они исходили из того, что каждый человек объективно нуждается в воспитании и обучении, чтобы стать полноправным членом полиса. Начало этому процессу задаётся в семье, а государственное образование имеет дело уже с этим «материалом».

И что в итоге последующих более чем 2000-летних размышлений? Сверимся со справочной литературой. В философской энциклопедии 1967 г. семья определяется с учётом идей марксизма как «...отношение между мужем и женой, родителями и детьми...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 27), основанное на браке или кровном родстве; имеющее исторически определённую организацию, социальное объединение, члены которого связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [9].

Констатируем тот факт, что ничего нового в этой концептуализации семьи как объекта теоретического познания не заявлено. Более того, в последую-

ющих энциклопедиях эта словарная статья исчезла. Вероятно, социальная философия по этой теме ничего не родила. Приходится констатировать, что начиная с возникновения позитивизма социальная философия пошла на поводу научных социологов, используя понятийный аппарат социальных естествовников и пытаясь выйти на уровень всеобщего путём индуктивного обобщения социологических данных. В итоге ни социологи, ни философы не выходят на дедуктивные и даже на гипотетико-дедуктивные теоретические концепты.

Неудачные попытки в концептуализации семьи как теоретического объекта, с чего, собственно, и начинается теоретический уровень познания, приводят к созданию произвольных, необоснованных классификаций социальных структур, что проявляется, например, в неопределённости понятий «социальные группы» и «социальные целостности». Необходимо их чётко различить, указав соответствующий критерий.

Для их различения исходим из того, что разные сообщества возникают для удовлетворения какой-либо потребности человека посредством общения и совместной деятельности. Но наряду с этим есть фундаментальные потребности (витальные, психические и социальные), например, потребность личности в близости с другим и признании её членом сообщества. По этому критерию близости перечислим самые распространённые социальные группы, в которых мы все участвуем [10]: *знакомые* (метка «свой» — предъявленные знаки, по которым мы узнаём друг друга); *приятели* (общность на основе общего интереса и приятного общения); *товарищи* (общность на основе «дела», то есть достижения согласованной цели); *дружба* (близость на исключительно духовном основании за счёт своих ресурсов без взаимных обязательств). Возможны ли более близкие отношения после дружеских?

Сконцентрируем внимание на предельном переходе к качественно иной общности: что может быть ближе, чем дружеские отношения? Очевидно — слияние в целое — семья. В таком понимании *семья* — это сообщество мужчины, женщины и их детей на основе *совместной жизнедеятельности*. В семье мужчина и женщина не друзья и не приятели с общим интересом, и не коллеги в общем деле. Качественно иная метка «свой» — *единство жизни*, а сообщество семей на основе кровного родства определяется как *род*. Логично трёхпоколенную семью переопределить как род и тем самым преодолеть неоднозначность понятий.

Итак, первое основание семейного сообщества состоит в *общности жизни*, в ходе которой создаются и воссоздаются все необходимые условия *совместного* существования. Однако это совместное существование представляет собой не простое сожителство под одной крышей, а устанавливается на основе *внутреннего отношения*, «в котором изменение одной стороны отношения сопровождается изменениями другой стороны. Или, в более привычной для нас терминологии, внутреннее отношение характеризуется взаимоположенностью сторон» [11. С. 102]. Иначе говоря, совместная жизнь, в которой неизбежны конфликты интересов и разное понимание ситуации, организуется на основе взаимного согласия участников по поводу совместного действия.

Второе основание состоит в том, что такие общности с необходимостью территориальны: чтобы быть самодостаточным, необходимы ресурсы, источником которых является территория. Ведя совместную жизнь и воспроизводя всё необходимое для своего существования на своей территории, семья становится базовой единицей любой социальной целостности, поскольку только здесь воспроизводится физически и духовно само общество в виде нового поколения и его первичной социализации.

Таким образом, используя параметр «степень близости», удастся предельно развести понятия «социальная группа» и «социальная целостность». Социальную группу конституирует либо общий *интерес*, который обнаруживает себя в отношении удовлетворения какой-то частной потребности (например, желания выговориться, облегчить душу, посмотреть на трудную ситуацию со стороны, приятно провести время, расслабиться, отвлечься от дел и пр.), либо *цель*, которую в одиночку достигнуть невозможно, — совместное *дело*. В момент осознания интереса или цели происходит объявление своего общественного лица. Если другой раскрывается в аналогичном ракурсе посредством ответного объявления, возникает установление общности, конституирование группы.

Установление общности «семья» качественно сложнее и объёмнее: объявление своего лица происходит во всей глубине личного Я. Здесь речь идёт о совместной жизни во всём её проявлении и непредсказуемости, к которой надо быть морально готовым, в том числе поставить на кон собственную жизнь ради семейных ценностей и вообще существования семьи. В таком понимании возникает проблема осмысления самого фе-

номена жизни как базового в дихотомии «жизнь я» и «жизнь мы». А в рациональном познании — проблема соотношения организменных (биологических) и надорганизменных (социальных) живых структур — органичных (гармоничных) целых.

Но семья не единственная социальная целостность, то есть живая целостность надорганизменного (надбиологического) уровня. Ю. И. Семёнов отмечает, что «каждое такое отдельное конкретное общество является особого рода более или менее самостоятельно развивающимся органическим целым, что даёт основания назвать его *социально-историческим (социоисторическим) организмом* — сокращённо — *социором*). Социоисторический организм есть, таким образом, отдельное конкретное общество, представляющее собой относительно самостоятельную единицу исторического развития. Каждый социоисторический организм локализован во времени и пространстве. Он занимает определённую территорию. Он обязательно когда-то возник...» [2. С. 5].

Мы полностью согласны с таким предложением со следующими замечаниями. Во-первых, не указываются в явном виде основания для такой позиции. Насколько можно судить, оно является удачным эмпирическим обобщением при анализе понятия общества у обществоведов, историков и этнологов, как об этом пишет сам автор. Но возникает сомнение в его предсказательной силе, то есть в степени теоретичности. Действительно, как мы можем определить, что рассматриваемое сообщество биологических организмов является социором? В определении Ю. И. Семёнова сказано: оно «является особого рода более или менее самостоятельно развивающимся органическим целым». Что значит «особого» и ещё хуже — «более или менее»?

Во-вторых, термин «органические целые» введён И. Кантом для обозначения биологических организмов, и в этом значении он используется в разных дисциплинах до сих пор. Его использование в обществознании введёт терминологическую неопределённость. Продуктивным представляется позиция К. Х. Момджяна, который разводит понятия «биологический организм» и «социальный организм». Всё чётко и понятно, о чём идёт речь. Термин «организм» указывает на то, что мы имеем дело с самопричинным объектом. Его самопричинность проявляется в способности к самоактивности, самоорганизации и самовоспроизводству. Если мы такие свойства наблюдаем у рассматриваемого сообщества, значит, это организм. Если мы на него

можем указать пальцем, значит, это биологический организм в виде материального тела.

На наш взгляд, родовым понятием может быть «органичное целое» в смысле его органичного, гармоничного устройства и функционирования. В этом случае возникает возможность построения единой классификации организмов разного типа. Следствием становится решение проблемы обнаружения момента появления сообществ семейного типа в эволюционном развитии биоты, в том числе и в человеческом сообществе.

И последнее, что необходимо рассмотреть в теме концептуализации семьи как теоретического объекта: как оценить состояние семьи в индивидуальном и социальном аспектах? Такое теоретическое основание и методологическое обеспечение разработаны философом и социологом А. А. Тарадановым. Он исходит из того, что семья есть социальная общность, удовлетворяющая фундаментальные потребности общества и индивида посредством и в процессе их воспроизводства. Поэтому *мерой реализации семьёй своих функций является фактор семейного благополучия* как процесс оптимального удовлетворения в семье конкретно-исторических потребностей общества и индивида. Благополучная семья определяется «в качестве таковой тогда,

когда она исполняет функции, удовлетворяющие потребности какого-либо социального института; она есть позитивное представление о семье, <...> институционально определённый феномен семейного благополучия» [12. С. 12]. Для индивидов, образующих семью, понятие семейного благополучия фиксирует удовлетворённость её членов семейной жизнью, удовлетворение в семье своих потребностей. Таким образом, «главным фактором семейного благополучия является “семейный лад” — совокупность положительных отношений между членами семьи» [Там же. С. 31]. Степень удовлетворения потребностей членов семьи и потребностей общества позволяет создать соответствующую классификацию семей с целью формирования обоснованной социальной политики.

Проведённые А. А. Тарадановым многолетние исследования в Уральском федеральном округе показали, что доля социально благополучных семей в их общем количестве является исключительно точным социальным индикатором состояния как семьи, так и индивида и общества в целом. На этой основе автор делает вывод о том, что разработанная технология может быть использована также и для оценки состояния и динамики различных социальных групп и категорий населения.

Список литературы

1. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.
2. Концептуализации общества в социально-философской и философско-исторической рефлексии: монография / К. Х. Момджян, А. Ю. Антоновский, Ю. И. Семёнов [и др.] ; под общ. ред. К. Х. Момджяна, А. Ю. Антоновского. М. : Инфра-М, 2017. 348 с. (Науч. мысль). URL: www.dx.doi.org/10.12737/22855.
3. Анисина С. С. Социокультурные архетипы семьи и брака : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2002. 18 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Рос. АН; Рос. фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : АЗЪ, 1994. 928 с.
5. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1979.
6. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
7. Сидорина Т. Ю. Парадоксы кризисного сознания / [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. М. : РГГУ, 2002. 238 с.
8. Давыдов Ю. Н. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории // История теоретической социологии. Т. 3. М., 1999.
9. Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. М. : Совет. энцикл., 1967. Т. 4.
10. Денискин С. А. К вопросу о классификации социальных субъектов: философские аспекты // Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира : материалы международной научной конференции. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2019. С. 265–269.
11. Шрейбер В. К. «Функция» и её категориальный кластер // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 4 (17). С. 100–114.
12. Тараданов А. А. Семейное благополучие в современной России: генезис и практика : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2004. 39 с.

Сведения об авторе

Денискин Сергей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. Amd-55@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).

Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 49–55.

THE PHILOSOPHY OF THE FAMILY: PROLEGOMENA

S.A. Deniskin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. amd-55@mail.ru

The relevance of the topic is due to the need for a theoretical substantiation of the management of social processes. The ontological foundations of sociality for the development of deductive models of family-type communities are revealed. Based on the comparison of the social group and social integrity, it was possible to completely separate these concepts. The understanding of the family as a small social group is methodologically incorrect and does not reflect its essential features. When the family is conceptualized as a theoretical object, the family appears as a living integrity — a social organism, and the basis of community is living together in all its manifestation. When creating a family community, the very phenomenon of life is rethought in the dichotomy of «life I» and «life we». Family well-being is a factor characterizing the state of the family and its dynamics. Key words: life, sociality, social group, social integrity, family, family well-being.

References

1. Schedrovitskiy G.P. (1995) *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow. 800 p. [in Russ.].
2. *Kontseptualizatsii obschestva v sotsial'no-filosofskoy i filosofsko-istoricheskoy refleksii* (2017): monografiya [Conceptualization of society in socio-philosophical and philosophical-historical reflection]. Ed. by K.H. Momdzhyan, A. Yu. Antonovskiy, Yu.I. Semenov et al. Moscow. 348 p. Available at: [www. dx.doi.org/10.12737/22855](http://www.dx.doi.org/10.12737/22855). [in Russ.].
3. Anisina S.S. (2002) *Sotsiokul'turnyye arkhetypy semi i braka* [Sociocultural archetypes of family and marriage. Abstract of thesis]. Tyumen. 18 p. [in Russ.].
4. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. (1994) *Explanatory dictionary of the Russian language Tolkovyy slovar' russkogo yazyika*. 2nd ed. Moscow. 928 p. [in Russ.].
5. Harchev A.G. (1979) *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow, Myisl Publ. [in Russ.].
6. Golod S.I. (1998) *Semya i brak: istoriko-sotsiologicheskyy analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis]. St. Petersburg. [in Russ.].
7. Sidorina T.Yu. (2002) *Paradoksy krizisnogo soznaniya* [Paradoxes of crisis consciousness]. Moscow, RGGU Publ. 238 p. [in Russ.].
8. Davyidov Yu.N. (1999) *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii* [History of theoretical sociology], vol. 3. [in Russ.].
9. *Filosofskaya entsiklopediya v 5 tomakh* (1967) [The philosophical encyclopedia: in 5 vols. Vol. 4]. Ed. by F.V. Konstantinov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. [in Russ.].
10. Deniskin S.A. (2019) *Byitie cheloveka: problema yedinstva vo mnogoobrazii sovremennogo mira: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Human existence: the problem of unity in the diversity of the modern world : proceedings of the international scientific conference]. Chelyabinsk, ChelGU Publ. Pp. 265–269. [in Russ.].
11. Shreyber V.K. (2007) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University], no. 4 (17), pp. 100–114. [in Russ.].
12. Taradanov A.A. (2004) *Semeynoye blagopoluchiye v sovremennoy Rossii: genesis i praktika* [Family well-being in modern Russia: Genesis and practice. Abstract of thesis]. Yekaterinburg. 39 p. [in Russ.].

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРИНЦИПОВ СПРАВЕДЛИВОСТИ, РАВЕНСТВА И ЗАКОННОСТИ С ПОЗИЦИИ ИХ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

М. В. Куликов

Кузбасский институт ФСИИ России, Новокузнецк, Россия

Исследуется вопрос частичного совпадения содержания различных принципов права: справедливости, равенства и законности. Это осуществляется через анализ одной из целей уголовного наказания — восстановления социальной справедливости, рассматриваемой с уголовно-правовой и социально-философской точек зрения. Указывается на обширное и вместе с тем не до конца концептуализированное обращение законодателя к ценности социальной справедливости, её многоаспектности, наличию собственного видения её содержания у большинства людей, необходимости достижения общего согласия по поводу её применения. В качестве причин неоднозначного понимания социальной справедливости указываются два различных подхода к её определению, которые, являясь противоположными по своей сути, в равной мере используются в отечественном правовом, социально-экономическом и общеполитическом дискурсе.

Ключевые слова: *принцип справедливости, принцип права, принцип законности, восстановление социальной справедливости, «общее благо», солидарность.*

В ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) дано определение понятия наказания и раскрыты цели его назначения. Одна из целей, причём указанная самой первой, обозначена как «восстановление социальной справедливости». Нигде далее в кодексе не содержится ни определение понятия «социальная справедливость», ни указаны критерии её восстановления. В юридической науке разграничение принципов справедливости, равенства и законности хотя и является собой предмет для дискуссии, всё же представляется чем-то само собой разумеющимся, что выражается в их разделении по статьям, к примеру, в УК РФ. Для философского анализа формально-юридического разделения оказывается недостаточно, что требует от исследователя-философа проникновения в сущность этого явления. Для этого попытаемся обозначить некоторые проблемы определения принципов справедливости, равенства и законности, взяв за отправную точку анализ вышеуказанного концепта «социальная справедливость».

Забегая вперёд, можно отметить, что термин «социальная справедливость» используется отечественным законодателем как минимум в двух значениях. Первое из них связано с идеей социального государства, которая предполагает возложение на государство определённых обязательств в сфере реализации социальных прав личности. Например, в ст. 5 Федерального закона от 21 нояб-

ря 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» перечислены основные принципы оказания бесплатной юридической помощи, где среди прочих в ч. 2 отмечена её «социальная справедливость и социальная ориентированность». К идее социальной справедливости апеллирует и Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 18.04.2018 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в соответствии со ст. 56 которого «не может рассматриваться как разжигание социальной розни агитация, направленная на защиту идей социальной справедливости». Аналогичный смысл несёт в себе содержание ст. 9 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 03.07.2018 г.) «О политических партиях», которая гласит: «включение в уставы и программы политических партий положений о защите идей социальной справедливости, равно как и деятельность политических партий, направленная на защиту социальной справедливости, не может рассматриваться как разжигание социальной розни». Ст. 78 Указа Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ред. от 21.02.2019 г.) «Об утверждении общевоинских уставов Вооружённых Сил Российской Федерации» перечисляет обязанности командира по воспитанию подчинённых, отмечая среди прочих обязанность «заботиться об улучшении торгового обслуживания подчинённых, соблюдать

при этом принципы социальной справедливости и гласности».

Термин «социальная справедливость» встречается также и в заявлениях российских официальных лиц. Так, например, президент РФ в своём послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г., говоря о школьном образовании, отмечает: «Международные эксперты признают, что наша начальная школа уже одна из самых сильных в мире. Мы продолжим и активную работу по развитию нашего общего образования, причём на всех уровнях. При этом подчеркну: современное, качественное образование должно быть доступно для каждого ребёнка. Равные образовательные возможности — мощный ресурс для развития страны и обеспечения социальной справедливости» [Цит. по: 9].

Термин «социальная справедливость» встречается и в документах общественных организаций. Например, п. 2 плана практических действий по реализации решений IX съезда Федерации независимых профсоюзов России на 2015–2020 гг. обозначает своей целью «Развитие социального партнёрства в целях реализации принципов достойного труда и обеспечения социальной справедливости» [Цит. по: 10].

Ратифицированные Российской Федерацией международные нормативно-правовые акты также содержат в себе отсылки к социальной справедливости. Как пример, в преамбуле Устава Международной организации труда говорится о том, что «всеобщий и прочный мир может быть установлен только на основе социальной справедливости» [Цит. по: 13]. В преамбуле «Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов» утверждается «приверженность правам человека и основным свободам, социальной справедливости, достоинству и ценности человеческой личности» [Цит. по: 11].

Таким образом, отчётливо прослеживается связь социальной справедливости с социальными правами личности: правом на образование, медицинскую помощь, пенсионное обеспечение, оплату труда не ниже установленного минимального размера, страховку и т. п. И в этом смысле социальная справедливость раскрывает свою «экономическую» сущность, выступая как мера распределения благ в социуме. Такой взгляд на природу справедливости связан с этическими воззрениями Аристотеля, учениями утилитаристов Бентама, Милля, представлениями Маркса и Энгельса, критиковавших антигуманную сущность современного им капиталистического общества. В философии XX в.

«распределительный» взгляд на справедливость, её «социальный» характер актуализируется в работе гарвардского философа Дж. Ролза «Теория справедливости».

Ролзовский вариант социальной справедливости можно обозначить в виде «справедливости как честности». Для того чтобы установить условия справедливости, автор предлагает рассмотреть ситуацию гипотетического договора относительно «основных общественных институтов», который представляет собой мысленный эксперимент, расширяющий традиционный либеральный взгляд на общественный договор. Так, важнейшим условием настоящего честного договора, по мнению автора, выступает ситуация, названная им «занавесом неведения» (veil of ignorance). Эта ситуация предполагает незнание участниками договора своего изначального социального места, уровня своих возможностей, дохода, образования, незнание ими престижности своего занятия и т. д. При этом участники договора владеют общими знаниями о принципах организации человеческого общества, о законах политики, психологии и экономики. Заключать договор в таких условиях — значит совершать рациональную сделку автономными, то есть независимыми, свободными, не ограниченными какими-либо предварительными обязательствами личностями. Далее Ролз прибегает к математической «теории игр»: рациональные существа придерживаются рациональной стратегии в договоре, они максимизируют свои выгоды от него и минимизируют потери, оставаясь равнодушными к потерям и выгодам других участников договора. Будучи рациональным, а следовательно, утилитарным субъектом, всякий участник стремится увеличить свои приобретения в сделке, но из-за занавеса неведения его эгоистические устремления сдерживаются опасением за возможную изначальную неблагоприятную стартовую позицию — срабатывает так называемое правило максимина. Оно предполагает выбор из числа возможных альтернатив такой, наихудшее из последствий которой будет лучше, чем наихудшее из последствий всякой иной альтернативы. Так как реальное положение скрыто «занавесом неведения», перед каждым индивидом стоит опасность оказаться в наихудшем положении, и именно поэтому участники договора будут придерживаться стратегии максимина, а именно выбирать такой вариант поведения, который обеспечит наилучший результат при наихудшем стечении событий, что максимально минимизирует риски.

Эта ситуация и станет основой концепции социальной справедливости: «Все первичные общественные блага — свобода и возможности, доходы и богатства, а также условия самоуважения — должны быть распределены поровну, если только неравное распределение каких-либо или всех этих благ не служит благу наименее преуспевающей части общества» [5. С. 22]. Значит, мы можем сформулировать два фундаментальных правила социальной справедливости: блага и обременения необходимо распределить поровну, а неравенство в распределении допустимо, если это идёт на пользу наименее преуспевающих членов общества.

Легко заметить, что оба принципа выражают либеральную доктрину, которая рассматривает общество не более как продукт согласия отдельных индивидов. Значение справедливости в таком случае заключается прежде всего в смягчении конфликтов, возникающих между этими индивидами. То представление о справедливости, из которого исходит автор, предполагает, что честное сотрудничество возможно лишь тогда, когда все его участники выигрывают от сотрудничества. В своей работе Ролз доказывает, что общество, реализовавшее два принципа справедливости, уже воплощает благо в самом себе; это порождает сильное чувство социальной справедливости, выступающее как мощный фактор стабильности; принципы справедливости гармонизируют общие и частные представления о благе, что придаёт дополнительную значимость как жизни отдельной личности, так и существованию самого социума.

Именно такое понимание справедливости и было, на наш взгляд, обозначено российским законодателем как «социальная справедливость». Её истоки восходят к классическому пониманию справедливости Аристотеля, который представляет собой телеологический взгляд на неё как воплощение в социуме некой идеи «благой жизни». Человек отличается от животного своей разумной, политической природой. Человек имеет предназначение реализовать те добродетельные начала, которые он способен обнаружить в своём разуме при выполнении ряда условий. Полис, община — это единственно возможное пространство справедливости, которое представляет собой возможность добродетели. Вне его, в мире варваров или рабов не возникает пространство аксиологического, а значит, невозможны и представления о справедливом и несправедливом. Справедливость телеологична, она требует от нас определения цели, предназначения, смысла социальных практик.

Более того, справедливость почётна, опираясь на «телос» общества, на те цели, которые составляют его существо, мы способны вывести наши взгляды на те нравственные качества, которые стоит поощрять или осуждать [7. С. 220].

В «Никомаховой этике» античный мыслитель предлагает рассмотреть два уровня справедливого: общий и частный. Общая справедливость понимается им как определённая правом мера равенства и неравенства в части обмена, распределения и воздаяния в социуме. Эта мера есть рациональное обоснование, сам смысл этого общества (напомним, что для философа он воплощался в полисной форме его организации). То, как реализованы принципы общей справедливости в той или иной социальной структуре, в системе распределения и воздаяния, — раскрывает нам частный уровень справедливости (возможна и иная трактовка идеи об общей и частной справедливости у Аристотеля).

Следствия из этого различия можно интерпретировать разным образом. Отечественный исследователь А. А. Гусейнов предлагает рассматривать общую справедливость как сферу предельных нормативных оснований морали (этико-философский уровень), частную справедливость — как сферу социально-политической и правовой онтологии (этико-юридический смысл). Он отмечает, что общую справедливость «можно определить как <...> последнюю нравственно-апелляционную инстанцию в общественных делах. Справедливость придаёт легитимность общественным действиям и формам жизни. Она совпадает с нравственностью в её проекции на социальную сферу. Общая справедливость отвечает на вопрос о предназначении и смысле совместного, объединённого, социально-упорядоченного существования в обществе и государстве» [2. С. 77]. При этом частная справедливость представляет собой систему «распределения благ и зол (преимуществ и недостатков, выгод и потерь) совместной жизни людей в рамках единого социального, государственно организованного пространства» [Там же. С. 92], санкционированных определённым пониманием предназначения и смысла общественного бытия.

То есть принципы справедливости не могут быть нейтральными по отношению к представлению о благой жизни, потому что одна из целей справедливой организации — формирование добродетельных, нравственно совершенных граждан. Полис задаёт некий идеал должного образа жизни, в том числе и через систему распределения общественных благ. Политика наполняется моральным

и религиозным содержанием. В данной трактовке справедливости либеральные идеи верховенства личности и свободы выбора уступают место общим, коллективным представлениям о смысле добродетельной жизни. Возникает идея поиска общего принципа и процедур оправдания распределения доходов или размера наказания или, напротив, награды. Современный американский исследователь М. Сэндел, продолжающий в своих работах аристотелевскую идею справедливости как производной от общего блага, предлагает ряд оснований такой политики: 1) общество должно найти способы воспитания и культивирования в гражданах преданности общему благу, отказу от эгоистичных устремлений в пользу гражданской добродетели; 2) общество должно установить моральные пределы вторжению рыночных отношений в те сферы, которые традиционно контролировались иными, нерыночными нормами (например, аутсорсинг воинской службы, суррогатное материнство или частные тюрьмы); 3) движение в сторону сокращения разрыва между богатыми и бедными, который подрывает солидарность в демократическом обществе; 4) вовлечение общественности в споры, связанные с разногласиями по моральным вопросам [7. С. 308–314]. Это очень серьёзный вопрос, поскольку современное либеральное общество исходит из позиции нейтралитета, избегания вмешательства в моральные и религиозные особенности членов социума. Однако, по мнению Сэндела, эта позиция означает скорее подавление моральных разногласий, а не их реальное избежание, что влечёт за собой нарастание деструктивных общественных сил.

Иное от «распределительного» значения имеет принцип справедливости в УК РФ, УПК РФ. Так, в ст. 6 УК РФ «Принцип справедливости» говорится, что наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Справедливость утверждается как принцип наказания в ч. 1 ст. 60 УК РФ: «Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьёй Особенной части настоящего Кодекса, и с учётом положений Общей части настоящего Кодекса». Статья 297 УПК РФ определяет требования к приговору суда, в числе которых обозначена и справедливость: «Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым».

Кроме этого о «справедливом приговоре» в УПК РФ говорится в ч. 4 ст. 226.9 («Особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращённой форме») или ч. 4 ст. 389.28 («Апелляционные приговор, определение и постановление»). Схожим значением справедливость наделяется и в п. 3 ст. 6 Кодекса об административных правонарушениях РФ, в котором законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел объявляются одним из принципов административного судопроизводства. То есть в данных нормативно-правовых актах «экономическое» значение справедливости, та сторона этого «эластичного мегапринципа» [6. С. 185], которая отражает идею целесообразного распределения, уступает место пониманию справедливости как соразмерности наказания деянию, соответствия наказания личности преступника, возможности его исправления через это наказание, неизбежности наступления ответственности — и в этом значении принцип справедливости в своём содержании во многом совпадает с принципом равенства всех перед законом. Идея справедливости как равенства широко представлена в российском законодательстве. Так, например, каждый гражданин РФ в соответствии с ч. 2 ст. 6 Конституции РФ обладает на её территории всеми правами и свободами и несёт равные обязанности. В соответствии со ст. 5 Конституции РФ все субъекты РФ равны во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти, гражданство РФ является единым и равным независимо от оснований его приобретения. В соответствии со ст. 13 Конституции РФ общественные объединения равны перед законом, а согласно ст. 14 религиозные объединения отделены от государства и также равны перед законом. Ст. 5 Основного закона определяет равноправие народов в РФ, субъектов РФ. В соответствии со ст. 19 все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения и т. д. Мужчины и женщины в соответствии со ст. 19 имеют равные права и свободы, а также равные возможности для их реализации.

Данный перечень можно продолжать и дальше. Из него видно, что законодатель предполагает равное положение субъектов права как выражение идеи справедливости, и в этом смысле под «восстановлением социальной справедливости» правильно будет понимать установление через

суд такого рода общественных отношений, при которых неправомерное ухудшение положения одних участников выравнивается через правомерное ухудшение положения виновных в этом.

В этом контексте усматривается значение рассматриваемого понятия справедливого как беспристрастно следующего истине. Экономическая целесообразность при этом отходит на второй план или вообще не подразумевается. Такой взгляд на природу справедливости можно обнаружить в работах Платона, Цицерона, Локка, Канта и всё того же Аристотеля. Это новое понимание связано с отождествлением законности и справедливости: «Всё установленное законом в известном смысле справедливо, ибо всё, что положено законодателем, законно, и каждое отдельное его постановление мы называем справедливым» [1. С. 122] или «Всё то справедливо, что сообразно с добродетелью, взятой в целом, и определено законом» [Там же. С. 137]. Аналогичное значение вкладывает в понятие справедливости русский правовед XIX в. В. Г. Щеглов: «Вся задача права в обществе, осуществляемая в нём государством, сводится к тому, что все общественные отношения регулируются правом на основании начала справедливости как принципа равной свободы для всех граждан общества, в котором выражается идея альтруизма как общего базиса личной и общественной жизни человека. Деятельность государства в юридической жизни общества на начале справедливости вносит во все общественные отношения тот же альтруистический, нравственный идеал, который должен проявляться и в личной жизни каждого. Так личная и общественная жизнь сближаются и взаимно проникаются одним и тем же альтруистическим характером, который сообщает всей деятельности общества и государства нравственное единство, целостность и гармоничность как условия наилучшего достижения нравственных идеалов человека» [8. С. 67–68]. В данном случае справедливость выступает в своём единстве с идеей равенства между людьми и особенно ярко проявляется в правовом регулировании, требования которого — такие как беспристрастность, бескорыстность, индивидуализация оценки действий и т. п. — служат стандартом упорядочения отношений между людьми. Установленный порядок определяет работу механизмов распределения благ и издержек совместной жизни на основе их равенства. Справедливость задаёт границы, в рамках которых люди взаимодействуют между собой, заключают соглашения, распределяют между собой

блага и санкции. С такой позиции справедливость можно рассматривать как воплощение процессуального порядка, как результат правильно функционирующего механизма отправления закона. Именно такой вид справедливости символизирует фигура богини Фемиды с повязкой на глазах, мечом и весами в руках. Такое понимание справедливости апеллирует к отдельной независимой личности, действия которой беспристрастно оценены согласно критериям, установленным в системе законов государства. Особое значение имеет идея равенства свободы и беспристрастности — невозможности подменить пространство свободы личности надындивидуальной идеей «общего блага», солидарности и т. п.

Из современных авторов — сторонников такого подхода к пониманию справедливости можно отметить американского философа Р. Нозика, критикующего ролзовский проект социального государства. Исходя из либертарианских позиций автор отводит государству «ультраминимальную» роль «доминирующего защитного агентства» [4. С. 36], функции которого ограничены лишь защитой его членов.

Свобода для либертарианца имеет исключительно «негативное» значение как «свобода от...», а не «свобода для...». «Негативная» свобода предполагает не наполнение субъекта различными позитивными (или социальными) правами, а достижение положения, при котором каждому субъекту дана возможность свободного выбора. Именно свобода понимается как воплощение социальной справедливости, которая не требует оправдания или обоснования с позиции иных ценностей. Миссия государства — создать условия для реализации максимальной свободы. Государство выступает как «неизбежное зло»: конечно, любое государство есть нечто избыточное по отношению к свободе человека, но этого нельзя избежать по причине поползновений на свободу от ещё больших её врагов в лице организованной преступности или разного рода авторитарных лидеров. Свобода есть высшая ценность, государство допустимо лишь в минимальных размерах, а понятие «социальная справедливость», понимаемое как механизм перераспределения благ, является избыточным и несправедливым.

Справедливость, взятая нами с этой позиции, применительно к назначению наказания, означает объективность и беспристрастность суда, определение наказания как соответствующего тяжести совершённого проступка.

Итак, мы сталкиваемся с конфликтом двух концепций справедливости. С одной стороны, идеи о том, что справедливость должна преодолеть личностную, эгоистичную установку и выразить идею общего блага через систему перераспределения благ и наказание как способ исправления преступника, то есть преодоление «неправильного» и «формирование у них (осуждённых) уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения» [12. Ст. 9]. С другой стороны — идеи о правах и свободах человека как высшей ценности, о невозможности единого, правильного образа жизни, строя мыслей, о свободе, понимаемой не как наполнение социальными правами, а как области невмешательства в это пространство, как уважение и достоинство отдельной личности.

Причин сложившейся ситуации множество, но главная, на наш взгляд, заключается в том, что современная Россия представляет собой государство переходного типа. Если к середине XX в. в Европе и США сложилось государство всеобщего благосостояния, основанное на идее права, демократии и свободных рыночных отноше-

ях, то государственная модель СССР представляла собой патерналистское государство, компенсирующее политическую несвободу набором социально-экономических гарантий. В результате экономических и политических реформ начала 1990-х гг. существующая система социального государства была во многом нарушена. Основные элементы этой системы — образование, здравоохранение, культура, промышленность, сельское хозяйство — были преобразованы на принципах рыночной эффективности, что в единстве с мерами государственной поддержки этих отраслей породило «кентаврическую» модель общественного устройства.

Таким образом, в российском правовом дискурсе можно зафиксировать два различных подхода к определению справедливости, которые пересекаются в своём значении с содержанием принципов равенства и законности, что, на наш взгляд, зачастую приводит к путанице, неопределённости при их использовании законодателем или правоприменителем и, в конце концов, к выхолащиванию идеи справедливости, использованию её в эгоистичных, популистских, а не правовых целях.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика. М. : АСТ, 2010. 496 с.
2. Гусейнов А. А. Никомахова этика // Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2010. 416 с.
3. Карамашев С. Б. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания: монография. Новокузнецк : Кузбасский ин-т ФСИН России, 2012. 182 с.
4. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2008. 424 с.
5. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995. 532 с.
6. Русских В. В. Справедливость как принцип юридической ответственности // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 180–189.
7. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.
8. Щеглов В. Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1888. 129 с.
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
10. Решение 9 съезда Федерации независимых профсоюзов России на 2015–2020 г. URL: <http://www.fnpr.ru/n/2/15/187/15461.html>
11. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_intro.shtml
12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ.
13. Устав Международной организации труда. URL: <http://websot.jimdo.com>

Сведения об авторе

Куликов Михаил Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин, Кузбасский институт ФСИН России. Новокузнецк, Россия. philosophy_mk@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 56–62.*

THE PROBLEMS OF DISTINGUISHING THE PRINCIPLES OF JUSTICE, EQUALITY AND LEGALITY FROM THE STANDPOINT OF THEIR PHILOSOPHICAL ANALYSIS

M.V. Kulikov

Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia. philosophy_mk@mail.ru

The article considers the issue of partial coincidence of the content of various principles of law: justice, equality and legality. This is done through the analysis of one of the goals of criminal punishment — the restoration of social justice, taken from the criminal law and socio-philosophical points of view. The extensive and, at the same time, not completely conceptualized appeal of the legislator to the value of social justice, its multidimensionality, the presence of one's own vision of its content in most people, the need to reach a general agreement on its application is indicated. The reasons for the ambiguous understanding of social justice are two different approaches to its definition, which, being opposite in essence, are equally used in domestic legal, socio-economic and general political discourse.

Keywords: *principle of justice, principle of law, principle of legality, restoration of social justice, “common good”, solidarity.*

References

1. Aristotel'. (2010) *Nikomahova etika* [Nikomakhov's ethics]. Moscow, AST Publ. 496 p. [in Russ.].
2. Gusejnov A.A. (2010) *New philosophy enciklopedy*. Moscow, Mysl' Publ. 416 p. [in Russ.].
3. Karamashev S.B. (2012) *Vosstanovlenie social'noj spravedlivosti kak cel' ugovnogo nakazaniya: monografiya* [The restoration of social justice as the goal of criminal punishment]. Novokuzneck. 182 p. [in Russ.].
4. Nozik R. (2008) *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, the state and utopia]. Moscow, IRISEN Publ. 424 p. [in Russ.].
5. Rolz Dzh. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice]. Novosibirsk. 532 p. [in Russ.].
6. Russkikh V.V. (2019) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], no. 2 (89), pp. 180–189. [in Russ.].
7. Sendel M. (2013) *Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no?* [Justice. What to do right?]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. 352 p. [in Russ.].
8. Shcheglov V.G. (1888) *Nravstvennost' i pravo v ih vzaimnyh otnosheniyah* [Justice as a principle of legal responsibility]. Yaroslavl', G. Fal'k's Tipografiya 1888. 129 p. [in Russ.].
9. *Poslaniye Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu 01.03.2018* [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of March 1, 2018]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>, accessed 14.03.2020 [in Russ.].
10. *Reshenie 9 s'ezda Federacii nezavisimyh profsoyuzov Rossii na 2015–2020 gg.* [Decision of the 9th Congress of the Federation of independent trade unions of Russia for 2015-2020]. Available at: <http://www.fnpr.ru/n/2/15/187/15461.html>, accessed 14.03.2020 [in Russ.].
11. *Standartnye pravila obespecheniya ravnih vozmozhnostej dlya invalidov* [Standard rules on equal opportunities for persons with disabilities]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_intro.shtml, accessed 14.03.2020 [in Russ.].
12. *Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 8 yanvarya 1997 g. N1-FZ.* [Criminal Executive code of the Russian Federation No. 1-Φ3 of January 8, 1997]. [in Russ.].
13. *Ustav Mezhdunarodnoj organizacii truda* [Charter of the International labour organization]. Available at: <http://websot.jimdo.com>, accessed 14.03.2020 [in Russ.].

СОВРЕМЕННАЯ БИМЕДИЦИНА В СВЕТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

А. А. Кожуховская

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В настоящее время биомедицина и биомедицинские инновационные технологии стремительно занимают ведущие позиции в науке, активно входят в практическую жизнь людей, вызывают серьёзные изменения в обществе. В то же время всё более очевидным становится, что существующие подходы к осмыслению феномена биомедицины не соответствуют сложности возникающих при этом теоретических и практических проблем. Предпосылкой их решения, как представляется, выступает качественное совершенствование уровня философской рефлексии посредством концептуализации фактора антропологической границы применительно к проблемам биомедицинской практики.

Ключевые слова: *биомедицина, биомедицинские технологии, человек, биоэтика, философия, трансгуманизм, антропологическая граница.*

Ситуация в современной биомедицине. Сегодня повсеместно признаётся, что современная наука и создаваемые на её основе технологии являются главными факторами развития современной цивилизации, которую принято именовать «техногенной» (В. С. Степин). В то же время именно они могут стать разрушительными и даже смертельно опасными для всего человечества. Во второй половине XX в. активно обсуждалась атомная угроза, в конце XX и начале XXI в. всё более актуальными становятся проблемы, связанные с прогрессом в сфере биологии и медицины, взаимодействие и слияние которых в контексте современной культуры породило новый теоретический и практический феномен *биомедицины*.

Биомедицина включает в себя знания о закономерностях развития живых организмов в норме и патологии, новые сведения в науках о мозге и человеческом поведении, результаты осмысления прорывных достижений в нейрофизиологии и конструировании искусственного интеллекта, в сфере фармакологии, в области изучения наследственности человека и т. д. Всё это указывает на то, что биомедицина представляет собой особый феномен, актуализирующийся в современных условиях, когда преобразованию и переделке начинает подвергаться не только внешняя, естественная природа, но и сам человек.

В этих условиях чрезвычайно возрастает значение общетеоретической рефлексии по поводу и самого феномена биомедицины, и порождаемых ею эффектов, прежде всего в плане установления критериев, отделяющих те биомедицинские технологии, которые способствуют улучшению био-

логических функций и способностей человека, от тех, которые несут разрушительный и опасный характер.

Данная проблема обсуждается на самых разных уровнях — от обыденного до строго научного. Мы попытаемся показать, что наиболее продуктивным подходом к решению обозначенной проблемы является *философская рефлексия*. Но для этого предварительно рассмотрим ряд других профессиональных подходов, в которых освещается ряд важных аспектов, но которые, как нам представляется, не достигают необходимой полноты рассмотрения, а именно *медицинский, биоэтический и юридический*.

Медицинский подход. Медицинский подход является наиболее значимым с практической точки зрения, поскольку все достижения биомедицины так или иначе используются с целью диагностики, лечения и профилактики заболеваний человека. Основным направлением современной клинической медицины, по мнению специалистов, становится индивидуальная направленность лечения, причём не только в плане сосредоточения медицинских усилий на отдельном индивиде, но и в плане более углублённого воздействия на его организм. В этом отношении всё чаще говорят о персонализированной биомедицине, учитывающей специфику отдельного организма, вплоть до его генетического уровня [7. С. 11], и включающей в себя ряд особых направлений: *нанотехнологии, вспомогательные репродуктивные технологии, клеточные технологии* и т. д. [2. С. 15].

Несмотря на несомненную эффективность этих технологий, сами медики всё чаще высказывают

беспокойство по их поводу, поскольку выработанные в сфере биомедицины новейшие методики лечения и их результаты уже не укладываются в рамки профессиональных стандартов классической медицины, сложившихся к середине XX в. [См.: 4]. Внедрение биотехнологических новаций всякий раз приходится рассматривать как «особый случай», для регламентации которого требуется предпринимать «особые решения», вплоть до законодательного уровня. Это означает, что неразработанными остаются принципиальные механизмы регулирования биомедицинской практики.

В то же время данное обстоятельство ускользает от внимания авторов, фиксирующих и анализирующих проблему средствами сугубо медицинского подхода. Все эти квалифицированные и даже выдающиеся специалисты в своей области по большей части мыслят узкопрофессионально, не выходя за рамки анализа отдельных прецедентов. Требуется переход на более высокий, нежели сугубо медицинский, уровень теоретической рефлексии.

Биоэтический подход. Биоэтический подход является самым распространённым среди рефлексивных подходов к анализу феномена биомедицины. Теоретики, работающие в его рамках, утверждают, что представляет собой интеграцию традиционной медицинской этики и деонтологии [12. С. 9]. Ведущей категорией в системе биоэтики выступает категория ценностей [10. С. 9], что отнюдь не исключает широких мировоззренческих обобщений с использованием аппарата философии и культурологии. Основным приёмом достижения теоретически и практически значимых результатов сторонники биоэтики считают проведение экспертиз биомедицинских нововведений, включая оценку возможных негативных последствий [1. С. 142].

В настоящее время биоэтика институализировалась и даже вошла в систему медицинского образования, но, как показывает практика многолетних и всё же оставшихся бесплодными дискуссий по проблемам абортов, эвтаназии, вмешательства в геном человека и т. д., на деле биоэтический подход ограничивается лишь *описанием* реальных прецедентов, не давая ни конкретных ответов на практические вопросы, ни критериев их решения. «Происходит это по многим причинам, — пишет известный теоретик и публицист Фрэнсис Фукуяма, — в том числе благодаря зависимости регулирующих от регулируемых в смысле денег или информации» [15. С. 288].

Причина такого положения заключается в том, что позиция представителей биоэтики зависит

от точки зрения учёных — биологов и медиков, которые, как было показано выше, сами не обладают достаточно обоснованной позицией. Поэтому следует сделать вывод, что рефлексия в рамках биоэтического подхода также не достигает необходимого уровня.

Юридический подход. Он представляет значительный интерес, поскольку медицинская деятельность, особенно в современных условиях, непременно регламентируется на законодательном уровне. В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» отражён такой термин, как «биомедицинское право».

В то же время, по мнению некоторых юристов, в современной России ещё не сложилась достаточно стройная система защиты частных прав граждан в сфере медицины; она отсутствует как на государственном уровне, так и в правовой системе, обеспечивающей негосударственную защиту. Учитывая, что достижений в биомедицинской науке вполне достаточно для создания мутантов и клонов, внедрение новых биотехнологий может привести к фатальным последствиям; например, ограничения, прописанные в законе об обращении клеточной субстанции, не способны остановить решительно настроенных учёных и медиков [13. С. 50].

Таким образом, мы видим, что наиболее распространённые профессиональные подходы к осмыслению и оценке феномена биомедицины на самом деле не являются достаточно глубокими и практически эффективными. Они не решают возникающие проблемы, в лучшем случае описывая их с той или другой стороны. Задача является далеко не простой, и для её решения необходимо подключить философский подход.

Философский подход. Если судить по ряду работ на предмет биомедицины, философский подход выступает как обобщающий, приводящий рассматриваемый круг проблем к определённой целостности. В то же время следует отметить его неоднородность и фактическое отсутствие практически значимых выводов. Рассмотрим главные направления, доминирующие в массиве философских публикаций по этой теме.

Все рассуждения философски мыслящих теоретиков, как и представителей обозначенных выше подходов, окрашены беспокойством по поводу рисков и угроз, сопровождающих развитие научного познания. Однако философы выявляют новые факторы более фундаментального порядка, а именно

размывание привычной грани между естественным и искусственным [6. С. 172], что, в свою очередь, актуализирует такой аспект, как характер взаимодействия между людьми и формы воздействия на них. В этом контексте возрастают возможности манипулятивного воздействия на индивида (тема искусственного интеллекта и цифровой цивилизации с перспективой воздействия на биологический организм) [8. С. 70]. Такой ракурс уже непосредственно актуализирует проблему пределов биотехнологической модификации человека.

Структура философского подхода. Именно в этой «пограничной» плоскости ведутся сегодня самые жаркие споры и в России, и за рубежом. Здесь доминируют два подхода, которые известный специалист по биоэтике И. В. Силуянова обозначает как консервативный и либеральный [11. С. 22]; мы предлагаем использовать их с приставкой «био», выделяя соответственно *биоконсерваторов* и *биолибералов*.

Биолибералы утверждают, что общество не должно налагать никаких ограничений на развитие и внедрение новых технологий. Данную позицию, подкрепляя её ссылками на неизбежность научно-технического прогресса, предельно остро выражают сторонники трансгуманизма, которые призывают к радикальной трансформации организма человека за пределами его эволюционно сложившегося естества [3. С. 53], вплоть до сращивания человека с компьютером и создания биороботов и киборгов [17. С. 120].

Позицию *биоконсерваторов* наиболее последовательно выражают сторонники традиционных (в том числе и религиозных) ценностей, которые, рассматривая технику и технологии как факторы порабощения человека, выступают за полный запрет всех биомедицинских инноваций. В числе самых ярких зарубежных сторонников этой позиции следует назвать М. Хайдеггера, в числе отечественных — В. А. Кутырева, который прямо заявляет о катастрофических последствиях бесконтрольной технической эволюции и рисует картину грядущего технологического апокалипсиса [5. С. 521–522]. Хайдеггер и Кутырева разделяют полвека, оба они ярко описывают угрозы, исходящие от бесконтрольного развития науки, однако не приводят убедительных аргументов в пользу какой-то иной, не столь разрушительной формы прогресса.

В рамках философского подхода прослеживается и другая линия, связанная с истолкованием сущности жизни и человека как живого существа, тоже предполагающая две позиции: *биоцен-*

тризм — *социоцентризм*. В первом случае источник человеческого типа жизни рассматривается как внутреннее начало генетического происхождения; во втором он выступает как продукт исключительно внешней, социальной детерминации, где на первый план выходит культура, а биологическое начало в человеке исключается из рассмотрения [9. С. 49]. Что, безусловно, в чём-то совершенствует общее понимание.

Проблемы философского подхода. На первый взгляд, складывается логически убедительная теоретическая сетка с выделением полюсов «*социоцентристы* — *биоцентристы*», «*биолибералы* — *биоконсерваторы*». Однако в практическом плане она оказывается малопродуктивной, поскольку не содержит искомым практически значимых критериев. Более того, без дальнейшего уточнения она только запутывает понимание: если развивать то положение сторонников *социоцентризма*, что природа человека детерминируется культурой, то придётся согласиться с тем, что организм человека тоже должен пересоздаваться по ходу совершенствования технологий [16. С. 40], признавая в итоге правоту *биолибералов*, *биоцентристов* и апологетов *трансгуманизма*.

Учитывая данное обстоятельство, есть смысл в рамках философского подхода рассмотреть проблему биомедицины по-новому — устанавливая её специфику в ряду других практик. Указывая на эту особенность, Б. Г. Юдин в одной из своих работ отметил, что воздействие на внешнюю природу и на самого человека носит различный характер: в первом случае у нас есть масштаб и точка отсчёта; во втором случае, при воздействии на человека, мы теряем эту мерку, и потому, когда речь заходит о радикальной модификации человека, оказывается, что здесь никакого общепринятого масштаба нет, что каждый в этом случае вынужден действовать произвольно, по нормам собственной фантазии и воображения [18. С. 347].

Тем самым выявляется парадоксальная ситуация: оказывается, ни учёные-биологи, ни медики-практики, ни философы или другие теоретики, рассуждающие по поводу проблемы внедрения биотехнологий с целью модификации человека, не имеют ни какого-то чёткого образа, ни конкретной меры для подобной реконструкции. Человек выступает у них как некая фигура умолчания, про которую уже всё известно и нет смысла лишний раз упоминать.

Требуется выход на более общую позицию. Поскольку речь идёт о феномене биомедицины,

возникшем в контексте современной культуры, специфика и содержание которой определяется человеком, то для продуктивного решения указанных проблем необходимо предварительно, хотя бы в самых общих чертах ответить на вопрос «*что такое человек?*», а затем уже на этой основе очертить *антропологическую границу* вместе с соот-

ветствующими ей пределами биотехнологического воздействия на него [14. С. 778–779].

Данным выводом обрисовано направление, в русле которого предполагается осуществлять дальнейшую философскую разработку феномена биомедицины и её проблем.

Список литературы

1. Белкина Г. Л., Корсаков С. Н. XI Фроловские чтения. Новые технологии и развитие человека // Философские науки. 2012. № 3. С. 139–142.
2. Готье С. В. Трансплантология XXI века: высокие технологии в медицине и инновации в биомедицинской науке // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2017. № 3. С. 10–32.
3. Дубровский Д. И. Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. — 2012. № 6. С. 49–57.
4. Жаркин Н. А., Семихова Т. Г. Биоэтические проблемы врачевания в трагедии репродуктивного выбора (мировоззренческие аспекты) // Биоэтика. — 2016. № 2. С. 17–20.
5. Кутырев В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки: (Избранные философские тексты XXI века). СПб. : Алетей, 2018. 526 с.
6. Мареева Е. В. От искусственного интеллекта к искусственной душе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 171–177.
7. Мелерзанов А., Москалёв А., Жаров В. Прецизионная медицина и молекулярная тераностика // Врач. 2016. № 12. С. 11–14.
8. Моторина Л. Е., Сытник В. М. Фундаментальные отношения человека к миру // Вопросы философии. 2017. № 8. 69–79.
9. Рыбин В. А. Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности // Человек. 2020. Т. 31, № 1. С. 44–58.
10. Седова Н. Н. Этический портрет «Номо perfectus»: от биоэтики к техноэтике // Биоэтика. 2016. № 2. С. 6–10.
11. Силуянова И. В. Биоэтика в России: ценности и законы. М. : Литера, 1997. 224 с.
12. Тищенко П. Д. «Что такое человек?» Ответы Бориса Григорьевича Юдина // Человек. 2018. № 5. С. 5–17.
13. Фоков А. П. Биомедицина: настоящее и будущее науки как отрасли права в России и за рубежом // Медицинское право. 2018. № 2 (78). С. 48–51.
14. Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / отв. ред. С. С. Хоружий. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 928 с.
15. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ, 2004. 349 с.
16. Черникова И. В. Сохранение природы человека как глобальная проблема современности // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 37–40.
17. Эпштейн М. Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2016. 480 с.
18. Юдин Б. Г. На пути к трансчеловеку // Гуманитарные ориентиры научного познания : сб. ст. : к 70-летию Б. Г. Юдина / отв. ред. П. Д. Тищенко. М. : Навигатор, 2014. 352 с.

Сведения об авторе

Кожуховская Анастасия Анатольевна — аспирант кафедры философии, факультет Евразии и Востока, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. volkovat-soc@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 63–67.*

MODERN BIOMEDICINE IN THE LIGHT OF THEORETICAL REFLEXION

A.A. Kozhukhovskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. volkovat-soc@mail.ru

At present, biomedicine and biomedical innovative technologies are rapidly occupying leading positions in science, actively entering the practical life of people, and causing serious changes in society. At the same time, it becomes more and more obvious that the existing approaches to understanding the phenomenon of biomedicine do not correspond to the complexity of the theoretical and practical problems arising in this case. The prerequisite for their solution, it seems, is the qualitative improvement of the level of philosophical reflection through the conceptualization of the factor of the anthropological border in relation to the problems of biomedical practice.

Keywords: *biomedicine, biomedical technologies, human, bioethics, philosophy, transhumanism, anthropological border.*

References

1. Belkina G.L., Korsakov S.N. (2012) *Filosofskiye nauki* [Philosophical sciences], no. 3, pp. 139–142. [in Russ.].
2. Gauthier S. (2017) *Vestnik transplantologii i iskusstvennykh organov* [Bulletin of transplantology and artificial organ], no. 3, pp. 10–32. [in Russ.].
3. Dubrovsky D.I. (2012) *Chelovek* [Person], no. 6, pp. 49–57. [in Russ.].
4. Zharkin N.A., Semikhova T.G. (2016) *Bioetika* [Bioethics], no. 2, pp. 17–20. [in Russ.].
5. Kutuyev V.A. (2018) *Sova Minervy vyletaet v sumerki (Izbrannye filosofskie teksty XXI veka)* [Minerva's Owl Flies Out at Dusk (Selected Philosophical Texts of the 21st Century)]. St. Petersburg, Aleteya Publ. 526 p. [in Russ.].
6. Mareyeva E.V. (2014) *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 1, pp. 171–177. [in Russ.].
7. Melerzanov A., Moskalyov A., Zharov V. (2016) *Vrach* [Doctor], no. 12, pp. 11–14. [in Russ.].
8. Motorina L.Ye., Sytnik V.M. (2017) *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], no. 8, pp. 69–79. [in Russ.].
9. Rybin V.A. (2020) *Chelovek* [Man], vol. 31, no. 1, pp. 44–58. [in Russ.].
10. Sedova N.N. (2016) *Bioetika* [Bioethics], no. 2, pp. 6–10. [in Russ.].
11. Siluyanov I.V. (1997) *Bioetika v Rossii: cennosti i zakony* [Bioethics in Russia: values and laws] Moscow, Litera Publ. 224 p. [in Russ.].
12. Tishchenko P.D. (2018) *Chelovek* [Man], no. 5, pp. 5–17. [in Russ.].
13. Fokov A.P. (2018) *Medicinskoe pravo* [Medical Law], no. 2 (78), pp. 48–51. [in Russ.].
14. Khoruzhiy S.S. (eds.) (2010) *Fonar' Diogena. Proekt sinergijnoj antropologii v sovremennom gumanitarnom kontekste* [Lantern of Diogenes. The project of synergy anthropology in the modern humanitarian context]. Moscow, Progress-Tradition Publ. 928 p. [in Russ.].
15. Fukuyama F. (2004) *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii* [Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution]. Transl. from English M. B. Levin. Moscow, Publishing House LLC AST, 349 p. [in Russ.].
16. Chernikova I.V. (2016) *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 9, pp. 37–40. [in Russ.].
17. Epstein M.N. (2016) *Ot znaniya — k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From knowledge — to creativity. How the humanities can change the world] Moscow; St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives. 480 p. [in Russ.].
18. Yudin B.G. (2014) *Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya: sbornik statej. K 70-letiyu B.G. Yudina*. [Humanitarian landmarks of scientific knowledge: collection of articles. To the 70th anniversary of B.G. Yudin]. Ed. P.D. Tishchenko. Moscow, Publishing House “Navigator”. 352 p. [in Russ.].

ГЕРОЙ И ГЕРОИЗМ: СУЩНОСТЬ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, ПРОЯВЛЕНИЕ

О. В. Гуторович

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия

Рассматриваются понятия «герой» и «героизм». Перед автором стоит задача показать, как меняются представления о герое и героическом в ходе истории, при этом подчеркнув наличие неизменных констант проявления героического. Сложность и многогранность феномена героизма раскрывается через анализ его природы, классификацию, отношение к нему общества и его социальные функции.

Ключевые слова: *герой, феномен героизма, историческая эпоха, сверхчеловек, подвиг.*

Тема героев и героизма на протяжении всего времени существования человечества оказывается востребованной неслучайно. Неординарность и колоритность личности, мужество и самоотверженность, умение преодолевать сложные ситуации и жертвовать собой ради высоких идеалов обращают на себя внимание. Поэтому о героях слагают легенды, их подвиги остаются в исторической памяти народа, им посвящаются научные и философские труды. На героических примерах воспитывается юное поколение, героизм выступает в качестве важнейшего свойства бытия человека и общества, героическое позволяет формировать необходимые обществу идеалы и представления — всё это свидетельствует об актуальности данной темы.

Основные вопросы, которым посвящено исследование, базируются вокруг понятий «герой» и «героизм». Стремление разобраться в их сущности требует прежде всего анализа интерпретаций данных дефиниций. Погружение в заданную тему предполагает использование исторического подхода, позволяющего показать обусловленность представлений о героическом контекстом культурно-исторической эпохи. В то же время хотелось бы выявить вневременные особенности героизма, его природу и социальные функции.

Раскрывая значение понятия «герой», используем этимологический словарь русского языка М. Фасмера, где указывается на древнегреческое происхождение слова «герой» (от ἥρωϛ). Обращаясь к «Словарю иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А. Н. Чудинова [26], мы сталкиваемся с определением, где герой характеризуется либо как воин, обладающий храбростью и мужеством, либо как человек, имя которого обожествлено за необыкновенные заслуги. Такая точка зрения оформилась достаточно давно. Известно,

что ещё древнегреческий поэт Гомер утверждал, что героями часто становились цари или воины.

Согласно словарю С. И. Ожегова [18], существует ряд интерпретаций данного понятия. Герой трактуется как человек необычной самоотверженности, храбрости, свершающий подвиги, как человек, отражающий в себе черты эпохи, или как человек, вызывающий удивление, восхищение и желание подражать и др. С таким истолкованием согласуется определение «героя» в «Большом словаре иностранных слов» [3], где «герой» — это исключительная личность, выделяющаяся своей доблестью, привлекающая внимание своей одарённостью, выражающая потребности своего времени.

В трактовке данного понятия различными словарями есть очевидное сходство. Как правило, словари определяют исключительные черты, собственные герою, отмечая его смелость, доблесть, храбрость, мужество и отвагу. Человек-герой способен на решение масштабной задачи, исключительная трудность которой многих пугает. При этом он осознаёт всю меру ответственности, которую сам на себя возлагает. Из определений также следует, что герои могут быть вымышленными и настоящими, человек может сталкиваться с ними как в вымышленной жизни, так и в обыденной. Будучи литературным персонажем, герой может быть наделён сверхчеловеческими качествами и невероятной силой, выражать в себе признанные эпохой героические черты, а являясь действующим лицом исторического времени, представлять собой силу, способную управлять процессом развития общества. Словари акцентируют внимание и на том, что герои проявляют себя в разных сферах, не случайно в XX в. рождается словосочетание *герой труда* [23]. Наконец, понятие «герой» может употребляться по отношению к одному человеку, группе лиц, реже к классу или нации.

Понятия «герой» и «героизм» взаимосвязаны. Герой — это прежде всего личность, героизм — это определённая форма поведения человека, которая с нравственной позиции оценивается как подвиг. Семантическими свойствами слова «героизм» являются такие отличительные характеристики, как мужество, стойкость и самоотверженность. Следовательно, героизм предполагает совершение поступка, требующего личного самопожертвования, имеющего существенное значение для общества и высоко оцениваемого им.

Хотелось бы также подчеркнуть, что представления о герое и героическом обусловлены контекстом конкретной культуры и исторической эпохи. Семантика героизма зависит от особенностей культурной системы, формирующей общие представления о героическом поступке и поведении, в которых отражается отношение общества к человеческой личности и поведению. Этот процесс представляется весьма сложным. С одной стороны, он характеризуется наличием внутренних причин, спонтанностью и самопроизвольностью. С другой стороны, ему присущ и декларативный характер. В этом случае мы вправе говорить о сознательном программировании обществом определённой парадигмы героического.

Великие мыслители с давних времён пытались осмыслить сущность героизма. Эта тема волновала философов во все времена, хотя есть и другая точка зрения, представленная Дж. Вико, впервые поставившим вопрос об исторической природе героизма и утверждавшим, что проблема героизма связана исключительно с историей и мифологией Древней Греции [24].

Итальянский философ прав в одном, что тема героизма была востребована греческой культурой. Так, с точки зрения отечественного историка-медиевиста А. Я. Гуревича, культура любого народа базируется не только на универсальных категориях, но и специфических, оригинальных категориях, характерных для конкретной культурно-исторической общности [8]. Анализ культурного развития древнегреческого общества позволяет выделить такую особую категорию, как героический идеал. В свою очередь, историк-антиковед Ю. В. Андреев убеждён, что представления о героях, героизме и героическом идеале составляли духовную основу культуры Древней Греции на протяжении всего времени её существования [1. С. 172]. Очевидно, что сложившаяся культура рано или поздно обнаруживает ту уникальную идею, вокруг которой выстраивается вся её духов-

ная жизнь, определяя и программируя этические и эстетические нормы, ценности и принципы, действующие в обществе, шаблоны и стандарты поведения, отношение к жизни и смерти и многое другое [6. С. 168]. Героизм стал той самой квинт-эссенцией или уникальной идеей, что определяла колорит греческой культуры, образ жизни и психологию древних греков.

Героический идеал наиболее полно воплощён в гомеровских поэмах. Именно они свидетельствуют о распространённости и востребованности героической идеи, демонстрируя значимость для древних греков таких понятий, как мужество, доблесть, честь, слава. Однако к теме героизма древнегреческое общество обратилось ещё во II тыс. до н. э.

В классический период своего развития древнегреческая мифология начинает формировать основные представления о героях и героизме. Постепенно у древнего грека рождается понимание, что герой есть порождение любви богов и людей. Его задача — использовать свои сверхвозможности и непомерную силу во благо развития человеческого общества. Герой призван бороться со стихийностью и дисгармоничностью повседневной жизни, стремясь упорядочить её, подчинить идее справедливости, закону. Бессмертие и славу герою обеспечивает подвиг, поэтому героя ожидают тяжелейшие испытания, преодоление которых ведёт к увеличению героической мощи. Исторически в культуре Древней Греции складывается и типология героев: герой, обладающий физической мощью, цель которого уничтожение чудовищ (Персей), герой-интеллектуал, выполняющий определённые культурные функции (Дедал), герой-певец и музыкант, талант которого сопряжён с пониманием и овладением звуковой гармонией и ритмом (Орфей), герой-прорицатель, обладающий даром предвидения (Тиресий), герой — отгадыватель загадок, способный совершать аналитические мыслительные операции (Эдип), странствующий герой, наделённый хитростью и любознательностью (Одиссей), герой-законодатель, устанавливающий и почитающий справедливый законный порядок в обществе (Тесей). Героев никогда не забывают их божественные родители, оказывая им посильную помощь. Боги заботятся и о появлении великого героя. Например, рождению Геракла предшествовал не один брак Зевса со смертными женщинами и тринадцать поколений героев и героических событий. Так происходит увеличение героического начала и мощи, достигающей апофеоза в лице

Геракла, совершившего свои знаменитые двенадцать подвигов [16. С. 217].

С точки зрения Е. Г. Шевякова, феномен героизма, пройдя архаический и мифологический периоды, разделился на два вида — религиозный и эпический, где действующими лицами выступали соответственно герои божественного порядка и воины [27. С. 15]. Герои первого типа смертны, наделены сверхъестественной силой, способны на выдающиеся поступки. Герои второго типа — это воины, прославившиеся выдающимися подвигами на поле боя. Со временем эти два культа героев слились воедино и героями в Древней Греции стали считать «благодетелей греческого народа, основателей греческих городов и государств, основателей законного порядка» [10].

В V в. н. э. лексикограф Гесихий Александрийский создаёт «Сборник всех слов в алфавитном порядке», в котором закрепляет значение термина «герой», используя такие характеристики, как сильный, мужественный, благородный и значительный. Рисуя образ героя, античный человек отмечает его способность к неординарным поступкам, совершаемым подчас наперекор судьбе или воле богов, возможность выйти за пределы меры. Героизм достаточно редкое явление, ведь «проявить “божественную” храбрость способны только цари, ведущие свой род от богов, и исключительные личности, предопределённые к этому судьбой или богами» [21. С. 46].

Кульг героев, берущий своё начало в античной эпохе, продолжает развиваться в средние века. Зарождение новой исторической эпохи всегда связано с трансформацией ценностных ориентиров. Воплощение формирующихся ценностей оставляет отпечаток на материальной и духовной культуре, меняя в том числе представления о героях и героическом. Так как христианский теоцентризм возводит в абсолютное благо Бога, признавая высшей добродетелью самоотверженную любовь ко Всевышнему, героем нового типа становится прежде всего христианский святой. При описании образа христианского святого акцент делается на духовных качествах, а в качестве эталона героического деяния рассматривается духовное служение. Признаками героизма считается преданность идее, верность Богу и благочестие, готовность к страданию и мученичеству за веру (Борис и Глеб). Высоко оцениваются милосердие и бескорыстие. В облике христианского святого просматривается также готовность к активным действиям, способность с мечом в руках защи-

щать христианские идеалы и ценности (А. Невский, Ж. д'Арк).

Идея героизма в средневековую эпоху воплощается также в лице рыцаря, защитника христианской веры, «духовенство вкладывает в руки воина освящённый меч» [10]. Рыцарь — это «воин, обладающий авторитетом, который он снискал себе благодаря отличной воинской выучке и тому, что принадлежал к группе избранных» [13. С. 37]. В качестве идеала рыцаря-героя церковь рассматривает Св. Георгия и Архангела Михаила, способствуя их сакрализации, культивируя жертвенность, чистоту помыслов и преданность христианской вере.

С наступлением эпохи Возрождения идеи жертвенности, беззаветного служения Богу, рыцарского достоинства и чести затмеваются интеллектуальным трудом, оцениваемым как героический подвиг. Герой Ренессанса — это творческая, гармоничная личность, наделённая пылким и пронизательным умом, способным к познанию абсолютной истины. «Акцент делается преимущественно на достоинствах ума и поведении в высшем свете», — подчёркивает нидерландский философ Й. Хёйзинга [25. С. 105]. Важную роль играет и степень успешности человека в обществе. Достаточно ярко идея героизма представлена в трактате Дж. Бруно «О героическом энтузиазме». В философии Бруно истинный героизм раскрывается через самоотверженность, душевную напряжённость, активную деятельность и способность мужественно переносить страдания ради истины. Герой Дж. Бруно — это человек, который стремится к «высшей ступени познания природы» [7. С. 296] и личному совершенству. Профессор Р. Г. Апресян утверждает, что бруновский герой сродни античному, наделённому сверхъестественными характеристиками, приближающими его к богам. У Джордано Бруно герой сознательно стремится к абсолютному знанию, которое он считает высшим благом. Его влечёт желание познать первозданную красоту, и этим «он приближает себя к Богу» [2. С. 54].

На протяжении XVII–XVIII вв. вера в человеческий разум и поклонение его безграничным интеллектуальным возможностям усиливается. Дух Просвещения укрепляет культ героя-интеллектуала, дорисовывая его новыми красками. Рождается понимание, что перед нами человек, способный производить и развивать идеи, генерировать новые культурные нормы и ценности, демонстрировать активную, творческую, социальную позицию.

Несмотря на появление новых представлений о героях, обусловленных историческими

особенностями эпохи, мировая культура сохраняет для человечества образы героев, возникших в прежние времена: герои-воины, герои-вожди, герои-проповедники и т. д. Всех их объединяет героическое начало, определённая форма поведения.

В XIX в. появляется много работ, затрагивающих проблему героя и феномен героизма. Так, Ральф У. Эмерсон в работе «Нравственная философия», рассуждая о героизме, рассматривает его как «высшее проявление природы индивидуума» [28. С. 48]. Что такое героизм? На данный вопрос философ отвечает однозначно: «Это бодрая осанка души» [28. С. 47]. Вряд ли человек, совершающий героический поступок, следует рассуждению, — им движет чувство. В героизме заключены смелость, невозмутимая ясность, отвага, презрение к несправедливости, невероятная сила и великодушие, отсутствие мелкого расчёта, готовность противостоять всему миру. Благоразумие не является его признаком. Невыгодное и смешное положение, огорчения могут сопровождать человека, избравшего путь героя, но он пренебрегает безопасностью, свободой и раздольем. Доверие к себе и убеждение в правоте поддерживают доблестную душу и укрепляют её волю при столкновении с внешними препятствиями [28. С. 47–48]. В этом описании Ральф У. Эмерсон попытался выразить своё собственное понимание героев и отношение к ним других людей. Он не обходит вниманием и любовь общества к своим героям, которая передаётся от поколения к поколению, фиксируется в преданиях, исторических рассказах, заветных романах [28. С. 49].

В свою очередь, Т. Карлейль создаёт «теорию выдающейся личности» [14], определяя черты и признаки великих людей, настоящих героев своего времени. В представлении Т. Карлейля великие люди — герои. В таком понимании нет ничего неожиданного. Обращаясь к этимологическому словарю Г. А. Крылова, узнаём, что общеславянское слово «великий» происходит от слова «вель», что означает «большой» [15]. На это же происхождение указывает и Толковый словарь В. И. Даля, констатирующий и тот факт, что данное понятие используется применительно к человеку, получившему известность благодаря своим славным подвигам [9]. В Словаре русского языка С. И. Ожегова слово «великий» используется в сочетании с такими понятиями, как победа, война и человек, означая что-то выдающееся, превосходящее по своему значению общий уровень [18]. Вполне оправданно утверждение, что «великий» — это

эпитет, возвеличивающий и выделяющий выдающихся правителей, учёных, писателей, полководцев, философов — людей, стяжавших лавры на разных поприщах, настоящих героев своего времени.

Т. Карлейль отмечает: «история мира есть биография великих людей» [14]. Всё, что человечество имеет, является результатом деятельности великих людей. Посланные в этот мир, они воплощают свои идеи в великие решения и творения. Их жизненная сила является источником света для других. Нахождение поблизости с ними окрыляет, сияние их лучей обогащает души. Т. Карлейль не скупится на эпитеты, называя их «возжжёнными светильниками», «природными светилами, сияющими, как дар неба», «источником природной, оригинальной прозорливости» [14]. Сталкиваясь с ними, ты наблюдаешь присущее им героическое благородство и мужество.

Восхищаясь исключительными личностями, творящими историю, Т. Карлейль выделяет героев в шести сферах жизни. Героя, почитаемого как божество, следует рассматривать в качестве изначальной формы героизма. Преклонение перед ним есть результат трансцендентного удивления человека, возникающего неожиданно в самом сердце, повергающего ниц и покоряющего его душу навсегда. Подобное удивление рождено неизмеримыми заслугами героя, ведущими к его обожанию и обожествлению. В скандинавской истории примером такого героя является Один — создатель алфавита, мудрый, одарённый и благородный человек, обладающий сердцем героя.

Вторая фаза культа героев — герой-пророк. Речь идёт о человеке, вдохновлённом Богом. Это не честолюбец и обманщик, а искренний, глубокий и сознающий свою миссию человек. Герой-пророк призван нести «вести из глубины неведомой бесконечности», становясь со временем путеводной звездой для многих людей. Таким героем является пророк Магомет. Придя в этот мир, он занялся «делом ниспровержения и спасения, делом времени и вечности» [14], воспламеняя всех вокруг.

Прогресс научного знания ведёт к тому, что ранние формы героизма уходят в прошлое. На смену героям-богам и героям-пророкам, характерным для эпохи примитивного человеческого понимания, приходят герои в менее притязательной и спорной форме. Примером служат герои-поэты. При таком подходе к развитию героического дарования складывается впечатление, что великий человек как бы убывает со временем. Но такое

предположение не имеет под собой оснований. Новые герои не уступают героям прошлого. Конечно, природа не создаёт великих людей по шаблону. Наклонности, сила интеллекта, величайший ум, необычайная пронизательность, смелость, обстоятельность, сложные отношения между миром и человеком каждый раз способствуют появлению уникальной, самобытной героической личности. Но всё, что они делают и создают, «вырастает бессознательно из неведомых глубин души» и «находится в соответствии с совершенной истиной». Возникает ощущение, что «величайший дар, каким природа наделяет всякую истинно великую душу, состоит в том, что она делает её частью самой себя» [14].

Истинными героями-поэтами следует считать Данте Алигьери и Уильяма Шекспира. Данте удивляет правдивостью и глубиной, Шекспир — творческой пронизательностью и прозорливостью, подобной пророчеству. Оба они велики, как мир. Счастье народа в обладании такими людьми, способными не просто тонко чувствовать чаяния своего народа, но и говорить о них мелодичным голосом, способствуя народному единству.

Т. Карлейль неоднократно повторяет, что историческое время и окружающие условия определяют внешнюю форму проявления героизма, при этом «герои, по существу, созданы из одной и той же материи» [14]. Герой-пастырь, герой-писатель, герой-вождь — это истинные сыны своего Отечества, с горящими и пылкими сердцами. Есть лишь небольшие нюансы. Герой-пастырь, душа которого открыта божественному замыслу, будет бороться и нести свет истины людям ради величественного и непреходящего. Герой-писатель способен не только понять смысл божественной идеи, но и открыть глаза людям на её суть. Его слово — это неоценимый дар, благодаря которому формируются убеждения людей и управляются народы. Герой-вождь сочетает в себе все предыдущие формы героизма, а его земные и духовые достоинства дают ему право повелевать другими.

Героев Т. Карлейля отличает дерзновенное сердце, а также способность видеть и двигаться вперёд. Однако герой может растратить свои героические силы впустую, ему нужен «мир, достойный его».

Труды Ральфа У. Эмерсона и Т. Карлейля — это лишь небольшой вклад в разработку темы героев и героической проблематики. В XIX в. интерес к этим вопросам проявляется достаточно явно. Как следствие, феномен героизма теряет свою одно-

значность, представления о нём в большей степени определяются позицией конкретной философской школы, чем духом эпохи, горизонты исследования расширяются.

Так, например, К. Г. Юнг, развивавший теорию коллективного бессознательного, затрагивает проблему героя, анализируя архетипические образы. Исследуя мировую мифологию, он приходит к выводу, что образ героя является достоянием большинства преданий. Независимо от исторического места происхождения мифов образ героя содержит один и тот же набор характерных отличий: божественное происхождение, свершение великого деяния и сопряжённость его с риском для жизни, наличие верных спутников, мотив крушения надежд и поражение, возможную смерть и воскрешение [29].

Данный собирательный образ героя есть архетип, проявляющийся во всех культурах, у каждого народа, на протяжении всего существования человеческого общества. Его устойчивость очевидна: о героях говорят мифы, сказки, полотна художников, скульптурные изображения, литературные произведения. Судьба героя всегда оставляет глубокий, эмоциональный след в душе человека, вызывая палитру разнообразных впечатлений и реакций. Архетипы обнаруживают себя в каждой личности, формируя саму её структуру, определяя мировосприятие и поведение человека. Проявление архетипа Героя в структуре конкретной личности может сопровождаться не просто стремлением улучшить окружающий мир, а совершить ради человечества героический поступок. Однако идентификация себя с Героем увеличивает вероятность фатальности, заигрывания с бедой или несчастьем.

Впервые проблема героя и героизма была рассмотрена не с исторической, социологической или антропологической точек зрения, герой был приглашён К. Г. Юнгом на сцену мирового воображения для того, чтобы проанализировать данный персонаж в психологическом аспекте.

Существенное влияние на развитие данной проблемы оказали и труды Ф. Ницше. Й. Хёйзинга в работе «Тени завтрашнего дня: диагноз духовного недуга нашего времени» утверждает, что поверхностное знакомство с философией Ницше, его трагической судьбой, а затем и вульгаризация ницшеанских идей способствовали, во-первых, «вырождению героического начала», а во-вторых, доведению героизма «до уровня лозунга и программ» [25. С. 108]. Сакральное начало

героизма, глубинное содержание, сохраняющееся в исторической памяти народа, уходит в прошлое, становясь популярным явлением.

С другой стороны, сверхчеловеком Ф. Ницше нельзя не восхищаться, ибо ему удалось подняться над толпой, преодолеть предрассудки и, наконец, дерзостно и решительно творить историю в соответствии со своей волей. Сверхчеловек — это человек, способный осознать, овладеть и превратить стихию воли к власти в инструмент самоизменения. Этот путь ведёт к становлению Героя.

Есть точка зрения, что начиная с XX в. феномен героизма превращается из естественного явления в конструируемое, искусственно создаваемое в соответствии с определённой идеологией. «Трансформации образов героев происходят не естественно, а инструментально» [10]. Более того, этот процесс имеет тенденцию к нарастанию, приобретая со временем жёстко контролируемый характер. В связи с этим героями становятся конструкты, которые должны быть выгодными, приемлемыми и необходимыми своему времени и господствующей идеологии. С помощью них должно быть удобно манипулировать общественным сознанием, при этом совсем необязательно, чтобы они были воплощением неких человеческих идеалов.

С этим можно согласиться, но с небольшим уточнением: во-первых, данное явление рождено историческим временем, отражает суть всех тех перемен, ценностей и идеалов, которые предлагает сама эпоха. Поэтому вряд ли данный пример свидетельствует против того, что феномен героизма находится в прямой зависимости от исторического времени.

Во-вторых, несмотря на то, что эпоха корректирует представления о герое, есть неизменные константы, позволяющие утверждать, что мы являемся свидетелями проявления героического начала. К таким константам можно отнести внутреннюю силу героя, огромную ответственность за судьбы людей и общества, решительность и способность выйти за пределы комфортной среды, мужество и самопожертвование, а также пронзительность и деятельность во благо. В противном случае перед нами псевдогерой.

Кроме того, данные константы можно соотносить с вневременными особенностями героизма: 1) добровольностью свершения героического поступка; 2) сопряжённостью с риском и возможными личными жертвами для героя; 3) свершением ради или во благо кого-то или чего-то; 4) бескорыстностью, отрицанием личной выгоды.

Истинный героизм необходим обществу, так как зачастую благодаря ему общество сохраняет и укрепляет свою жизнеспособность. Осуществляя целеполагание, герои определяют жизненную стратегию общественного развития, совершая героические действия ради достижения цели, демонстрируют образцы нравственного поведения и утверждают нравственные ориентиры в обществе. Поэтому, отвечая на вопрос: «Что может быть основанием героизма?», чаще всего говорят о духовности, вере и идеалах, которым предан герой и которые определяют смысл его жизни.

С другой стороны, можно вспомнить пьесу немецкого драматурга Б. Брехта «Жизнь Галилея», где повествуется о том, что ученик Галилея узнаёт об отречении учителя от своего учения ради спасения собственной жизни. В порыве разочарования он бросает учителю фразу: «Несчастлива та страна, у которой нет героев!» Как бы парируя в ответ, Галилей грустно замечает, что «несчастлива та страна, которая нуждается в героях» [4]. Устами Галилея Б. Брехт пытается показать, что герои подчас оказываются добровольными жертвами, которых общество использует для решения политических, идеологических или, что ещё хуже, чьих-либо личных властных задач.

Й. Хейзинга, определяя социальные функции героизма, отмечает его способность быть источником социальных изменений. Активизация этой функции наблюдается в эпоху кризиса — время интенсивного генерирования героев. В это время героизм выступает чем-то вроде средства мобилизации сил общества, стимулируя его к действию, способствуя росту энтузиазма людей. «Энтузиазм людей необходимо раздувать, а может быть, и “надуть”» [25. С. 110]. Энергию общества требуется усиливать, и героизм в этом случае сродни «голосу из громкоговорителя». Заметим, что современное общество с успехом использует данную технологию, манипулируя обществом с помощью медийных образов.

Анализ феномена героизма предполагает рассмотрение его природы. Позиции исследователей расходятся в решении данной проблемы. Так, Т. Карлейль убеждён в интеллектуальной природе героизма, отмечая, что «в сущности, всё зависит опять-таки от силы интеллекта» [14]. Для Ф. Ницше природа героизма сокрыта в силе воле героя, его гордости и самоуважении.

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет считает, что героизм исходит из биологической природы человека. В работе «Размышления о “Дон Кихоте”»

он пишет, что в жизни мы сталкиваемся с людьми, которые не могут мириться с действительностью. Отвергая поступки и действия, навязанные устоявшимися традициями, обычаями, они полны решимости изменить этот мир, надеясь на его преобразование и улучшение. «Биологические инстинкты толкают их к действию» [19]. Героический поступок детерминирован не установленными порядками и нормами, не предки и обычаи говорят в нём, в героическом действии проявляется сам человек, его уникальная природа, делающая его героем. «Желание быть самим собой», «сопротивляться обычному и общепринятому» — смысл существования героя [19].

С точки зрения М. Вебера, известного философа и социолога, природа героя сокрыта в харизме — необычном качестве личности, «благодаря которому она оценивается как одарённая сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, недоступными другим людям» [5. С. 139]. По мнению русского публициста Д. А. Волкогонова, природа героя раскрывается в его особой организации психики, характеризующейся состоянием воодушевления, а точнее энтузиазмом [17. С. 179], располагающим человека к совершению активных действий.

Представленные позиции свидетельствуют, что природа героизма сложна и противоречива, поэтому в решении данного вопроса нет единства. Есть точки зрения, видящие её основу в подвижной деятельности (Н. А. Бердяев, И. Ильин), в массовом героизме (В. Плеханов, В. Ленин), в единении с Космосом (Е. И. и Н. К. Рерихи, Л. Шапошникова), в моральной исключительности героя, способного к жертвенности (Китаёма) [17]. Природа героизма усматривается и в расстройстве психической деятельности, когда психопатологическая склонность проявляет себя в крайней форме альтруизма и самопожертвования [22].

Все эти позиции можно было бы объединить, если предположить, что природа героизма двойственна. Очевидно, что большинство исследователей, определяя природу человека, отталкиваются от особенностей человека (сила воли, биологические инстинкты, особая организация психики, интеллект и т. д.), без которых героизм невозможен. Антропологическая сущность природы героизма налицо. Вторая половина мыслителей объясняет природу героизма внешними причинами (массовым героизмом, единением с Космосом). В этом случае природа героизма

приобретает аксиологический или оценочно-ценностный характер.

Сложностью феномена героизма можно объяснить и отсутствие единого мнения исследователей по вопросу его классификации. Приведём в пример две классификации, предложенные американскими психологами. Так, по мнению С. Пьюри, следует выделить три типа героизма: физический, моральный и витальный [12]. Первый тип сопряжён с риском для жизни и здоровья. Ради высоких целей человек демонстрирует готовность умереть. Второй тип предполагает сопротивление общепринятым нормам и ценностям, борьбу за продвижение и укоренение в обществе новых идеалов. Героизм третьего типа есть противостояние себе самому, своим недостаткам, зависимостям и фобиям. Это своеобразная борьба с самим собой, возможно, без последствий для общества.

В свою очередь, социальный психолог Ф. Зимбардо выделяет три основные категории героизма: «военный героизм», прототипом которого служит герой Троянской войны Ахиллес; «героизм, связанный с физическим риском»; «гражданский героизм, связанный с социальным риском» [11]. Примером последнего является Сократ, ставший жертвой государственной цензуры и принявший смерть ради своих взглядов. Любой из вышеназванных героев находится в эпицентре действия сил и обстоятельств, подталкивающих его к совершению поступка, связанного со смертельной опасностью. Л. Хьюз-Халлет считает, что «крылья возможности покрыты перьями смерти» [11], но эта смерть способна обессмертить имя человека.

Вывод, который можно сделать из приведённых классификаций, состоит в том, что формы проявления героизма разнообразны, однако любое его проявление связано с двумя видами факторов — субъективными и объективными. Невозможно отрицать, что феноменологическое бытие героизма детерминировано психологическими, когнитивными и физическими особенностями конкретной личности и находится в прямой зависимости от субъективных факторов. Под объективными факторами следует рассматривать влияние социума на формирование и проявление героического начала, данный уровень детерминации показывает, что героизм представляет собой социокультурный феномен.

Завершая исследование, подведём основные итоги. Итак, феномен героизма объективно существует, являясь спутником человеческого общества во все исторические времена. Сущность

и содержание героического образа находится в зависимости от конкретной культурно-исторической среды. Следовательно, на его формирование оказывают влияние определённые ценностные ориентиры, нравственные нормы, идеалы и принципы, социальная психология. Изменение исторической эпохи каждый раз обновляет героический образ, делая его адекватным запросам времени. Поэтому мы вправе утверждать, что античная, средневековая эпохи, эпоха Возрождения и т. д. создавали уникальные представления о своих героях. В этих представлениях фиксировалось место и положение героя в общественной системе, определялся его социальный статус, а также и отношение общества к проявлению героизма. При этом в любую эпоху героизм предполагал одну и ту же основу — мужество, противостояние злу, самопожертвование, высочайшее состояние духа, стремление к справедливости и поиску истины, ответственность и нравственное здоровье. С течением времени в обществе сложилась система почитания, подражания и поклонения своим героям.

В определении природы героизма просматривается двойственность: выводится её зависимость от индивидуальных особенностей человека и от внешних обстоятельств. Очевидно, что есть свойства личностного порядка, повышающие вероятность героического поступка и выступающие своеобразными внутренними источниками героизма. Вряд ли возможен героизм без опоры

внутри себя. При этом не стоит объяснять героизм исключительно чертами характера, «героизм имеет больше отношения к среде, чем к личности, и, если создать нужные условия, многие будут вести себя как герои» [11].

Безусловно, герой — это нерядовая личность, и лексема «герой» позволяет выделить человека из массы людей, подчеркнув его исключительность. Поступки, действия героя хранятся в социальной памяти, транслируются из поколения в поколение и выполняют эталонную функцию, побуждая людей к самосовершенствованию. В то же время мы понимаем, что героизм представляет собой нестандартное поведение — отклонение от нормы, которое общество рассматривает в качестве положительного, желательного и высоко оцениваемого. Основу героизма составляет нравственность, между ними существует глубокая взаимосвязь. «Безнравственность и героизм несовместимы. Можно быть великой личностью, гением, но не быть героем. И демаркационная линия здесь — нравственность. Великий человек может быть безнравственным, герой — нет. Цезарь, Наполеон, Пётр Первый, безусловно, великие деятели, но героями их не назовёшь» [20].

Феномен героизма характеризуется многогранностью, соткан из противоречий, но они не диссонируют, а дополняют друг друга, позволяя понять, что героизм — это проявление лучших качеств человека.

Список литературы

1. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. М. : Наука, 1998. 523 с.
2. Апресян Р. Г. Этика героического энтузиазма Джордано Бруно // Этическая мысль. Вып. 9 / под ред. А. А. Гусейнова. М. : ИФРАН, 2009. С. 43–64.
3. Апт Л. Ф. и др. Большой словарь строительных терминов [электронный ресурс] : 3 500 словарных статей. М. : Бизнессофт : ИДДК, распространитель, 2007. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Брехт, Б. Жизнь Галилея : пер. с нем. и послесл. С. Апта. М. : Худ. лит., 1988. 205 с. URL: https://booksafe.net/read/breht_bertold-zhizn_galileya-78887.html#p1 (дата обращения: 14.04.2020).
5. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139–147.
6. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима : пер. с польск. В. К. Ронина. М. : Высш. шк., 1988. 496 с.
7. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М. : Высш. школа, 1980. 368 с.
8. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. — 350 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля / под общ. ред. Н. В. Шахматовой. СПб. : Весь, 2004. 735 с. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 03.04.2020).
10. Евтушенко Е. Н. Эволюция понимания феномена героя: от Древней Греции до селебритиз электронных медиа // Universum: общественные науки. 2015. № 6 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponimaniya-fenomena-geroya-ot-drevney-gretsii-do-selebritiz-elektronnyh-media> (дата обращения: 08.04.2020).

11. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев : пер. с англ. А. Стативки. М. : Альпина нон-фикшн, 2014. 740 с. URL: <https://cyberpedia.su/10x111ad.html> (дата обращения: 15.04.2020).
12. Зубцов Ю. Героизм нашего времени. URL: <http://www.psychologies.ru/articles/geroizm-nashego-vremeni/> (дата обращения: 15.04.2020).
13. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства: пер. с ит. ; общ. ред. В. И. Уколовой, Л. А. Котельниковой. М. : Прогресс, 1987. 384 с.
14. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М. : Эксмо, 2008. 864 с. URL: <http://ww.marsexx.ru/lit/karlel-geroi.htm> (дата обращения: 10. 04.2020).
15. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Victory, 2004. 428 с. URL: <https://16.slovaronline.com/> (дата обращения: 03.04.2020).
16. Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. 620 с.
17. Лукьянова Р. А. Истинный героизм — духовная составляющая общества // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 1. С. 177–180.
18. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование : ОНИКС, 2012. 1375 с. URL: https://royallib.com/book/ogegov_serгей/tolkoviy_slovar_russkogo_yazika.html (дата обращения: 03.04.2020).
19. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте» / пер. с исп. Б. Дубина и А. Матвеева. М., 2016. 196 с. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gasset/raz_don.php. (дата обращения: 14.04.2020).
20. Плахов В. Д. Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы / В. Д. Плахов. — СПб. : КАРО, 2008. 239 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=621605&p=1> (дата обращения: 10.04.2020).
21. Сапожникова И. В. Страх как социальное явление: культурологический аспект. Тольятти : Изд-во ТГАС, 2004. 151 с.
22. Тилляев Б. А. Герой и героизм: этические аспекты взаимодействия // Молодой учёный. 2014. № 3 (62). С. 1103–1105. URL: <https://moluch.ru/archive/62/9369/> (дата обращения: 13.04.2020).
23. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка : 180 000 слов и словосочетаний. М. : Альта-Принт [и др.], 2008. 1239 с.
24. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
25. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня: диагноз духовного недуга нашего времени // Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемнённый мир : эссе. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. — С. 17–158.
26. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб. : Издание В. И. Губинского, 1910. 676 с.
27. Шевяков Е. Г. Героическое в поэзии В. С. Высоцкого : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Н. Новгород, 2006. 216 с.
28. Эмерсон Р. У. Нравственная философия. Опыты. Представители человечества. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. 384 с.
29. Юнг К. Г. Происхождение героя // Юнг К. Г. Символы трансформации. М., 2000. С. 251–299. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/psikhologija/jung_simvoly_transformacii/22-1-0-3581 (дата обращения: 12.04.2020).

Сведения об авторе

Гуторович Ольга Викторовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского. Санкт-Петербург, Россия. olwikgut@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 68–78.*

HERO AND HEROISM: ESSENCE, HISTORICAL EVOLUTION, MANIFESTATION

O.V. Gutorovich

Mozhaisky Military Aerospace Academy, St. Peterburg, Russia. obwikgut@yandex.ru

The author of the article addresses the heroic problem: the concepts of “hero” and “heroism” become the object of his research. To show the dependence of ideas about the hero and the heroic on the context of the historical era, the paper presents the evolution of the cult of heroes, starting from Ancient Greece and ending with the twentieth century. Despite the dynamism of the hero’s image, the phenomenon of heroism does not exclude the existence of invariable constants of the manifestation of the heroic principle. The article also highlights the positions of researchers on the nature of heroism, on the basis of which the author draws a conclusion about its duality: on the one hand, anthropological, on the other hand, axiological or evaluative-value. To understand the essence of heroism, the paper deals with the problems of its classification, the attitude of society to it, and its social functions.

Keywords: *hero, phenomenon heroism, historical epoch, Superman, feat.*

References

1. Andreev Yu.V. (1998) *Cena svobody i garmonii* [The Price of freedom and harmony]. Moscow, Nauka Publ. 523 p. [in Russ.].
2. Apresyan R.G. (2009) *Eticheskaya mysl'* [Eticheskaya mysl'], is. 9, pp. 43–64. [in Russ.].
3. Apt L.F., Vetrov A.G., Dorofeeva T.A. (2007) *Bol'shoj slovar' stroitel'nyh terminov* [elektronnyj resurs]: 3500 slovarnyh statej [Big dictionary of construction terms [electronic resource]: 3500 dictionary articles]. Moscow, Biznesoft: IDDK, 2007. CD-ROM. [in Russ.].
4. Brekht B. (1988) *Zhizn' Galileya* [The Life of Galileo]. Moscow. 205 p. Available at: https://bookscafe.net/read/breht_bertold-zhizn_galileya-78887.html#p1, accessed: 14.04.2020. [in Russ.].
5. Veber M. (1988) *Sociologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], no. 5, pp. 139–147. [in Russ.].
6. Vinnichuk L. (1988) *Lyudi, nrawy i obychai Drevnej Grecii i Rima* [People, customs and customs of Ancient Greece and Rome]. Moscow, Higher school. 496 p. [in Russ.].
7. Gorfunkel' A.H. (1980) *Filosofiya epokhi Vozrozhdeniya* [Philosophy of the Renaissance]. Moscow, Higher school. 368 p. [in Russ.].
8. Gurevich A.Ya. (1984) *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow, Iskusstvo Publ. 350 p. [in Russ.].
9. Dal' V.I. (2004) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. St. Petersburg. 735 p. Available at: <https://gufo.me/dict/dal>, accessed: 03.04.2020. [in Russ.].
10. Evtushenko E.N. (2015) *Universum: obshchestvennye nauki* [Universum: social Sciences], no. 6 (16). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponimaniya-fenomena-geroya-ot-drevney-gretsii-do-selebritiz-elektronnyh-media>, accessed: 08.04.2020. [in Russ.].
11. Zimbardo F. (2014) *Effekt Lyucifera. Pochemu horoshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev* [Lucifer Effect. Why good people turn into villains]. Moscow, Alpina non-fiction. 740 p. Available at: <https://cyberpedia.su/10x111ad.html>, accessed: 15.04.2020. [in Russ.].
12. Zubcov Yu. (2020) *Geroizm nashego vremeni* [Heroism of our time]. Available at: <http://www.psychologies.ru/articles/geroizm-nashego-vremeni/>, accessed: 15.04.2020. [in Russ.].
13. Kardini F. (1987) *Istoki srednevekovogo rycarstva* [The Origins of medieval chivalry]. Moscow, Progress. 384 p. [in Russ.].
14. Karlej' T. (2008) *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* [Heroes, the veneration of heroes and the heroic in history]. Moscow, Eksmo Publ. 864 p. Available at: <http://ww.marsexx.ru/lit/karlej-geroi.htm>, accessed: 10.04.2020. [in Russ.].

15. Krylov G.A. (2004) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Victory Publ. 428 p. Available at: <https://16.slovaronline.com/>, accessed: 03.04.2020. [in Russ.].
16. Losev A.F. (1987) Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii [Ancient mythology in its historical development]. Moscow, Uchpedgiz. 620 p. [in Russ.].
17. Luk'yanova R.A. (2012) *Vestnik KGU imeni N. A. Nekrasova* [Bulletin of the KSU named after N. A. Nekrasov], no. 1, pp. 177–180. [in Russ.].
18. Ozhegov S.I. (2012) Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Mir I Obrazovanie, ONYX. 1375 p. Available at: https://royallib.com/book/ogegov_serгей/tolkoviy_slovar_russkogo_yazyka.html, accessed: 03.04.2020. [in Russ.].
19. Ortega-i-Gasset H. (2016) Razmyshleniya o «Don Kihote» [Reflections on “don Quixote”]. Moscow. 196 p. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gasset/raz_don.php, accessed: 14.04.2020. [in Russ.].
20. Plahov V.D. (2008) Geroi i geroizm: opyt sovremennogo osmysleniya vekovoj problem [Heroes and heroism: experience of modern understanding of the age-old problem]. St. Petersburg, KARO Publ. 239 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=621605&p=1>, accessed: 10.04.2020. [in Russ.].
21. Sapozhnikova I.V. (2004) Strah kak social'noe yavlenie: kul'turologicheskij aspekt [Fear as a social phenomenon: a cultural aspect]. Tolyatti, TGAS Publishing house. 151 p. [in Russ.].
22. Tillyaev B.A. (2014) *Molodoy uchyonyy* [Young scientist], no. 3 (62), pp. 1103–1105. Available at: <https://moluch.ru/archive/62/9369/>, accessed: 13.04.2020. [in Russ.].
23. Ushakov D.N. (2008) Bol'shoy tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 180000 slov i slovosochetaniy [Bolshoy explanatory dictionary of modern Russian: 180,000 words and phrases]. Moscow, Alta-Print [et al.]. 1239 p. [in Russ.].
24. Filosofskiy entsiklopedicheskij slovar' (1983) [Philosophical encyclopedia]. Moscow, Soviet encyclopedia. 840 p. [in Russ.].
25. Hyozjinga J. (2010) Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyj mir: Esse [Shadows of tomorrow. The people and culture. A darkened world: Essay]. St. Petersburg, Ivan Limbach Publishing house. Pp. 17–158. [in Russ.].
26. Chudinov A.N. (1910) Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka [Dictionary of foreign words that have become part of the Russian language]. Saint Petersburg, V. I. Gubinsky's publishing House. 676 p. [in Russ.].
27. Shevyakov E.G. (2006) Geroicheskoye v poezii V.S. Vysotskogo [The Heroic in the poetry Of V. S. Vysotsky. Abstract of thesis]. Nizhny Novgorod. 216 p. [in Russ.].
28. Emerson R.U. (2001) Nравstvennaya filosofiya. Opyty. Predstaviteli chelovechestva [Moral philosophy. Experiences. Representatives of humanity]. Minsk, Harvest; Moscow, ACT. 384 p. [in Russ.].
29. Yung K.G. (2000) Simvoly transformatsii [Symbols of transformation]. Moscow. Pp. 251–299. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/psikhologija/jung_simvoly_transformacii/22-1-0-3581, accessed: 12.04.2020. [in Russ.].

К ПРЕОДОЛЕНИЮ АБСТРАКТНОГО СУБЪЕКТА ОБРАЗОВАНИЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ: ФИЛОСОФСКИЕ И НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА «ИССЛЕДОВАТЕЛЬ»

А. И. Мацына, В. С. Елагина, Ю. А. Панасенко, Д. В. Жувак

*Филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Челябинск),
Челябинск, Россия*

Авторы рассматривают опыт философско-педагогического взаимодействия по организации педагогического эксперимента на базе военного вуза. Педагогический эксперимент был направлен на формирование исследовательских умений. Одновременно его можно рассматривать как реализацию философской концептуальной работы военно-научной школы по формированию культуры преодоления абстрактного субъекта в познании и образовании.

Ключевые слова: *преодоление, культура преодоления, педагогический эксперимент, абстрактный субъект, субъект образовательного процесса, исследовательские умения.*

Динамично изменяющаяся военно-политическая и социально-экономическая обстановка в жизни современного общества, необходимость укрепления военной мощи и национальной безопасности государства ставят перед военным образованием задачи, требующие поиска качественно новых подходов и формирования прогрессивных методов педагогической работы с будущим офицерским составом Вооружённых сил. Например, концепция сетецентрической войны всецело ориентирована на повышение боевых возможностей за счёт достижения информационно-коммуникационного превосходства передовых воинских соединений. При этом данная концепция подразумевает, что такой тип войны могут вести только высокоинтеллектуальные силы, способные к эффективному сотрудничеству и самосинхронизации. В глобальной же перспективе четвёртой технологической революции в качестве основных угроз национальной и международной безопасности на первый план выходят кибернетическая война и военные действия посредством самоуправляемых систем [18. С. 67–68]. Внедряемые уже сейчас нанотехнологии и технологии по применению дронов, самоуправляемого и космического вооружения, носимых устройств, аддитивного оборудования, возобновляемой энергии, биологического и биохимического оружия и, наконец, социальных сетей постепенно не только изменяют систему международной безопасности, но и затрагивают глубинные аспекты человеческого бытия. В связи с этими процессами вполне очевидна возрастающая потребность армии в интеллектуально развитых военных специалистах-

профессионалах, обладающих цельной личностью, с высоким уровнем культуры, нравственности и мировоззренческой устойчивости. Сфера военного образования своевременно отвечает на этот внешний вызов, однако специфические условия военного вуза несколько усложняют его решение. Философский подход позволяет концептуализировать проблему на начальном этапе её возникновения.

В частности, курсант военного вуза является достаточно специфичным субъектом образовательного процесса. Это проявляется хотя бы в том, что в течение всего периода обучения в военном вузе социализируется в привязке к особой социальной группе — армии. И уже в течение обучения несёт в себе все черты, которые свойственны этой надклассовой социальной группе нашего общества. Он становится неотрывно связанным с государством и поэтому чувствительно реагирует на любые социальные изменения. Кроме того, принадлежность к армии накладывает на личность курсанта ещё и повышенную социальную ответственность, связанную с ежедневной профессиональной манипуляцией вверенными армии средствами вооружённого насилия. Кроме того, социальная среда в армии отличается авторитарностью и иерархичностью, и это тоже должно быть привито воспитаннику высшей военной школы на основе аккуратной и кропотливой работы с его ценностным миром. Это требует от педагогов военной школы неустанно работать над способностью курсанта к конструктивной и оптимистической интерпретации социальных событий и явлений, с которыми он сталкивается.

Способствует этому не только уровень учебной социально-гуманитарной подготовки, требующей учебных часов, но и уровень общей культуры и мировоззренческой устойчивости курсанта, достичь которого возможно, лишь последовательно включая в военно-педагогический процесс внеаудиторную учебно-научную и воспитательную работу. То есть педагоги высшей военной школы должны способствовать формированию системы ценностей военной службы, делая это в наиболее широком социально-культурном контексте, ведь будущему выпускнику вскоре придётся выйти в огромный открытый мир не только в качестве военного специалиста, но и как целостной личности, уверенно отстаивающей своё мировоззрение в плюралистичном и далеко не всегда миролюбивом обществе. Но здесь мы сталкиваемся с, так сказать, проблемой габитуса курсантов, то есть с совокупностью их предрасположенностей думать, действовать и оценивать обстановку, которая сформировалась до поступления в военное училище. И если часть курсантов приходит в военный вуз из средней школы, быть может, даже отслужив срочную службу, то весьма длительная педагогическая траектория обучения и воспитания другой части будущих офицеров нередко связана с образовательными учреждениями закрытого типа кадетского, суворовского и нахимовского звеньев среднего образования. Очевидные достоинства социализации в этом случае будут неминуемо связаны с необходимостью исключения рисков девиаций, обусловленных недостатком философской рефлексии на военно-педагогических площадках. Кроме того, сложный и интенсивный процесс социально-гуманитарной подготовки авиационного специалиста в штурманском военно-техническом вузе имеет особенность, связанную с недостаточной познавательной ориентированностью части курсантов с техническим складом мышления на дисциплины социально-гуманитарного цикла. Особенности субъекта военного образования, краткий абрис которых был представлен, на наш взгляд, обусловлены недостатком философской рефлексии военно-образовательного процесса и произрастают из известной в философии науки проблемы абстрактного субъекта научного исследования [10. С. 5].

Дело в том, что традиционная гносеология с её ключевой метафорой отражения в субъект-объектных отношениях, явившись в своё время высокопродуктивным приёмом абстрагирования, позволила внести в научно-философское миро-

воззрение критерии классического естественнонаучного подхода. Но такой подход обладает явной неполнотой по отношению к целостному пространству жизни, порождая тем самым так называемую проблему абстрактного субъекта научного исследования [10. С. 5], то есть устранение из познавательного процесса живого, целостного человека и замена его отстранённой познавательной функцией, метафорически иллюстрируемой явлением отражения. Мы можем экстраполировать эту ситуацию в сферу образования, обозначив её как проблему абстрактного субъекта образования. В сфере образования эта проблема оборачивается потерей целостного человека и формализацией учебного процесса, грозящей уничтожением в личности будущего офицера не только поисково-исследовательской активности, но и всякого творческого стремления к разумной инициативе. Каким образом стимулировать и удерживать интерес курсантов с техническим складом мышления к дисциплинам мировоззренческой направленности? Как воспитать самостоятельного офицера-исследователя, который ни во время обучения в вузе, ни после выпуска не заостенет в своём саморазвитии как в профессиональном, так и в мировоззренческом аспекте? Как сформировать исследовательские способности курсантов, воспитать в их лице неутомимого офицера-исследователя, готового к практическому решению неординарных военно-профессиональных задач? И как нам при этом не потерять целостного человека с духовно развитой личностью? На наш взгляд, педагогическое решение этого комплекса вопросов необходимо поставить на прочный фундамент философской рефлексии.

Опыт уникального философско-педагогического взаимодействия такого рода, на наш взгляд, ярко представлен деятельностью Межвузовского философского научно-методологического семинара военно-научной школы профессора А. Б. Невелева (№ 236 в реестре Министерства обороны РФ) «Бытие человека: диалектика предметности и энергичности»¹. Основной целью этого семинара, созданного в 2013 г. совместными усилиями кафедры философии (заведующая кафедрой А. Я. Камалетдинова) факультета Евразии

¹Перспективный пятилетний план развития семинара на 2013–2018 годы: обсужден на заседании предметно-методической комиссии по дисциплине «философия», протокол № 2 от 18 ноября 2013 г. Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске, 2013.

и Востока Челябинского государственного университета и кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин (заведующий кафедрой Ш. Ш. Хайрулин) филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в городе Челябинске, стала «кристаллизация философских идей»¹, которая позволила бы сформировать и концептуально сплотить «активное философское и военное сообщество, способное противопоставить современному нефилософствующему шатанию в обществе целенаправленную философскую и научную рефлексию, ориентированную на осмысленное раскрытие и сохранение творческого потенциала и традиционных ценностей»¹. Впоследствии такая форма философской коммуникации позволила выстроить уверенную вертикальную связь от философской рефлексии к научно-педагогической мысли и к конкретному учебному и воспитательному процессу военного вуза.

Начало решения проблемы преодоления абстрактного субъекта военного образования было положено военно-научной школой профессора А. Б. Невелева на основе разработанного им предметно-энергичного подхода в философии познания [11]. Философским основанием названного подхода послужило положение трансцендентальной философии И. Канта о неразрывной связи процессов познания и становления личности [11. С. 3]. С этих позиций подготовку авиационного специалиста в штурманском вузе можно представить как симфоническое созвучие учебного, воспитательного и самообразовательного процессов, симфонически направленных на формирование личности будущего офицера. При этом внеаудиторные формы вовлечения курсантов в познавательный процесс стимулирующие и дополняющие основную образовательную программу, следует рассматривать как неотъемлемые части единого в своих основаниях становления человека. Поскольку основой этого симфонического созвучия является активное познание, то в качестве ключевого момента может быть взята такая категория, как исследовательские умения.

Научно-педагогической формой теоретического решения проблемы преодоления абстрактного субъекта образования стал педагогический эксперимент (научный руководитель Ю. А. Панасенко) «Формирование у курсантов штурманского вуза исследовательских умений посредством

¹Перспективный пятилетний план развития семинара на 2013–2018 годы...

организации военно-научного междисциплинарного комплексного исследования»². В эксперименте была задействована особенная форма внеаудиторной учебно-научной работы в виде военно-научного кружка кафедры гуманитарных и социально-экономических наук филиала ВУНЦ ВВС в г. Челябинск «Воздушная разведка памятников природного и культурного наследия» (научный руководитель А. И. Мацына), имевший к тому времени уже двадцатилетний стаж успешной внеаудиторной работы с курсантами [4]. Научное обоснование проведения педагогического эксперимента было выполнено под руководством профессора В. С. Елагиной и изложено в отдельном монографическом исследовании [5]. Позволим себе вкратце осветить некоторые теоретические положения и этапы практического проведения этого трёхлетнего педагогического эксперимента.

Научно-педагогическое исследование обозначенной проблемы показало, что кропотливый труд по организации образовательного процесса в высшем военном учебном заведении не может быть ограничен простым и механическим внедрением в практику исследовательских методов. Это в большей степени целенаправленная и кропотливая работа по развитию культуры преодоления инфантильности вчерашнего школьника и будущего офицера. Данное положение, в свою очередь, предполагает поощрение стремления курсанта быть самостоятельным, инициативным военным специалистом, творческим человеком и мировоззренчески устойчивым гражданином. Анализ психолого-педагогической литературы с этих позиций «позволил выявить ряд противоречий между требованиями к военно-профессиональной компетентности современного офицера и сложившейся системой» его подготовки [9. С. 4]. Ущербность подготовки определяется её ориентированностью на репродуктивный характер образовательного процесса, а также конфликтом между познавательным интересом, готовностью

² Решение ученого совета филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске, протокол № 2 от 13 октября 2015 г. Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске, 2015.

Формирование у курсантов штурманского вуза исследовательских умений посредством организации военно-научного междисциплинарного комплексного исследования: отчёт о НИР // Отчёт о педагогическом эксперименте (внутриведомственный, шифр «Исследователь»). Челябинск : ФВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия» в городе Челябинске, 2018. 180 с.

курсантов к активной исследовательской деятельности и отсутствием целостной, философски от-рефлексирующей и теоретически обоснованной модели организации этой исследовательской деятельности. В связи с этим в отчёте был сделан вывод о крайней необходимости целенаправленной работы с курсантами по формированию их исследовательских умений и навыков и активному вовлечению их в исследовательскую деятельность, совместные с преподавателями творческие проекты, имеющие безусловное практическое значение для военной науки и военно-профессиональной деятельности будущих офицеров.

В качестве основных причин слабой подготовки к исследовательской деятельности мы можем признать преобладание формального подхода к формированию исследовательских умений и недостаточную разработанность содержательного и методико-технологического обеспечения исследовательской деятельности как элемента военно-профессиональной подготовки¹.

В целом вопросы формирования исследовательских умений и организации научно-исследовательской деятельности студентов в вузах исследовались А. П. Акатьевым, М. А. Беляловой, Е. И. Барчуком, М. Н. Берулавой, Е. В. Бережновой, В. В. Краевским, А. И. Савенковым, В. Н. Волковой, П. В. Гришиным, И. Ю. Даниловой, Г. М. Деркач, А. И. Немковой, Е. Р. Садыковой, Л. В. Хивинцевой, Т. Н. Шипиловой и другими специалистами. Проблеме же формирования исследовательских умений курсантов, а также организации этой работы в военном вузе посвящены работы О. П. Бажора, И. Д. Белоконь, М. А. Городиловой, И. Ю. Чигриной, О. В. Добровольскова, О. А. Валеевой, Г. М. Деркач, Г. И. Железковской, Л. Г. Лаптевой, Н. В. Мамедовой и других исследователей. Однако, несмотря на столь пристальное внимание специалистов, проблема формирования исследовательской активности и исследовательских умений «остаётся актуальной и недостаточно разработанной»¹. Анализ литературы, посвящённой рассмотрению проблемы формирования умений у учащихся средней общеобразовательной школы [1–3; 6–8; 12–16] показал, что нет чёткого определения, однозначно раскрывающего сущность понятия «умение». Вполне обоснованно это объясняется тем, что данная категория присутствует как в психологии, так и в педагогике и обладает многокомпонентной

¹ Формирование у курсантов штурманского вуза исследовательских умений... С. 11.

структурой². В связи с этими обстоятельствами в качестве основной цели педагогического эксперимента было обозначено теоретическое обоснование и разработка методической системы «формирования исследовательских умений курсантов в военном вузе»², а в качестве гипотезы исследования выступило положение о том, что «процесс формирования исследовательских умений, определяющих качество исследовательской деятельности курсантов, будет эффективным, если, во-первых определены особенности организации этой деятельности в военном вузе; во-вторых, будет разработана методическая система формирования исследовательских умений; в-третьих, если разработаны критерии и показатели сформированности исследовательских умений»². В связи с этой гипотезой были сформулированы задачи исследования, для решения которых применялись теоретические методы (теоретический анализ научной педагогической и методической литературы, периодических изданий по педагогике, проблемам высшей школы военного вуза); эмпирические методы (наблюдение, беседа, анкетирование, ранжирование, констатирующий эксперимент, тестирование, анализ реферативных работ и исследовательских проектов, топографических карт и схем); статистические методы обработки результатов педагогического эксперимента и проверки выдвинутой гипотезы³. Педагогический эксперимент проводился с 2015 по 2018 г. на базе филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске с курсантами 1-го курса набора 2017 г. и курсантами 2–40х курсов набора 2015–2016 гг., в четыре взаимосвязанных этапа⁴.

Первый этап, проводившийся в 2015–2016 гг., включал в себя анализ психолого-педагогической литературы по проблеме формирования учебно- и научно-исследовательских умений курсантов. Второй этап (2016–2017 гг.) позволил реализовать констатирующий эксперимент и произвести анализ его результатов, скорректировать методику формирования исследовательских умений⁵. Теоретический анализ и результаты констатирующего эксперимента показали, что эффективность исследовательской деятельности будет достаточно высокой только в том

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 13–14.

⁵ Там же. С. 14.

случае, если курсанты будут хорошо осведомлены об особенностях и характере своей исследовательской деятельности. Чёткое представление об учебно- и научно-исследовательских умениях, их видах, приёмах исследовательской работы, в которой они непосредственно формируются, развиваются и приобретают характер навыка, позволяет курсантам включаться в самостоятельную, осознанную исследовательскую деятельность, реализуя свой творческий потенциал, проявляя инициативность и ответственность за результаты своей работы.

Третий этап (2017–2018 гг.) дал возможность осуществить проверку эффективности методики формирования исследовательских умений в ходе формирующего эксперимента, когда производилась обработка и анализ накопленных данных.

Четвёртый этап в первом полугодии 2018 г. включал в себя контрольный эксперимент, обобщение и обработку результатов предыдущих этапов, обоснование и формулировку выводов, а также оформление итоговых материалов всего педагогического эксперимента¹.

В целом анализ результатов педагогического эксперимента показал, что исследовательская работа имеет достаточно высокий потенциал и предоставляет весьма обширные возможности для формирования необходимых качеств личности будущего, творчески мыслящего офицера-исследователя. В общетеоретическом аспекте это развитие мышления, формирование общеучебных умений; в социокультурном аспекте — укрепление ценностного отношения к исследованию памятников природного и культурного наследия, овладение духовной и материальной культурой; в научно-исследовательском аспекте — развитие организационных, интеллектуальных, информационно-коммуникативных умений и навыков. В результате этой достаточно длительной работы были уточнены ключе-

¹ Формирование у курсантов штурманского вуза исследовательских умений... С. 14.

вые понятия, относящиеся к решению проблемы формирования исследовательских умений: «исследовательские умения», «учебно-исследовательские умения», «научно-исследовательские умения», «исследовательская деятельность». Кроме того, в военно-педагогический процесс была разработана и внедрена методическая система формирования исследовательских умений у курсантов военного вуза².

Опыт, приобретённый в ходе педагогического эксперимента по формированию исследовательских умений курсантов в рамках междисциплинарного комплексного исследования, безусловно, важен для повышения качества подготовки военных специалистов и дальнейшего совершенствования образовательного процесса военного вуза. Однако не следует ограничиваться лишь научно-педагогическим аспектом этой длительной, кропотливой духовной работы с курсантами как творческими, неповторимыми личностями. Необходим непрерывный поиск новых форм такой внеаудиторной работы, предельная рефлексия которых на философском уровне является вектором к формированию культуры активного преодоления абстрактного субъекта военного образования, и, вполне возможно, — к формированию педагогической технологии двойного применения. Ведь офицер, получивший военную специальность, в составе армии призван решать поставленные задачи средствами вооружённого насилия. Но в мирное время он прежде всего — государственный человек, нацеленный на сохранение и дальнейшее преумножение отеческого наследия. Совместить эти две функции может лишь гармонично развитая личность как результат преодолённого абстрактного субъекта образования. Разработка же и применение философски отрефлексированной педагогической технологии двойного применения позволит направить всю силу военно-педагогического процесса на достижение этой цели.

² Там же. С. 14.

Список литературы

1. Бабанский Ю. К. Избранные педагогические труды. М. : Педагогика, 1989.
2. Бережнова Е. В., Краевский В. В. Основы учебно-исследовательской деятельности студентов. М. : Академия, 2008. 125 с.
3. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М., 1996.
4. Елагина В. С., Мацына А. И. Формирование исследовательских умений курсантов военного вуза. Обобщение педагогического опыта : учеб.-метод. пособие. Челябинск : ВУНЦ ВВС ВВА, 2015. 35 с.

5. Елагина В. С., Мацына А. И. Исследовательская деятельность курсантов военного вуза: теория и практика : монография. Челябинск : Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА», 2019. 178 с.
6. Есипов П. Б. Исследовательская деятельность как путь развития творческих способностей // Исследовательская деятельность учащихся в современном образовательном пространстве : сб. ст. / под ред. А. С. Обухова. М. : НИИ шк. технологий, 2006. С. 40–50.
7. Кабанова-Миллер Е. Н. Учебно-исследовательская деятельность студентов как модель педагогической технологии // Народное образование. 2009. № 10. С. 152–158.
8. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения. М. : Педагогика, 1981. 186 с.
9. Мацына А. И. Культура преодоления абстрактного субъекта образования в военном вузе: к формированию педагогической технологии двойного применения // Актуальные психолого-педагогические проблемы профессиональной подготовки в инновационных социокультурных условиях : сб. науч. тр. по материалам XVII междунар. науч.-практ. конф. 30 марта 2020 г., г. Стерлитамак, Республика Башкортостан. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2020. С. 80–82.
10. Микешина Л. А. Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура. М. : Издат. дом Междунар. у-а в Москве, 2006. 172 с.
11. Невелев А. Б., Худякова Н. Л. Философия познания : учеб. пособие. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2015. 123 с. (Классическое университетское образование).
12. Пидкасистый П. И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников в обучении. М. : Педагогика, 1980. 240 с.
13. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Больш. Рос. энцикл., 1993–1999. Т. 2. 632 с.
14. Слостенин В. А. Психологические основы исследовательского подхода к обучению. М. : Обь-89, 2006. 164 с.
15. Усова А. В. Формирование у учащихся учебно-познавательных умений. Челябинск : Изд-во ЧГПИ, 1994.
16. Харламов И. Ф. Педагогика. 2-е изд, перераб. и доп. М. : Высш. шк., 1990.
17. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М. : Эксмо (Top Business Awards), 2016. 138 с.

Сведения об авторах

Мацына Андрей Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в Челябинске. Челябинск, Россия. matsyna@inbox.ru

Елагина Вера Сергеевна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в Челябинске. Челябинск, Россия.

Панасенко Юрий Александрович — кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника филиала филиала ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в Челябинске по учебной и научной работе. Челябинск, Россия.

Жувак Дмитрий Владимирович — старший преподаватель кафедры самолётостроения филиала ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в Челябинске. Челябинск, Россия.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 79–86.*

TO OVERCOMING THE ABSTRACT SUBJECT OF EDUCATION AT A MILITARY UNIVERSITY: PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC ASPECTS OF THE PEDAGOGICAL EXPERIMENT “RESEARCHER”

A.I. Matsyna

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center “Air Force Academy “Professor N.E. Zhukovsky and Major Y.A. Gagarin”, Branch of Chelyabinsk. Chelyabinsk, Russia. matsyna@inbox.ru

V.S. Elagina

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center “Air Force Academy “Professor N.E. Zhukovsky and Major Y.A. Gagarin”, Branch of Chelyabinsk. Chelyabinsk, Russia.

Yu.A. Panasenko

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center “Air Force Academy “Professor N.E. Zhukovsky and Major Y.A. Gagarin”, Branch of Chelyabinsk. Chelyabinsk, Russia.

D.V. Zhuvak

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center “Air Force Academy “Professor N.E. Zhukovsky and Major Y.A. Gagarin”, Branch of Chelyabinsk. Chelyabinsk, Russia.

The authors consider the experience of philosophical and pedagogical interaction in organizing a pedagogical experiment on the basis of a military university. The pedagogical experiment was aimed at the formation of research skills. At the same time, it can be viewed as the implementation of the philosophical conceptual work of the military-scientific school on the formation of a culture of overcoming the abstract subject in cognition and education.

Keywords: *overcoming, culture of overcoming, pedagogical experiment, abstract subject, subject of the educational process, research skills*

References

1. Babanskiy Yu.K. (1989) *Izbrannyye pedagogicheskiye trudy* [Selected pedagogical works]. Moscow, Pedagogika Publ. [in Russ.].
2. Berezhnova E.V., Krayevskiy V.V. (2008) *Osnovy uchebno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov* [Fundamentals of students' educational and research activities]. Moscow, Akademiya Publ. 125 p. [in Russ.].
3. Davydov V.V. (1996) *Teoriya razvivayushchego obucheniya* [Theory of developing learning]. Moscow. [in Russ.].
4. Elagina V.S., Matsyna A.I. (2015) *Formirovaniye issledovatel'skikh umeniy kursantov voyennogo vuza. Obobshcheniye pedagogicheskogo opyta. Uchebno-metodicheskoye posobiye* [Formation of research skills of cadets of military higher education. Generalization of pedagogical experience: textbook-method. stipend]. Chelyabinsk. 35 p. [in Russ.].
5. Elagina V.S., Matsyna A.I. (2019) *Issledovatel'skaya deyatel'nost' kursantov voyennogo vuza: teoriya i praktika: monografiya* [Research activities of cadets of a military higher education institution: theory and practice : monograph]. Chelyabinsk. 178 p. [in Russ.].
6. Esipov P.B. (2006) *Issledovatel'skaya deyatel'nost' uchashchikhsya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve* [Research activity of students in the modern educational space : collection of articles]. Moscow. Pp. 40–50. [in Russ.].
7. Kabanova-Miller E.N. (2009) *Narodnoye obrazovaniye* [National education], no. 10, pp. 152–158. [in Russ.].
8. Lerner I.Ya. (1981) *Didakticheskiye osnovy metodov obucheniya* [Didactic foundations of teaching methods]. Moscow, Pedagogika Publ. 186 p. [in Russ.].
9. Matsyna A.I. (2020) *Aktual'nyye psikhologo-pedagogicheskiye problemy professionalnoy podgotovki v innovatsionnykh sotsiokulturnykh usloviyakh: sbornik nauchnykh trudov po materialam XVII Mezhdunar.*

nauch.-prakt. konf. 30 marta 2020 [Actual psychological and pedagogical problems of professional training in innovative socio-cultural conditions : collection of scientific Tr. based on the materials of the XVII international conference. scientific and practical conference on March 30, 2020]. Sterlitamak. Pp. 80–82. [in Russ.].

10. Mikeskina L.A. (2006) *Filosofiya nauki: Epistemologiya. Metodologiya. Kultura* [Philosophy of science: Epistemology. Methodology. Culture]. Moscow. 172 p. [in Russ.].

11. Nevelev A.B., Khudyakova N.L. (2015) *Filosofiya poznaniya* [Philosophy of knowledge : textbook]. Chelyabinsk. 123 p. [in Russ.].

12. Pidkastyy P.I. (1980) *Samostoyatelnaya poznavatel'naya deyatelnost' shkolnikov v obuchenii* [Independent cognitive activity of schoolchildren in education]. Moscow, Pedagogika Publ. 240 p. [in Russ.].

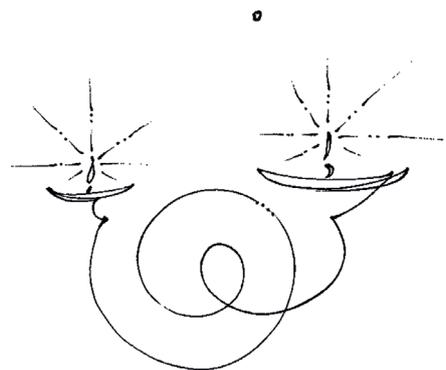
13. *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya v 2 tomakh* [Russian pedagogical encyclopedia in 2 vols]. Moscow. 1993–1999. 1176 p. Vol. 2. 632 p. [in Russ.].

14. Slastenin V.A. (2006) *Psikhologicheskiye osnovy issledovatel'skogo podkhoda k obucheniyu* [Psychological foundations of the research approach to learning]. Moscow, Ob-89 Publ. 164 p. [in Russ.].

15. Usova A.V. (1994) *Formirovaniye u uchashchikhsya uchebno-poznavatelnykh umenii* [Formation of students' educational and cognitive skills]. Chelyabinsk. [in Russ.].

16. Kharlamov I.F. (1990) *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow. Pp. 148–151. [in Russ.].

17. Shvab K. (2016) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow, Eksmo. 138 p. [in Russ.].

*Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 8 (442).
Философские науки. Вып. 57. С. 87–92.*

**УДК 001.1:316-101.1:316
ББК 60.027**

DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10813

ДОВЕРИЕ НАУКЕ: ЧИТАЯ БРУНО ЛАТУРА

Е. Г. Прилукова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Характеристика современного мира — присутствие повсюду результатов науки. Однако роль науки неоднозначна и формируется социальным заказом. Современная наука — часть технонауки. Наука репрезентирует мир на основе научных фактов, которые конструируются в социуме коллективами учёных, становясь «властью убеждения». Наука как «власть убеждения» нуждается в доверии, формирование которого зависит от различных факторов.

Ключевые слова: *доверие, наука, технонаука, «общество знаний», информационное общество, учёный, субъект.*

Научное сообщество, описывая современный мир, традиционно представляет его как мир техногенный и глобальный, одной из важнейших характеристик которого является формирование так называемого знаниевого общества, или, иными словами, общества, основанного на применении достижений науки (Д. Бехманн, Э. Тоффлер, А. И. Агеев, В. А. Колпаков, И. Е. Москалёв и др.).

Действительно, мир настоящего времени невозможно представить и мыслить без использования результатов науки — они присутствуют повсюду — от осмысления и создания картины мира [23] до организации повседневной жизни [1; 17]. Уровень развития науки — один из ключевых показателей динамики общества и государства. Однако оценить роль науки однозначно невозможно, поскольку она, с одной стороны, раскрывает «тайны» мира и человека, с другой — постоянно порождает новые. Пребывание человека в мире отчётливо демонстрирует, что чем больше человек проникает в тайны Вселенной, тем больше у него возникает вопросов к самому себе о возможностях и пределах процесса познания и применения его результатов [5]. Поэтому становится совершенно справедливым, что наука — «повествовательное

описание того, что мы видим, и то, что, по нашим предположениям, может существовать в мире, раскрывает лишь часть общей картины, а значит, по определению ограничена» [4. С. 9]. Вместе с тем наука, являясь особым результатом развития деятельности, способна производить и воспроизводить не только мир, но и человека в соответствии с условиями социального заказа. Не секрет, что даже выбор проблематики научных исследований социально предзадан, хотя и связан с непосредственным творчеством исследователя. Поэтому актуальными становятся размышления о человеке как «мыслящем тростнике», ибо невозможно сказать «знания само по себе исключительно зло или само по себе только добро. Познющий человек всегда стоит на развилке пути» [12. С. 139]. Тем не менее, делая выбор, он — человек — возвращается к себе, хотя «учёные утверждают, что говорят не они, но факты говорят сами за себя. Эти немые сущности, таким образом, способны говорить, писать, обозначать нечто...» [9. С. 93]. Следуя за Б. Латуром, полагаю, что о них способен говорить только человек, поскольку наука репрезентирует мир, но делает она это посредством «верных и дисциплинированных учёных-посредников»,

раскрывающих его тайны [9. С. 95]. Научные факты конструируются социумом и прежде всего через коллективы учёных [8]. Так формируется проблема науки как «власти убеждения» и доверия к ней, потому что научное знание, ориентированное на рациональность, не представляет собой абсолютного и единственного гаранта истины.

Дефицит доверия к науке и его поиски — одна из общемировых тенденций, обусловленная, с одной стороны, переходом от классической академической науки к науке постнеклассической и, с другой, снижением автономности научного сообщества, бюрократизацией и коммерциализацией научной деятельности [21. С. 404–406]. Наука «обращается» техникой, технологиями и социальными институтами и фактически речь идёт о технотехнике, неотъемлемой частью которой является собственно наука [14].

В современном философском знании понятие «технонаука» используется французским философом Б. Латуром, обращаясь к науке не только через призму философии науки, но и через её социокультурный контекст. Б. Латур довольно популярен в современной российской науке и не столь популярен на Западе [15; 16], поэтому предлагаю обратиться к нескольким социально-философским аспектам технонауки на примере «погружения» её в проблематику доверия науке.

Термин «доверие» в «Словаре русского языка» определяется как «убеждённость в чьей-либо искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-, чему-либо» [18. С. 412]. Самые общие представления о доверии начали складываться в религиозных верованиях и заключали сакральный смысл — доверие предстаёт синонимом веры [19. С. 232–233]. При рассмотрении термина небезынтересен и такой момент, как выделение корня «вера»: *доверие*. Речь идёт не о религиозной вере, а вере как «глубоком, искреннем, пронизанном эмоциями принятии какого-то положения или представления, иногда предполагающем определённые рациональные основания, но обычно обходящиеся без них; позволяет признавать некоторые утверждения достоверными и доказанными без критики и убеждения» [7. С. 131–133]. Вера субъективна, и её философское понимание исходит из философского осмысления Человека. Следовательно, доверие есть то, что появляется до веры и «сопровождает её», нагружая субъектностью [13].

Первыми к доверию как сложному социальному феномену обратились зарубежные исследова-

тели, увидев в нём основу общества (У. Бек, Э. Гидденс, К. Кук, С. Лэш, Н. Луман, Ч. Тилли, Ф. Фукуяма, П. Штомпка и др.). В отечественной научной мысли к доверию обратились не так давно (С. Ю. Барсукова, Л. Гудков, Ю. Левада, Н. М. Давыдова, Л. И. Дискин, В. В. Радаев, Т. Ю. Сидорина, Н. Е. Тихонова, П. Н. Шихирев и др.). Следует обратить внимание, что доверие чаще всего изучается в психологическом, социально-политическом или экономическом аспектах научных исследований, но не с позиций мировоззренческих оснований науки. С точки зрения социальной философии доверие можно определить как социальную «скрепу», интегрирующую и укрепляющую общество в целях его дальнейшего развития. Следовательно, возникает вопрос о том, как научная картина мира и научное мировоззрение связаны с доверием как социальным ресурсом.

Казалось бы, человек наступившего XXI в., создав свой мир комфорта и благополучия благодаря активному применению достижений науки («умный город», «умный дом», беспилотники и т. п.), безоговорочно ей доверяет. Все его усилия практически сводятся только к тому, чтобы взять в руки тот или иной гаджет, и поставленные задачи легко будут решены. Однако именно благодаря достижениям науки человек оказался в ситуации постоянной неопределённости или риска и постепенной утраты свободы. Элемент риска оказывается чрезвычайно важным событием для человека и общества, ознаменовав радикальные изменения в характере их жизнедеятельности.

Во всех обществах и культурах, независимо от ступени их развития, идёт жесточайшая гонка в борьбе за повышение степени доверия к результатам научного знания и, как следствие, их внедрение. Формирующееся и функционирующее «общество риска подразумевает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место — как причина нынешней жизни и деятельности — приходит будущее, то есть нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное» [2. С. 175]. Масштабные инновации и их последствия сказываются на функциональности всех структур общества, что затрагивает жизнедеятельность практически всех людей, включённых в них [10. С. 118].

Кроме того, наука в новом столетии вдруг начала «требовать» уменьшения состояния привычного комфорта: отказ от автомобиля и отопления во имя сохранения «лёгких планеты», отказ от промышленного производства и авиаперевозок

для сохранения жизненно полезного баланса биосферы и т. п. [3]. Первые указания на экологические катастрофы, спровоцированные техногенной цивилизацией, были обнаружены уже в 1960-е гг. Наука стала могучей силой, управляющей планетой, и одновременно начала утрачивать доверие к себе. Неконтролируемое влияние науки — лихорадочная погоня за новым — и отказ от принятия ответственности за будущее человечества способны привести к необратимым последствиям. Яркий пример тому — прокатившаяся по миру эпидемия, вызванная коронавирусом (COVID-19), отчётливо не только показала безграничные возможности цифровизации социального пространства-времени — от работы на ранее модной и привлекательной «удалёнке» до тотальной слежки со стороны «всевидающего ока большого брата», но и бессилие медицины, химии, биологии и т. п. Природа ещё раз напомнила человеку, что он смертен, несмотря на развитие генетики, конвергентных технологий, искусственного интеллекта и индустрии косметологии. Это ведёт к тому, что доверие к науке продолжает снижаться.

Более того, наука оказалась втянутой в большие политические «игры» — она не была готова «здесь и сейчас» (как привык современный человек) дать ответы на вопросы о введении/невведении карантина и возможности выработки «стадного иммунитета» (заболевшие премьер-министр Великобритании Борис Джонсон, князь Монако Альбер II и др.), ношении/неоношении средств индивидуальной защиты (сторонники республиканской партии США значительно реже носят маску на своём лице) и т. д. Доверие к науке спускается дальше вниз.

Таким образом, «... главы правительств, химики, биологи, отчаявшиеся пациенты, промышленники оказываются вовлечёнными в одну и ту же историю, в которой многие вопросы не имеют прямых ответов» [9. С. 60].

Да и сама наука начала нового столетия не слишком «радует» своими достижениями и успехами, если не считать смартфоны и всевозможные сервисы, поставляемые Сетью, выход на новый уровень геномной инженерии и др. Однако есть один важный момент в этом списке успехов науки — они оказались продолжением исследований, начатых ещё в XX в.

Из немногих этих примеров мы отчётливо видим, что социально-политические отношения непосредственно входят в сферу научного поиска и существенно влияют на научные исследования.

В свою очередь, научные исследования влияют на социально-политические отношения. Поэтому Б. Латур подчёркивает, что социальный контекст отсутствует в технауке, он один из её компонентов. Социальные факторы включены в структуру знания и непосредственно участвуют в его производстве.

Анализируя различные источники, в качестве основных причин формирования недоверия к науке исследователи выделяют две. Первая заключается в том, что наука апеллирует к разуму и представляет информацию не как единственно и безоговорочно истинную, что вполне соответствует природе науки. Вместе с тем наши суждения в адрес науки выстраиваются первоначально преимущественно на базе эмоций, на фоне которых наука не выглядит убедительной в своей истинности. Убеждение наукой может быть достигнуто лишь тогда, когда будет выполняться условие, что все (принимющие и применяющие достижения науки) должны опираться на рациональность; если кто-то игнорирует это, то сила рационального механизма воздействия не сработает. Обусловлено это тем, что когнитивная сторона убеждения не является для человека единственным источником истинности взглядов, ибо важную роль играет его психоэмоциональное состояние. Субъекта познания, как и субъекта применения результатов науки, нельзя исключать из содержания знания — они тесно взаимосвязаны. Вторая — нарастание «неустойчивого характера социальной жизни» [22. С. 118]. Современные общества оказываются в ситуации многолинейности и многозадачности развития. Испытывая потребность в стабильности в условиях турбулентности постоянного развития и не получая уверенности в ней, общество демонстрирует недоверие, поскольку наука «обманывает» его ожидания, не предоставляя ему идеал. Продиктовано это опять-таки природой науки — не принимать безоговорочно на веру открытое новое, проверять и уточнять это новое.

В условиях настоящего времени следует назвать ещё одну причину нарастания недоверия к науке — умение использовать ею свою власть убеждения, которая во многом определяется субъектом научной деятельности. Для науки характерны не только критический взгляд на мир, порядок процедур верификации (рациональные или эмпирические, а может, и те, и другие), но и познавательная деятельность людей — учёных, которые зачастую выступают как конкуренты. Важно заметить, что открытие в науке — не только результат

собственных исследований, это ещё и их убедительная презентация коллегам и обществу в том, что это действительно так. Особенно это важно в мире тотальной коммуникации, которая способна создавать убедительные образы-симулякры.

Для России важно учитывать ещё одну причину формирования недоверия к науке — её идеологическую нагруженность, проявляющуюся не только в социальном и гуманитарном познании [6]. Яркий пример тому — деятельность государственной корпорации «Роскосмос»: яркие разоблачительные PR-кампании, оправдывающие неуспехи (закрытая 25 мая 1993 г. уникальная программа «Энергия-Буран» и т. п.). «Финансовые и технологические проблемы предприятий «Роскосмоса» давно никого не удивляют. В декабре 2017 г. помощник президента России А. Белоусов назвал госкорпорацию «ни фига не зарабатывающей»,

а в начале 2019 г. премьер-министр Д. Медведев призвал «Роскосмос» прекратить «болтать, куда мы полетим в 2030 г... меньше говорить и больше делать» [11; 20].

Таким образом, важно осознавать основания доверия, каковыми являются, во-первых, достоверность результатов научных исследований и возможность их практического внедрения и, во-вторых, авторитет науки, который немислим без личности учёного. Личность учёного, с одной стороны, фиксирует определённый уровень развития общества и, с другой, формируется в его среде, вбирая его установки и возможности. В этом случае будет повышаться уровень его ответственности за результаты. Только в этом случае наука будет способна представлять как специфическая система убеждения, являя её мощь и позволяя вызывать доверие.

Список литературы

1. Агеев А.И., Аверьянов М. А., Евтушенко С. Н., Кочетова Е. Ю. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение // *Экономические стратегии*. 2017. № 1. С. 114–125.
2. Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
3. Веселко А. Почему мы больше не верим науке // *Теория и практика*. 2020. 10 апреля. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17904-pochemu-my-bolshe-ne-verim-nauke>.
4. Глейзер М. Остров знаний. Пределы досягаемости большой науки. СПб. : Питер, 2017. 416 с.
5. Дождикова Р. Н. Специфика обыденного познания и формирование образа науки в общественном сознании // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 196–206.
6. Зарубина Н. Н. Доверие к науке в современной России в контекстах множественности форм знания // *Социологические исследования*. 2018. № 5. С. 110–120.
7. Ивин А. А. Вера // *Философия. Энциклопедический словарь* / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. С. 131–133.
8. Латур Б. Наука в действии. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2013. 413 с.
9. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
10. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // *Социологические исследования*. 1992. № 2. С. 118–124.
11. Не прощай их, Юра: Как «Роскосмос» уничтожает российскую космонавтику // *Лента.ру*. 2019. 14 марта. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/03/14/roscosmos>
12. Паскаль Б. Мысли / пер. с фр., вступ. ст., коммент. Ю. А. Гинзбург. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
13. Петровский В. А. «Субъектность» в пространстве культуры и наяву // *Мир психологии*. 2015. № 3. С. 14–37.
14. Печёнкин А.А. История науки как концептуальная база философии науки (дискуссии XXI) // *Технонаука как категория истории естествознания*. М. : ИИнтел, 2018. С. 13–26.
15. Печёнкин А.А. Почему у нас популярен Б. Латур? // *Годичная научная конференция, посвящённая 85-летию ИЕТ РАН им. С. И. Вавилова*. М. : Янус, 2017. С. 327–330.
16. Печёнкин А.А. Слова Бруно Латура «Нового времени не было» // *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция*, 2014. М. : ЛЕНАД, 2014. С. 432–435.
17. Роуз Д. Будущее вещей: как сказка и фантастика становятся реальностью / пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2015. 344 с.

18. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985. 696 с.
19. Теологический энциклопедический словарь / под ред. У. Элвелла. М. : Ассоциация «Духовное возрождение», 2003. 1488 с.
20. Ширяев В. «Первым шагом упразднил бы монополию Роскосмоса»: заочный круглый стол ведущих российских экспертов в области космонавтики // Новая газета. 2020. 2 июля. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/07/02/86126-pervym-shagom-uprazdnil-by-monopoliyu-roskosmosa>.
21. Штомпка П. Доверие — основа общества. М. : Логос, 2012. 420 с.
22. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
23. Ярцева К. В. Понятие «картина мира». Адаптивная функция картины мира // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2010. № 4. С. 87–90.

Сведения об авторе

Прилукова Екатерина Григорьевна — доктор философских наук, доцент, профессор, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, Россия. prilukova74@gmail.com

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 87–92.*

TRUST IN SCIENCE: READING BRUNO LATOUR

E.G. Prilukova

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia. prilukova74@gmail.com

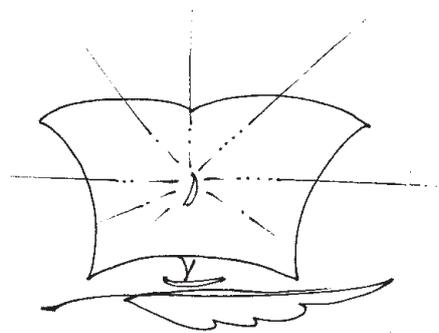
A characteristic of the modern world is the presence of the results of science. However, the role of science is ambiguous and is formed by social order. Modern science is part of technoscience. Science represents the world on the basis of scientific facts that are constructed in society by teams of scientists, becoming the «power of persuasion.» Science as a “power of persuasion” needs trust, the formation of which depends on various factors. The concept of «technoscience» is used by the French philosopher B. Latour. An appeal to the socio-philosophical aspects of technology science as an example of its “immersion” in the problems of trust in science. Trust is what appears before faith and “accompanies it,” burdening with subjectivity. XXI century man created his world of comfort and prosperity thanks to the achievements of science (“smart city”, “smart home”, drones, etc.). He trusts her unconditionally. However, the achievements of science create a situation of uncertainty and the gradual loss of freedom. In all societies and cultures, there is a fierce race in the struggle to increase confidence. Science began to “demand” a decrease in the state of comfort. Science is drawn into big political «games».

Keywords: *trust, science, technology science, “knowledge society”, information society, scientist, subject.*

References

1. Ageyev A.I., Aver'yanov M., Evtushenko S.N., Kochetova E.Yu. (2017) *Ekonomicheskiye strategii* [Economic Strategies], no. 1, pp. 114–125. [in Russ.].
2. Bek U. (2001) *Chto takoye globalizatsiya?* [What is globalization?] Moscow, Progress-Tradiciya Publ. 304 p. [in Russ.].
3. Veselko A. (2020) *Teoriya i praktika* [Theory and practice.], 10 april. Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/17904-pochemu-my-bolshe-ne-verim-nauke>, accessed 14.07.2020.
4. Glejzer M. (2017) *Ostrov znaniy. Predely dosyagaemosti bol'shoy nauki* [Island of knowledge. The reach of big science]. St. Petersburg, Piter Publ. 416 p. [in Russ.].
5. Dozhdikova R.N. (2018) *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], no. 7. pp. 196–206. [in Russ.].
6. Zarubina N.N. (2018) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], no. 5, pp. 110–120.
7. Ivin A.A. (2004) *Filosofiya. E'nciklopedicheskiy slovar'* [Philosophy. Encyclopedic Dictionary]. A.A. Ivina (ed.). Moscow, Gardariki Publ. Pp. 131–133. [in Russ.].
8. Latur B. (2013) *Nauka v dejstvii* [Science in action]. St. Petersburg, 2013. 413 p. [in Russ.].
9. Latur B. (2006) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [There was no New Time. Essay on Symmetric Anthropology]. St. Petersburg, 2006. 240 p. [in Russ.].

10. Merton R. (1992) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], no 2, pp. 118–124.
11. Ne proshhay ikh, Yura. Kak «Roskosmos» unichtozhaet rossijskuyu kosmonavtiku [Do not forgive them, Yura. How Roscosmos destroys the Russian space program]. Lenta.ru. 14 march, 2019 Available at: <https://lenta.ru/articles/2019/03/14/roscosmos/> accessed 14.07.2020.
12. Paskal' B. (1995) *Mysli* [Thoughts]. Moscow. 480 p. [in Russ.].
13. Petrovskiy V.A. (2015) *Mir psikhologii* [World of psychology], no. 3, pp. 14–37.
14. Pechenkin A.A. (2018) *Telknonauka kak kategoriya istorii estestvoznaniya* [Technoscience as a category of the history of natural science]. Moscow. Pp. 13–26. [in Russ.].
15. Pechenkin A.A. (2017) Godichnaya nauchnaya konferenciya, posvyashhennaya 85-letiyu IET RAN im. S. I. Vavilova [One-year scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the IET RAS S. I. Vavilova]. Moscow, Yanus. Pp. 327–330. [in Russ.].
16. Pechenkin A.A. (2017) Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S. I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferenciya [Institute of the History of Natural Science and Technology. S. I. Vavilova. Annual Scientific Conference]. Moscow, LENAD. Pp. 432–435. [in Russ.].
17. Rouz D. (2015) *Budushhee veshhej: Kak skazka i fantastika stanovyatsya real'nost'yu* [The future of things: How fairy tales and fiction become reality]; per. s angl. Moscow, Al'pina non-fikshn. 344 p. [in Russ.].
18. *Slovar' russkogo yazyka* (1985) [Dictionary of the Russian language] pod red. A. P. Evgen'evoy (ed). Moscow, Russkij yazyk. 696 p. [in Russ.].
19. *Teologicheskij entsiklopedicheskiy slovar'* (2003) [Theological Encyclopedic Dictionary]. U. E'lvella (ed). Moscow, Associaciya «Duxovnoe vozrozhdenie». 1488 p. [in Russ.].
20. Shiryaev V. (2020). *Novaya gazeta*. 2020. 2 July. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/07/02/86126-pervym-shagom-uprazdnil-by-monopoliyu-roskosmosa>, accessed 14.07.2020.
21. Shtompka P. (2012) *Doveriye — osnova obshhestva* [Trust is the foundation of society]. Moscow, Logos. 420 p. [in Russ.].
22. Shtompka P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of social change]. Moscow, Aspekt-Press. 416 p. [in Russ.].
23. Yartseva K.V. (2010) *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University], no. 4, pp. 87–90. [in Russ.].

Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 8 (442).
Философские науки. Вып. 57. С. 93–103.

УДК 130.1
ББК 87.6

DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10814

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА (к критике классической концепции Д. Белла)

Е. В. Пашицев

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Институциональным фундаментом постиндустриального общества является возникший в середине двадцатого столетия и ещё не до конца осознанный социальный феномен — содержательное разделение властей — экономической, политической и идеологической. Самостоятельная идеологическая власть возникла как продукт объективного отделения политической идеологии от практической политики и окончательного институционального оформления политических партий. Уравновесив рациональной волей общества своекорыстное давление экономической власти на политическое «коромысло», независимая идеологическая власть раз и навсегда обеспечила разрешение основного противоречия классического капитализма. Вопреки иллюзиям либерального мышления анализ социологической структуры постиндустриального общества позволяет включить уникальный советский социум в единую цепь мировой цивилизации. Выведение социологической формулы постиндустриального общества завершается анализом эмпирической природы классической концепции Д. Белла.

Ключевые слова: *формально-юридическое и содержательное разделение властей, общесоциологическая структура общественной формации, превращение индустриального общества в постиндустриальное.*

Выведение социологической формулы постиндустриального общества невозможно без опоры на более широкий теоретический фундамент, позволяющий рассматривать данный тип общества не как вершину мировой цивилизации, а как переходящую ступень в её развитии. На сегодняшний день выдержать такую концептуальную нагрузку способна только одна социально-философская конструкция — это классическое формационное учение Маркса, разумеется, с поправками на глобальные метаморфозы новейшей истории. Учитывая скептическое отношение к «изжившей» себя формационной парадигме, прислушаемся к мнению представителей западноевропейской философской мысли. Вот точка зрения Ж.-П. Сартра на предмет «эвристичности» марксистской исто-

рической теории: «сила и богатство марксизма заключались в том, что он представлял собой самую решительную попытку осветить исторический процесс в его тотальности» [15. С. 32]. Так же высоко оценивал методологический потенциал марксизма М. Вебер: «Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое *эвристическое* значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для *сравнения* с действительностью» [5. С. 404]. Что касается оценочной позиции М. Хайдеггера, то он самым недвусмысленным образом подчёркивает превосходство марксистской социальной теории: «Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд

на историю превосходит другие исторические теории» [18. С. 207].

Советская философская школа основательно поработала над совершенствованием понятийного состава формационной парадигмы. Однако упустила из виду главное — понимание универсальной социологической структуры формации «вообще», безотносительно к её конкретно-историческому содержанию. Причиной такого досадного недоразумения явилось прочное срастание формационного анализа с экономической матрицей мышления. Ведь, если все общественные формации являются экономическими, нет смысла выделять понятие формации *вообще*: «Формация вообще — логическая бессмыслица, поскольку, по определению, формация представляет конкретно-исторический тип общества» [6. С. 23].

Крутые повороты новейшей истории пробрили брешь в концептуальном фундаменте экономического детерминизма. Обнаружилось, что современный государственно-монополистический капитализм — это уже не чисто экономическая формация, а общественно-экономическая формация переходного, *политического* типа. Вот точка зрения известного американского социолога Н. Бирнбаума: «Упорство сторонников абсурдной идеологии свободного предпринимательства в Соединённых Штатах не должно ослеплять нас настолько, чтобы мы не смогли заметить столь очевидного в нашем обществе срастания государства и экономики» [3. С. 95]. Что касается неисчерпаемого по своему эвристическому потенциалу советского «эксперимента», то здесь мировая история впервые столкнулась с общественной формацией чисто политического типа, а именно: «коммунистический этатизм принадлежит к семейству общественно-политических формаций» [16. С. 148]. Сюда же можно отнести так и не решённую проблему «азиатского способа производства», явно выходящую за пределы концептуальных возможностей экономического детерминизма. Понятно, что эмпирически фиксируемое многообразие формационных типов общества уже не позволяет рассматривать понятие *формации вообще* как «логическую бессмыслицу».

Какова же универсальная структура общесоциологического понятия формации? Если развитие общества, согласно Марксу, это «естественноисторический» процесс, то в общесоциологической структуре формации должно быть зафиксировано не одно, а два противоречия: противоречие на уровне социальных фактов и противоречие на уровне

их идеологического осознания. Не случайно Маркс призывал отличать объективные истоки социального конфликта от тех «идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [11. С. 7]. В концептуальном поле исторического материализма эти два противоречия были зафиксированы, с одной стороны, как диалектика «производительных сил и производственных отношений», а с другой стороны, как диалектика «базиса и надстройки». Именно таким образом соблюдался, не всегда осознанно, принцип *стихийно-сознательной* детерминации общественных процессов.

Для построения общесоциологической модели общественной формации не хватает ещё одной базовой конструкции, а именно — понимания *трёхмерности* исторического пространства. Здесь мы можем сослаться как на западный, так и на отечественный опыт методологической рефлексии. Вот как зафиксировал эту трёхмерность исторического пространства американский социолог Т. Парсонс: «С точки зрения действия удобно классифицировать все объекты как состоящие из трёх классов объектов: социальных, физических и культурных» [14. С. 449]. В нашей отечественной социальной философии эта же объективная трёхмерность выражена следующим образом: «*сознательность* деятельности такая же фундаментальная черта человеческой деятельности, как *предметность* и *социальность*» [5. С. 37]. Если мы наложим трёхмерность исторического пространства на структуру формации «вообще», мы увидим, что два общесоциологических противоречия соединяются между собой с помощью трёх качественно определённых элементов, закрепляющих специфику исторического пространства. Первый элемент — это *материальное* (онтологическое) начало, которое в силу своей исторической давности и прочности не рефлектируется общественным сознанием. Логичнее всего обозначить данный элемент формации термином «непосредственная историческая основа». Это понятие использовал К. Ясперс, характеризуя значение эпохи Возрождения для европейской культуры: «Она — наша непосредственная историческая основа» [20. С. 97].

В силу того, что второй элемент формационной структуры соединяет два социологических противоречия и поэтому носит амбивалентный характер, удобнее, с методической точки зрения сразу, перейти к характеристике третьего элемента формации, выступающего в качестве феномена

исторического *целесолагания*. Этот элемент формационной структуры, придающий историческому процессу осознанный характер, целесообразно обозначить привычным термином «надстройка». В таком случае второй, «переходный» элемент формационной структуры действительно демонстрирует амбивалентный характер: с одной стороны, он систематизирует все «бессознательные» импульсы человеческой активности, а с другой стороны, выступает как *социальная* (организационная) основа целесолагающей функции «надстройки». Обозначим, как и в первых двух случаях, этот элемент формационной структуры с помощью привычного термина «базис». Итак, социологическая структура формации «вообще» предстаёт как простейшая теоретическая конструкция, включающая в себя два противоречия и три конституирующих элемента: непосредственную историческую основу, базис и надстройку.

Теоретическую модель постиндустриального общества можно вывести только из предшествующей формации. Поэтому, опираясь на полученную нами общесоциологическую структуру, попробуем построить теоретическую модель **индустриального** общества, то есть общества классического капитализма. Вопреки концептуальным навыкам ортодоксального марксизма «непосредственной исторической основой» индустриального общества является не материальное производство и даже не «производительные силы» как социологический эквивалент данного производства, а качественно иная структура социального пространства — *производственные отношения*. У Маркса этот социологический вывод о доминировании «социального» над «материальным» фиксируется следующим образом: «Это социальное отношение, производственное отношение фактически является ещё более важным результатом процесса, чем его материальные результаты» [12. С. 447]. На все недоуменные вопросы по поводу «отсутствия» материального производства в социологической структуре буржуазной формации следует недвусмысленный ответ классика марксизма: здесь «само производство было подчинено меновой стоимости» [12. С. 207]. Это означает, что материальное производство превратилось в одну из функций самовоспроизводящей себя системы производственных отношений. Эмпирическим доказательством этой социологической истины стали первые в человеческой истории кризисы перепроизводства.

Кристаллизация стихийно складывающихся производственных отношений рано или поздно

порождает новое системное качество общественной жизни, а именно: совокупность производственных отношений, функционирующая в рамках капитала, превращается в **экономическую форму власти**. Маркс это превращение фиксирует следующим образом: «В процессе производства капитал развился в командование над трудом, то есть над действующей рабочей силой, или самим рабочим» [8. С. 319]. Таким образом, «базисом» формационной структуры классического капитализма становится экономическая власть, а противоречивое отношение производственных отношений (**ПО**) и экономической власти (**ЭВ**) выступает как основное (базовое) противоречие буржуазной общественной организации:

ПО – ЭВ.

Если в рамках экономического анализа данное отношение фиксируется как противоречие между общественной формой производства и частной формой присвоения, то на уровне социологической рефлексии данное противоречие выступает как объективно необходимый *институциональный способ производства*. И действительно, здесь функционирование института собственности (а наёмный работник — это собственник своей рабочей силы) регулируется институтом частной собственности, поскольку частная собственность в структуре социальных отношений выступает как экономическая форма власти.

Остаётся выяснить, каким образом возникает сознательная форма разрешения исходного противоречия буржуазной общественной организации. Логика здравого смысла подсказывает: возникшая экономическая власть сама требует властного регулирования. Этот процесс начинается уже в условиях зрелого феодализма, когда стихийно возникающая высшая экономическая власть начинает преодолевать феодальную раздробленность удельных княжеств. Речь идёт о королевской власти, которая «была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства» [19. С. 411]. Общепризнанным является положение о том, что процесс образования наций был вызван в первую очередь экономическими причинами — возрастанием роли товарно-денежных отношений и складыванием единого рынка труда и капитала. Для успешного функционирования единого экономического пространства необходима была единая система правового регулирования, что и подтверждает

современная юридическая наука: «Развивающиеся отношения обмена требуют унификации положения в провинциях и соответственно устранения “партикуляризма” в праве» [9. С. 17]. Но это уже зарождение **политической власти**, поскольку возникающее буржуазное государство берёт на себя функции верховного законодателя. Таким образом, многообразие отдельных экономических властей впервые обретает целостное юридическое выражение и единый политический масштаб. Вот это внутренне противоречивое и в то же время целостное единство экономической и политической власти (**ЭВ – ПВ**) как раз и выступает в качестве *сознательной* формы разрешения базового противоречия классического буржуазного общества. Важно отметить: здесь социологический анализ окончательно преодолевает методологические рамки классического марксизма, поскольку противоречивое единство двух форм власти представляет собой не «способ производства», а *институциональный способ управления*.

Итак, перед нами общесоциологическая формула классического буржуазного общества:

ПО – ЭВ – ПВ,

где *институциональный способ производства (ПО – ЭВ)* регулируется с помощью *институционального способа управления (ЭВ – ПВ)*. Отдавая должное объективной логике социального прогресса, необходимо констатировать: переход к полному институциональному единству общества является высшим историческим достижением буржуазной цивилизации. Остаётся лишь добавить: «полунатуральный» (кровнородственный) *институт семьи* и вырастающие из него производительные силы (**ПС**) общества не входят в структуру классического капитализма. Этот элемент является «непосредственной исторической основой» предшествующей, то есть феодальной общественной формации. Концептуальная незрелость классического формационного анализа проявилась в том, что базовое противоречие феодализма (между производительными силами и производственными отношениями) было перенесено на все общественные формации, как предыдущие, так и последующие.

Переходим к выведению социологической формулы постиндустриального общества. В соответствии с имманентными законами рыночной конкуренции классический (рыночный) капитализм постепенно превращается в капитализм **монополистический**. Это означает, что «непосредственной исторической основой» буржуазного общества

всё в большей степени становится экономическая власть (**ЭВ**) монополий, а не гигантская динамическая сеть производственных отношений (**ПО**). Как только власть монополий достигает своей «критической массы», классический капитализм переходит в свою высшую фазу — фазу **империализма**. Символически эту социальную ступень в развитии буржуазной цивилизации можно выразить следующим образом:

ПО – (ЭВ – ПВ).

Вынесение производственных отношений за скобки свидетельствует о том, что для большинства населения рынок ещё продолжает играть роль «непосредственной исторической основы», но объективно он уже утрачивает своё прежнее влияние на систему общественных отношений. Монополии, исчерпав все внутренние резервы увеличения прибыли, устремляются во внешнеполитическое пространство, борясь за передел уже поделённого мира. При этом буржуазное государство, будучи по своей природе «концентрированным выражением экономики», ничего не может противопоставить этому экономическому давлению. Возникает не ограниченное никакими нормами агрессивное срастание экономической и политической власти (**ЭВ – ПВ**), которое «подарило» человечеству первое в истории кровопролитное столкновение мирового масштаба.

Вождь российского пролетариата совершенно справедливо охарактеризовал империализм как «высшую и загнивающую» стадию капитализма. Но в одном он оказался не прав: империализм является последней стадией *классического* капитализма, но не капитализма вообще. Ужасы Первой мировой войны и драматические события Великой депрессии заставили правителей Старого и Нового света интуитивно расширить границы классического буржуазного общества. От практической политики (**ПВ**) с её традиционным слиянием управленческих и руководящих функций отделяется политическая идеология. По законам социального пространства ставшая независимой политическая идеология превращается в самостоятельную *идеологическую власть (ИВ)*, закрепив себя с помощью института политических партий. Обратимся за подтверждением к справочному изданию: «разграничение политических партий, соответствующее расстановке основных классовых сил общества, достигается лишь в условиях зрелого капитализма» [17. С. 482]. С этого момента основное противоречие классического капитализма

перестаёт быть неразрешимым. Свокорыстное давление экономической власти на ставшую суверенной политической властью всё в большей степени уравнивается политическим влиянием и информационной силой самостоятельной идеологической власти. Рождается новая общественная формация — постиндустриальное общество, то есть общество **зрелого капитализма**, социологическую формулу которого можно выразить следующим образом:

ЭВ – ПВ – ИВ.

Инструментальная зрелость данной общественной системы определяется тем, что все сферы общественной жизни охватываются здесь одним и тем же **способом управления**: с одной стороны, *институциональным способом управления (ЭВ – ПВ)*, где две ветви власти контролируют хозяйственную жизнь общества, а с другой — *идеологическим способом управления (ПВ – ИВ)*, с помощью которого политическая и идеологическая власть насаждают господствующую политическую идеологию. Перед нами действительно высшая (а значит, конечная) ступень в развитии западной цивилизации, реализующая в полной мере социальный механизм *содержательного разделения властей*. К слову сказать, несоответствие «четвёртой», то есть президентской, власти 10-й статье Конституции РФ свидетельствует о том, что содержательное разделение властей не может не доминировать над формально-юридическим разделением законодательной, исполнительной и судебной власти.

Рассмотрим основные теоретические следствия, вытекающие из социологической формулы постиндустриального общества. Мы видим, что «непосредственной исторической основой» постиндустриального общества является уже не рынок, то есть совокупность производственных отношений (**ПО**), а экономическая власть (**ЭВ**) монополий. Возникновение и развитие акционерной формы капитала в ещё большей степени укрепило этот социально-экономический фундамент зрелого капитализма, поскольку благодаря свободной покупке акций миллионы тружеников превращаются в «рядовых капиталистов». В свою очередь, «базисом» постиндустриального общества становится политическая власть, при этом её институциональная структура качественно меняется. На смену традиционному *политическому* государству, соединяющему руководящие и управленческие функции, приходит институт *правового* государства. Объ-

ективный смысл этой «демократической» трансформации очевиден: политическая власть, ставшая идеологически свободной от экономического давления, но утратившая функции исторического целеполагания, с неизбежностью сосредоточивается на самой себе, то есть начинает защищать правовые основы государственного устройства. Остаётся уточнить: вопреки широко распространённым либеральным иллюзиям «правовое государство» защищает не права граждан, а *верховное право* государственной машины быть единственным «распределителем» совокупной социальной свободы общества.

Как видим, качественная специфика и историческая новизна постиндустриального типа общества связаны прежде всего с расширением социального пространства мировой цивилизации и появлением независимой идеологической власти, выступающей в качестве «надстройки» данного типа общества. Три важнейших следствия вытекают из этого общесоциологического вывода. Во-первых, с возникновением постиндустриального общества завершается громадная эпоха стихийного, «естественноисторического» развития общества. Источником социальных кризисов становится уже не стихийно складывающаяся экономическая реальность, а реальность политическая, порождающая неразрешимое противоречие между сознанием управляющих и управляемых. При этом не важно, в какой сфере происходит это столкновение — в сфере экономической, государственной или идеологической политики. В каждой из этих сфер происходит насильственное присвоение чужой человеческой воли. Во-вторых, происходит качественный скачок в совершенствовании социальной структуры западного общества, поскольку разрешение неизбежных конфликтов между различными сферами постиндустриального социума перемещается из институциональной сферы в более демократичное «правовое» поле. Объясняется это не «доброй волей» правящей верхушки общества, а тем, что содержательное разделение властей исключает возможность силового давления в межвластных промежутках социального пространства. И, наконец, третье, самое радикальное следствие постиндустриального переустройства западного общества — это **властная** организация его духовного пространства. Независимая идеологическая власть, обеспечивая «порядок» в сфере общественного сознания, в силу своей имманентной институциональной природы устанавливает предел духовной истории человечества. Возникший

в недрах западной культуры тезис о «конце истории» зафиксировал в мелодраматической форме реальный социокультурный факт — резкое сужение пространства духовной свободы индивидов. Поэтому, соблюдая необходимую политкорректность, можно было бы добавить: небезызвестный в своё время К. Поппер несколько погорячился, защищая «открытое общество» от его врагов. На самом деле современная западная система является открытой только в институциональном отношении (всё регулируется и контролируется), но является патологически закрытой в отношении к принципиально нерегулируемой сфере духовного творчества.

Но, пожалуй, главным преимуществом социологической формулы постиндустриального общества является то, что она позволяет включить в единую цепь мировой цивилизации совершенно «алогичный» для западной культуры феномен первого планового общества. Чтобы выявить реальные истоки «советского чуда», обратимся к любимой российскими либералами эпохе «новой экономической политики». После неудачной «красногвардейской атаки» на капитал советское правительство вынуждено было частично легализовать институт частной собственности, то есть передать *экономическую власть (ЭВ)* в руки мелкой и средней буржуазии. При этом *политическая власть (ПВ)* оставалась в руках тогда ещё пролетарского государства, а *идеологическая власть (ИВ)*, как и следовало ожидать, контролировалась большевистской партией. Присмотревшись внимательнее к этой новой социальной конструкции, мы увидим, что, несмотря на громадное техническое и культурное отставание от Запада, в Советской России возникла первая в истории модель *постиндустриального общества*. На этом реальном социально-историческом фоне привычная концепция *догоняющего* развития России выглядит не очень убедительно. Однако на постиндустриальной ступени ещё не заканчивается революционная история российского общества. Как только нэп в той или иной степени помог восстановить хозяйственную жизнь страны, интересы новой, советской бюрократии и жгучее недовольство героев гражданской войны заставили политическое руководство во главе со Сталиным окончательно «элиминировать» институт частной собственности, то есть независимую экономическую власть. На политической карте мира появился самостоятельно существующий верхний «обломок» постиндустриального общества, а именно — идеологический способ управления (*ПВ – ИВ*). Совершился прорыв российской

цивилизации в совершенно новую эпоху — *эпоху политических формаций*. Нельзя не отметить драматический аспект советской истории: более семидесяти лет советское общество жило по законам политического детерминизма (именуемого «тоталитаризмом», авторитаризмом» и т. д.), исповедуя в теории концептуальную логику экономического детерминизма.

В соответствии с объективными законами социального пространства политическая власть, отнявшая у граждан самостоятельные экономические функции, с необходимостью превращается в «общенародное государство», вынужденное обеспечивать в политически централизованном обществе единую *экономическую политику (ЭП)*, а монополярная идеологическая власть правящей партии превращается в руководящий социальный институт, насаждающий в российском обществе единую *политическую идеологию (ПИ)*. Это и есть социологическая формула первого планового общества (*ЭП – ПИ*), в тесном пространстве которого бюрократическое государство и монополярная политическая партия так до конца и не смогли разграничить управленческие и руководящие функции. Исторический итог этого противостояния известен: в ходе «перестройки» бюрократическое государство указом Б. Н. Ельцина отменило идеологический контроль за деятельностью государственных и хозяйственных чиновников.

Приведённая социологическая формула советского общества выглядит неполной, поскольку не учитывает влияние свободолюбивого «человеческого фактора». Поэтому мы обязаны на экономическом полюсе структуры планового общества зафиксировать «теневую экономику», то есть преследуемую государством незаконную *экономическую власть (ЭВ)* советских частных собственников, а на политическом полюсе — духовный протест наиболее развитой части общества, отрицающей любые формы принудительного единомыслия. Этот духовный стержень многослойной советской культуры можно было бы назвать *гуманистической идеологией*, поскольку объективно духовный протест был направлен против политического неравенства управляющих и управляемых. Но здесь мы сталкиваемся с неизбежным социальным парадоксом: отмена политического неравенства сама есть политический процесс. Поэтому более точным будет традиционно «революционный» термин *коммунистическая идеология (КИ)*, то есть особая политическая идеология, которая с учётом уроков советского «эксперимента» ставит на повестку дня

преодоление не только экономического, но и политического неравенства. Итак, окончательная социологическая формула первой политической формации выглядит следующим образом:

ЭВ – (ЭП – ПИ) – КИ.

Сравнительно недолговечное существование первого планового общества объясняется неравностью его социальной структуры. Если классический **капитализм** продлил своё существование, уравнив экономическую власть самостоятельной идеологической властью и превратившись в современное постиндустриальное общество, то классический советский **бюрократизм** оказался неспособен расширить своё социальное пространство и превратиться в планово-демократическое общество. Давление экономической *политики* на *политическую* идеологию могло быть уравновешено только идеологией неполитической, отрицающей систему политического неравенства. Но для возникновения такой идеологии требовался высокий уровень духовной культуры общества, хотя бы на уровне интеллектуальной элиты. Однако в условиях политической деградации позднего советского общества идущие в нём духовные процессы так и не смогли достичь своей «критической массы». В результате политическая элита, оказавшись после «путча» в тупиковой ситуации, пришла к отрезвляющему историческому выводу о необходимости вернуть Россию в «лоно мировой цивилизации». Началась стремительная трансформация прежней социальной системы: гонимая «теневая экономика» стала уважаемой частной собственностью, единая «экономическая политика» общества превратилась в равнодушную к населению политическую власть, а единая «политическая идеология» обрела статус анонимной идеологической власти, отданной на откуп политическим партиям и средствам массовой информации. Что касается «коммунистических» иллюзий рядового народонаселения, то они так и остались существовать в виртуальном пространстве отечественной истории. Такова социологическая интерпретация перестроечного периода в истории российской цивилизации.

Для достижения логической полноты исследования соотнесём теоретическую модель постиндустриального общества с его эмпирическим описанием в западной литературе. Три основные черты выделяет Д. Белл, характеризуя специфику постиндустриальной организации общества: «1) переход от индустриального к сервисному об-

ществу; 2) решающее значение кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических инноваций; 3) превращение новой “интеллектуальной технологии” в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений» [2. С. 330]. Легко увидеть, что переход к сервисному типу общества является неизбежным следствием содержательного разделения властей. Там, где все сферы человеческой деятельности обрели общую для них метрику властного пространства, «материальное» перестаёт быть первичным и становится одной из разновидностей статусного потребления. Здесь перед нами открывается широчайший диапазон — от бытового статусного потребления, для которого важна не вещь сама по себе, а имидж её владельца, до «статусной» гонки вооружения, где каждая самодостаточная государственная машина ревниво демонстрирует свой военно-промышленный потенциал.

В свою очередь, «решающее значение кодифицированного теоретического знания» диктуется усилением рациональности современного общественного устройства. Содержательное разделение властей делает общественную систему очень чувствительной к потенциальным возможностям теоретического знания, поскольку сила научного знания легко конвертируется в любую форму власти. Поэтому «кодифицированное теоретическое знание» становится символическим основанием универсальной системы власти, а «символическое могущество, — писал Ж. Бодрийяр, — всегда превосходит могущество оружия и денег» [4. С. 124].

И наконец «превращение интеллектуальных технологий в ключевой инструмент принятия решений» является свидетельством того, что властная организация духовной сферы общества начинает проникать в сердцевину самой культуры, порождая тревожное ощущение иррациональности основных социальных институтов. Именно об этом писал в своё время Г. Маркузе: «Мы вновь сталкиваемся с одним из наиболее раздражающих аспектов развитой индустриальной цивилизации: рациональным характером его иррациональности» [13. С. 12]. Не случайно, на смену традиционным культурным символам «художников», «революционеров» и «пророков» приходит дисциплинированное и равнодушное к метафизическим проблемам поколение «экспертов».

Как видим, все ключевые характеристики постиндустриального общества, перечисленные в концепции Д. Белла, являются всего лишь следствием

более глубоких социально-исторических закономерностей. Это позволяет охарактеризовать концепцию американского социолога как сугубо эмпирическое построение. Эмпирический уровень познания — это исходное основание науки, поэтому мы обязаны показать то позитивное содержание концепции Д. Белла, которое обеспечивает ей статус социологического знания. Нельзя не согласиться с мнением российского исследователя В. Л. Иноземцева, утверждающего, что основной метод Д. Белла — это признание относительной автономности трёх основных сфер социальной жизни [7. С. XIX], именуемых самим автором концепции как «технично-экономическая система», «политический строй» и «сфера культуры». Понимание трёхмерности исторического пространства, пусть гносеологически и не отрефлектированное, позволяет Д. Беллу описывать сложную динамику многофакторного исторического процесса, а также обеспечивает абстрактную возможность выйти за пределы разработанного Марксом материалистического понимания истории. Однако эмпирические основания данного метода так и не позволили американскому учёному построить целостный социологический каркас реально существующего постиндустриального общества.

Два главных теоретических барьера так и остались непреодоленными в концепции Д. Белла. Первый барьер — это необходимость теоретического осознания феномена содержательного разделения властей, завершившего процесс институционализации исторического пространства. Без понимания природы идеологического отчуждения невозможно, выражаясь словами М. Хайдеггера, проникнуть в «сущностное измерение истории». Второй теоретический барьер, обусловивший эмпирический характер постиндустриальной концепции, является сознательный отказ Д. Белла от использования системного подхода. Отстаивая свои методологические предпочтения, уважаемый учёный почти менторским тоном поучает: «Самое прискорбное заблуждение в социальных науках заключается в рассмотрении характера общества через призму одного главного понятия, будь то *капитализм* или *тоталитаризм*» [1. С. CXLIX]. На самом деле именно выделение «главного понятия» позволяет учёному теоретически систематизировать исследуемую им социальную реальность. Величайшая научная заслуга К. Маркса заключается в том, что, обнаружив определяющую роль экономического фактора, он сумел показать системный характер классического буржуазного общества,

производный характер его политических, правовых и идеологических надстроек. Задача современного общественнознания состоит в необходимости сознательного перехода от методологии экономического детерминизма к концепции политического детерминизма.

Выделяемые Д. Беллом три якобы автономные сферы социальной жизни в ходе практической деятельности людей не могут не соприкасаться друг с другом, и из этого повседневного «соприкосновения» складывается иерархическая структура современного постиндустриального общества. Вот почему, отрицая системообразующий характер «политического строя», Д. Белл вынужден был признать объективный политологический факт: «Дело в том, что для любого общества главные решения — политические, а эти решения не являются производными от экономических факторов» [2. С. 333]. Зададим простой вопрос: что получится, если мы соединим «главные политические решения» с их независимостью от «экономических факторов»? Получится стыдливое признание концептуальной логики политического детерминизма.

Таким образом, мы приходим к выводу, что автор концепции постиндустриального общества остановился на полпути. Оказавшись в проблемной ситуации, Д. Белл отрицает решающее значение экономического фактора, то есть методологический потенциал экономического детерминизма, но не решается перейти окончательно на методологические позиции политического детерминизма. В качестве оправдания нерешительности талантливого американского учёного следует учесть два объективных обстоятельства. Во-первых, современное постиндустриальное общество является экономической формацией *переходного* политического типа. Поэтому для буржуазного учёного, не знающего изнутри плюсы и минусы политически централизованной системы, чрезвычайно трудно занять однозначную теоретическую позицию. Во-вторых, появление на исторической арене общественной формации чисто политического типа было воспринято западным научным сообществом как «аномалия» истории. Чтобы ощутить теоретическое и моральное превосходство политической консолидации общества, нужна недоступная для западных интеллектуалов романтическая вера советского человека в социальную справедливость. Быть может, эта нравственная вера — главное историческое достижение всего советского периода. Учитывая драматический финал «социалистического эксперимента» и реальный уровень духовной

культуры общества, российская социологическая мысль обязана сегодня разработать максимально демократическую модель постиндустриального общества. Таковую модель, которая окажется в со-

стоянии на практике проложить мост от изжившей себя эпохи экономических формаций к эпохе грядущих политических формаций.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia 1999. 788 с.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 330–343.
3. Бирнбаум Н. Кризис в марксистской социологии // Американская социологическая мысль: тексты. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 94–120.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. 258 с.
5. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
6. Ершов Ю. Г. Человек. Социум. История: социально-философские проблемы теории исторического процесса. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 151 с.
7. Иноземцев В. Л. Предисловие // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999.
8. Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. М. : Политиздат, 1969. 783 с.
9. Ливанцев К. Е. История буржуазного государства и права. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 228 с.
10. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М. : Политиздат, 1960. 907 с.
11. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М. : Политиздат, 1959. С. 1–167.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. М. : Политиздат, 1968. 559 с.
13. Маркузе Г. Одномерный человек. М. : REEL-book, 1984. 368 с.
14. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1994. С. 448–464.
15. Сартр Ж.-П. Проблемы метода: статьи / пер. с фр. В. П. Гайдамака. М. : Акад. проект, 2008. 222 с.
16. Стоянович С. От марксизма к постмарксизму // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 145–154.
17. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
18. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.
19. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. М. : Политиздат, 1961. С. 406–416.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. 528 с.

Сведения об авторе

Пашинцев Евгений Васильевич — доктор философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск, Россия. izobretatel49@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 93–103.*

SOCIOLOGICAL FORMULA OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY (To the criticism of the classical concept of D. Bell)

E.V. Pashintsev

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. izobretatel49@mail.ru

The institutional Foundation of post-industrial society is a social phenomenon that emerged in the middle of the twentieth century and has not yet been fully realized — a meaningful separation of powers — economic, political and ideological. Independent ideological power emerged as a product of the objective separation of political ideology from practical politics and the final institutional design of political parties. By balancing the self-serving pressure of economic power on the political “yoke” with the rational will of society, independent ideological power once and for all provided a solution to the main contradiction of classical capitalism. Despite the illusions of liberal thinking, the analysis of the sociological structure of post-industrial society makes it possible to include a unique Soviet society in a single chain of world civilization. The derivation of the sociological formula of post-industrial society ends with an analysis of the empirical nature of the classical concept of D. Bell.

Keywords: *formal-legal and substantive separation of powers, General sociological structure of social formation, transformation of industrial society into post-industrial, prospects and deadlocks of post-industrial civilization.*

References

1. Bell D. (1999) Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The Coming of post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow, Academia Publ. 788 p. [in Russ.].
2. Bell D. (1986) Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West]. Moscow, Progress Publ. P. 330–343. [in Russ.].
3. Birnbaum N. (1994) Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty [American sociological thought: texts]. Moscow. P. 94–120. [in Russ.].
4. Baudrillard, J. (2000) Prozrachnost' zla [Transparency of Evil]. Moscow, Dobrosvet Publ. 258 p. [in Russ.].
5. Weber M. (1980) Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Progress Publ. 808 p. [in Russ.].
6. Ershov Y.G. (1990) Chelovek. Sotsium. Istoriya: sotsial'no-filosofskiye problemy teorii istoricheskogo protsesssa [Man. Socium. History: social and philosophical problems of the theory of the is-toric process]. Sverdlovsk, Publishing House of Ural University. 151 p. [in Russ.].
7. Bell D. (1999) Ryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [Future post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow, Academia. [in Russ.].
8. Lenin V.I. (1969) Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works. Vol. 29]. Moscow, Politizdat publ. 783 p. [in Russ.].
9. Lebanese K.E. (1986) Istoriya burzhuaznogo gosudarstva i prava [History of the bourgeois state and law]. Leningrad. 228 p. [in Russ.].
10. Marx K. (1960) Marx K., Engels F. Sochineniya [Writings. Vol. 23]. Moscow, Politizdat Publ. 907 p. [in Russ.].
11. Marx K. (1959) Marx K., Engels F. Sochineniya [Writings. Vol. 13]. Moscow, Politizdat Publ. P. 1–167. [in Russ.].
12. Marx K. (1968) Marks K., Jengel's F. Sochineniya [Writings. Vol. 46, part 1]. Moscow, Political Science. 559 p. [in Russ.].
13. Marcuse H. (1984) Odnomernyy chelovek [One-dimensional man]. Moscow, REEL-book. 368 p. [in Russ.].
14. Parsons T. (1994) Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty [American sociological thought: texts]. Moscow. Pp. 448–464. [in Russ.].

15. Sartre Zh.P. (2008) Problemy metoda: stat'i [Problems of the method: articles]. Moscow. 222 p. [in Russ.].
16. Stoyanovich S. (1990) *Voprosy Filosofii*, no. 1, pp. 145–154. [in Russ.].
17. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (1983) *Philosophical encyclopedic dictionary*. Moscow, Soviet encyclopedia Publ. 840 p. [in Russ.].
18. Heidegger M. (1993) *Vremya i bytiye: stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow, Republic Publ. 447 p. [in Russ.].
19. Engels F. (1961) Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 21]. Moscow, Politizdat Publ. P. 406–416. [in Russ.].
20. Jaspers K. (1994) *Smysl i naznachenije istorii* [Meaning and purpose of the story]. Moscow, Republic Publ. 528 p. [in Russ.].

ОБРАЗ ЗАПАДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ЗАПАДНИКОВ

А. И. Павловский

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Исследуется понимание русскими западниками специфики западного общества, для чего анализируются и обобщаются описания и философские высказывания ключевых представителей этого течения. Обосновывается, что они игнорировали ключевой аспект западного опыта, его фундированность индивидуализмом и доминированием частного интереса, поэтому в своей реконструкции данного опыта русские западники фактически подменяли его.

Ключевые слова: индивидуализм, комфорт, модернизация, образ Запада, русские западники, цивилизованность, частный интерес.

На протяжении длительного периода своей истории Россия сталкивалась с проблемой догоняющей модернизации, вызванной желанием осовременить свои практики, привести их в соответствие с вызовами, обусловленными изменениями, происходившими в обществах Запада, который и выступал ориентиром для практической трансформации в России. Но процесс этот болезненно переживался российским обществом, а его последствия провоцировали в обществе острую дискуссию о путях развития России, которая сопровождала «прорывы» модернизации, и наиболее показательным эпизодом этой дискуссии был идеологический спор западников и славянофилов в XIX в., в котором осмыслились последствия петровской модернизации и который, в свою очередь, предвещал большевистскую. Сам факт модернизации позволяет предположить, что западничество в этом споре одержало хотя бы относительную победу, но сомнительность последствий этих обновлений приводит к выводу, что понимание западничеством будущего России содержало какой-то дефект, ибо последствия эти, что очевидно, не привели к повторению в нашей стране западного опыта. Наше предположение заключается в том, что дефект этот коренится в самом «видении» Запада русскими западниками, созерцавшими его изнутри отечественной культурной традиции.

Прежде всего следует отметить, что не все европейские страны были для западников тем самым примером, на который должна была ориентироваться в своём развитии Россия. В качестве такого примера выступали прежде всего Англия и Франция, поэтому им уделялось особое внимание в философских и художественных сочинениях. Именно эти «...два государства получили у них бессроч-

ный кредит доверия и самые горячие симпатии. Англия и Франция в разной степени определяли, по мнению русских либералов, маршрут цивилизационного развития» [13. С. 247]. И далее: «Среди них легко найти англоманов и франкофилов и невозможно обнаружить горячих почитателей и поклонников других европейских государственных образований» [13. С. 254].

И. А. Гончаров поэтизирует английского купца как двигателя цивилизации и прогресса: «Ваши музы, любезные поэты, законные дочери парнасских Камен, не подали бы вам услужливой лиры, не указали бы на тот поэтический образ, который кидается в глаза новейшему путешественнику <...> образ этот властвует в мире над умами и страстями. Он всюду: я видел его в Англии — на улице, за прилавком магазина, в законодательной палате, на бирже. Всё изящество образа этого, с синими глазами, блестит в тончайшей и белейшей рубашке, в гладко выбритом подбородке и красиво причёсанных русских или рыжих бакенбардах <...> Я видел его на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чая, взглядом и словом, на своём родном языке, повелевающего народами, кораблями, пушками,двигающего необъятными естественными силами природы <...> Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой!» [4. С. 69–70]. И всюду, куда англичанин приходит, он приносит с собой «кусочек Англии»: «Устройство лавок, искусство раскладывать товар — всё напоминает Англию. И здесь, как там, вы не обязаны купленный товар брать с собою: вам принесут его на дом. Другие магазины ещё более напоминают Англию, только с лёгким провинциальным оттенком» [4. С. 186].

Одновременно с этим он и «весь мир» привносит в Англию, в которой оказывается представленным всё лучшее, чем могут похвастаться другие страны и регионы. «Самый Британский музей <...> разве не есть огромная сокровищница, в которой не только учёный, художник, даже просто фланёр, зевака, почерпнёт какое-нибудь знание, уйдёт с идеей обогатить память свою не одним фактом? <...> Между прочим, я посвятил с особенным удовольствием целое утро обозрению зоологического сада. Здесь уже я видел не мумии и не чучелы животных, как в музее, а живую тварь, собранную со всего мира. Здесь до значительной степени можно наблюдать некоторые стороны жизни животных почти в естественном состоянии» [4. С. 93]. И далее: «Наконец, если нечего больше осматривать, осматривайте просто магазины: многие из них тоже своего рода музеи — товаров. Обилие, роскошь, вкус и раскладка товаров поражают до уныния» [4. С. 93].

Но если Англия, таким образом, представляется как торговый центр мира, то Франция — как промышленный. Д. В. Григорович пишет: «Нѣтъ въ цѣлой Франціи города, который не рвался-бы опередить другой мануфактурною своею дѣятельностью и не доставлялъ-бы Парижу своего промышленнаго обрашника. Всѣ эти предметы вошли въ общее употребленіе, сдѣлались общею потребностью, покупаются цѣлым міромъ» [5. С. 169].

Вся остальная Европа является периферией Западной цивилизации, находящейся на более низком уровне развития, нежели её центр, а потому выступает объектом лишь этнографического интереса [13. С. 252]. Особенно в этом отношении интересна Южная Европа, которую русские западники активно посещали.

И. А. Гончаров пишет, побывав на Пиренейском полуострове: «На юге вообще работать не охотники; но уж так лениться, что нигде ни признака труда, — это из рук вон» [4. С. 132]. С ним согласен и Д. В. Григорович: «Южный человек уже по природѣ своей слишкомъ беспеченъ и пылокъ» [5. С. 231], отмечая к тому же «невѣжественную точку зрѣнія народа въ отношеніи къ торговлѣ и вообще промышленнымъ людямъ; нелѣпое, безумное чувство ненависти и презрѣнія къ послѣднимъ» [5. С. 242]. Результатом является отмеченная В. П. Боткиным отсталость Испании, которую он наблюдал, начиная с постоянных дворов, которые «несколько не изменились со времени странствования Дон-Кихота» [1. С. 7], что представляло для него разительный контраст с соседней Францией.

Особенно интересно объяснение, которое даёт этой отсталости сам В. П. Боткин. Он обращает внимание на то, что различные региональные общества Испании не чувствовали своего общегосударственного единства и держались за свои частные интересы и привилегии: «Каталония и провинции васконгадские до сих пор смотрят на конституционный уровень как на деспотизм <...> С месяц назад каталонцы взбунтовались за то, что с них правительство требовало рекрут на основании общего закона о рекрутстве, тогда как, по провинциальным правам своим, городские и сельские общины вместо рекрут вносили известную сумму денег. В подобных случаях испанец не рассуждает, соответствует ли его дело справедливости и общему праву, ему несколько не кажется странным деньгами платить тот налог, который другие платят кровью» [1. С. 9–10].

Эта формулировка является очень странной, и её объяснение в «Письмах об Испании» В. П. Боткина отсутствует, что и не удивительно, так как художественное произведение и не подразумевает сложных теоретических рассуждений. Но подобное отношение к частному интересу не является уникальным, поэтому мы можем обратиться к теоретическим рассуждениям другого западника, Б. Н. Чичерина, который дал свою трактовку эволюции социальных взаимоотношений в Европе. Обращаясь к периоду возникновения варварских государств Европы, он отмечает свойственное варварам преувеличенное представление о личной свободе, незнакомое античному миру, которое и легло в основание средневекового общества: «Свобода выступила здѣсь во всей своей противогосударственной крайности, вслѣдствіе чего самое государство не могло существовать. Общественный бытъ среднихъ вѣковъ слагался изъ частныхъ сдѣлокъ и отношеній; въ немъ господствовали начала частного права, собственность, договоръ» [12. С. 200]. Б. Н. Чичерин противопоставляет средневековое и современное представительства. В средневековом происходило «сближеніе разнородныхъ элементовъ, имѣвшихъ каждый свои права и интересы» [12. С. 204], что обеспечивало их «случайное согласіе, за которымъ слѣдовали раздоры и пререканія» [12. С. 204–205]. Современное же имело своей основой «не права вольнаго человека, какъ въ средніе вѣка, а требованія свободы гражданской и политической, какъ одного изъ основныхъ элементовъ государственной жизни» [12. С. 205]. Суть противопоставления в том, что в первом случае

речь идёт о согласовании и уравнивании множества частных интересов, а во втором — о попытке надлежащим образом выразить общегосударственный интерес. Развивая эту мысль, Б. Н. Чичерин вступает в дискуссию с европейским либерализмом в лице Дж. С. Милля, который считал, что в представительных органах должно быть представлено максимальное количество разных позиций. Отечественный юрист, напротив, считает, что представительство «имѣеть цѣлью возвести общественное мнѣніе на высшую ступень, откинувъ отъ него всё личное, случайное, и оставивъ одно существенное» [12. С. 7]. В этом прослеживается определённая историческая логика, согласно которой на смену причудливому переплетению частных интересов в качестве основы социальных взаимоотношений приходит представление об общем интересе.

Вместе с тем подобная разделённость Запада не мешает по крайней мере части русских западников понимать его как нечто единое. Так, П. Я. Чаадаев постулирует существование определённого универсального круга идей, который является следствием «...той огромной духовной работы в течение восемнадцати веков, в которой участвовали все страсти, все интересы, все страдания, все воображения, все усилия разума» [10. С. 334]. Аналогичную мысль высказывает и Б. Н. Чичерин, отмечая, что в отличие от восточных народов, которые мало влияют друг на друга, с западными народами всё обстоит немного не так. «Христіанскіе народы живутъ общемою жизнью, дѣйствуя другъ на друга и совокупными усиліями подвигая дѣло челоувѣчества. Каждый изъ нихъ на столько имѣеть значенія въ исторіи, на сколько участвуетъ въ этомъ общеніи <...> Обособленіе есть упадокъ; оно обрекаетъ народъ на безплодіе» [12. С. 199].

Здесь важно обратить внимание на два тезиса. Во-первых, на отождествление дела христианских народов с делом человечества, а во-вторых, с провозглашением вторичности частных интересов перед общими не только на уровне отдельного государства, но уже и на уровне всего человечества. А это значит, в свою очередь, что Запад мыслится здесь не как конкретно-исторический, а как глобально-человеческий феномен, который имеет значение потому, что посредством его на христианском основании реализуется принципиально общечеловеческая история. Этот подход позволяет осмысливать современный им западный опыт двояко, отделяя те его особенности, которые рассматриваются как составные части глобальной

исторической миссии, от тех, которые представляют собой историческую случайность.

Часть русских западников были религиозны, поэтому совершенно не удивительно, что они интерпретировали всё это в рамках христианского видения истории. Наиболее последовательно это удалось В. С. Соловьёву в «Трёх разговорах», где становление глобальной мировой цивилизации и история Антихриста являются составными частями одной сюжетной мозаики. С каждым из разговоров герои погружаются на всё более глубокие уровни понимания происходящего, при этом религиозные смыслы открываются только на последнем уровне, что демонстрирует нам их скрытость в текущей действительности. Запад не православен, а в XIX в. ещё и достаточно секулярен, людьми движут цели, далёкие от религиозных, поэтому и христианская логика истории проявляется не напрямую, а подобно гегелевской «хитрости мирового разума», а потому и действие её видно только тогда, когда человеческая история рассматривается целиком.

Эта скрытость внутренней логики человеческой истории у В. С. Соловьёва демонстрируется тем, что в последний, критический момент на стороне добра оказывается меньшинство: «три сблизившиеся между собой кучи людей, жавшихся около старца Иоанна, папы Петра и профессора Паули» [8. С. 754]. Показательно, что среди этого меньшинства оказываются духовные лидеры всех трёх основных направлений христианства, частное и партикулярное, разъединяющее их в предшествующей повседневной жизни, оказывается отброшено.

Здесь существенно, что речь идёт о принципиально ином виде партикулярности, не о противостоянии частных интересов, а о противостоянии частных мнений по поводу сущности общего интереса, подразумеваемого христианством. В этом отношении любопытна позиция П. Я. Чаадаева, который видел в религиозных войнах и кострах столкновение убеждений, в результате которых народы «создали себе мир понятий, какого мы не можем себе даже и представить» [10. С. 335].

Не все русские западники пытались приписать миссии Запада сакральное значение, были и вполне светские версии. Так, тот же В. П. Боткин, описывая трагическую судьбу испанского политика, стремившегося модернизировать архаичное общество, пишет о его жене: «Она вовсе не понимала характера мужа, не понимала его видов, его вражды к предрассудкам, его любви к человечеству

и приписывала его действия совсем иной причине — какой-то тайной страсти» [1. С. 44]. Иными словами, двигателем прогресса является любовь к человечеству, непонятная сторонникам партикуляризма интересов.

Аналогичную, но гораздо более проработанную версию рисует в своих сочинениях Н. Г. Чернышевский: «...потому что порядочных людей было слишком мало: такие, видно, были урожаи на них в прежние времена <...> вот они и чахли или примиряться с пошлостью. Но теперь чаще и чаще стали другие случаи: порядочные люди стали встречаться между собою. Да и как же не случаться этому всё чаще и чаще, когда число порядочных людей растёт с каждым новым годом? А со временем это будет самым обыкновенным случаем, а ещё со временем и не будет бывать других случаев, потому что все люди будут порядочные люди» [11. С. 43]. Причину подобного изменения человека он видит в просвещении: «...твои книги писаны людьми, которые учились этим мыслям, когда они были ещё мыслями; эти мысли казались удивительны, восхитительны <...> Теперь <...> эти мысли уж ясно видны в жизни, и написаны другие книги, другими людьми, которые находят, что эти мысли хороши, но удивительного нет в них ничего, и теперь <...> эти мысли носятся в воздухе, как аромат в полях, когда приходит пора цветов; они повсюду проникают» [11. С. 56–57]. Здесь Н. Г. Чернышевский явно перекликается с П. Я. Чаадаевым, ибо речь тоже идёт о кумулятивном развитии-накоплении некоторого массива идей, но если христианство в качестве основания такого развития смотрится достаточно логически правдоподобно, то у Н. Г. Чернышевского такое основание исчезает, и причина преумножения «порядочных людей» в мире становится непонятной.

Несколько по-иному описывает этот процесс А. И. Герцен, у него ключевую роль играют идеи «свободы, равенства и братства», которые были вброшены в общественное сознание либералами. Но «они не поняли, что, уничтожая монархический принцип, революция не может остановиться на том, чтоб вытолкать за дверь какую-нибудь династию» [3. С. 53]; «Они хотят свободы, даже республики в известном круге, литературно образованном» [3. С. 52]. Но «“несчастный, обделённый брат”, о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же его доля во всех благах, в чём его свобода, его равенство, его братство» [3. С. 53]. Иными словами, идеалы Просвещения, сформулированные элитой для борьбы против

монархии, распространяются в народные массы, для которых их практическая реализация невозможна без ликвидации бедности. Впрочем, здесь, как и у Н. Г. Чернышевского, совершенно непонятен генезис этих идей, способных самостоятельно преобразовать мир.

Социалистическая и религиозная интерпретация общего интереса и общего блага различаются. Но они имеют и кое-что общее, так как в обоих случаях подразумевается определённый уровень заботы и поддержки уязвимых социальных групп, а потому можно предположить, что оба эти истолкования имеют общее происхождение. Отказываясь от религии, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский всё равно оставались представителями своей культуры, а потому их понимание социальных процессов представляло собой секуляризацию их христианского видения, что сопровождалось потерей логики при объяснении генезиса преобразующих мир идей.

Важно то обстоятельство, что обе эти интерпретации (христианская и социалистическая) носят принципиально общечеловеческий характер, то есть не относятся к специфическим достижениям западной цивилизации. Запад является только наиболее успешным проводником этих идей. Но если рассматривать универсальные черты общечеловеческого прогресса, то есть вести разговор либо о «светлом будущем» человечества, либо об имплицитно присущей ему логике развития, то современный русским западникам Запад совсем исчезает, тем не менее его образ имеет для них принципиальное значение, так как именно благодаря наличию в нём определённых черт они могут утверждать, что искомая общечеловеческая цивилизация формируется в данный момент именно его усилиями. И вот этот образ актуального Запада во всей его противоречивости и показывает нам противоречивость самих русских западников.

В. П. Боткин видит проявление цивилизованности в благоустройстве окружающего мира: «Теперь превосходное шоссе проходит через Сиерру-Морену, красивые мосты перекинуты чрез пропасти; вместо прежних заброшенных в горной глуши одиноких вент, притонов разбойничьих шаек и ловушек путешественников теперь встречаются небольшие весёлые селения с возделанными вокруг полями. Эти дороги, селения, это завоевание страшной Сиерры цивилизацией суть плоды философии восемнадцатого века» [1. С. 42]. Сходную мысль высказывает и И. А. Гончаров,

для которого главное достижение цивилизации — повсеместное распространение комфортной жизни на все регионы и общественные группы. В этом отношении он противопоставляет комфорту характеризующую прежнюю, архаичную жизнь роскошь, которая в отличие от комфорта была чрезмерной и касалась меньшинства населения: «Роскошь — порок, уродливость, неестественное уклонение человека за пределы естественных потребностей, разврат <...> Рядом с роскошью всегда таится невидимый её враг — нищета <...> Роскошь старается, чтоб у меня было то, чего не можете иметь вы; комфорт, напротив, требует, чтоб я у вас нашёл то, что привык видеть у себя. Задача всемирной торговли и состоит в том, чтоб удешевить эти предметы, сделать доступными везде и всюду те средства и удобства, к которым человек привык у себя дома <...> Комфорт и цивилизация почти синонимы, или, точнее, первое есть неизбежное, разумное последствие второго» [4. С. 278–279]. С этим согласен и Д. В. Григорович: «Копенгагенъ поражает своимъ богатствомъ — не тѣмъ внѣшнимъ богатствомъ, которое ослѣпляетъ глаза, но настоящимъ, заключающимся въ удобствахъ, благоустройствѣ и томъ разумномъ комфортѣ, который составляетъ необходимую потребность истинно просвѣщеннаго народа и служитъ выраженіемъ высокой степени его цивилизаціи» [5. С. 107].

Впрочем, Д. В. Григорович не ограничивается благоустройством мира, его понимание цивилизованности распространяется и на сферу человеческих отношений. В частности, он обращает внимание на гуманизацию отношений к подчинённым на русском военном флоте: «Смягченіе нравовъ можетъ только быть результатомъ нравственнаго развитія и широкаго образованія» [5. С. 40] и заключает: «Но времена измѣнились; измѣнилась вмѣстѣ съ тѣмъ <...> и точка зрѣнія» [5. С. 77]. Это его понимание духовной составляющей цивилизованности похоже на то, которое даёт В. С. Соловьёв, у которого ключевым её показателем является «вежливость» [8. С. 669]. Эта вежливость на личном уровне выражается в учтивом отношении, которое ко времени написания «Трёх диалогов», по мнению автора, уже преодолело сословные границы [8. С. 702]. На межгосударственном уровне она выражается в том, что военный период европейской истории закончился [8. С. 679] и на смену ему пришла дипломатия. По сути дела, речь здесь идёт о комфортных взаимоотношениях в обществе, которые вполне логично дополняют материальный комфорт.

П. Я. Чаадаев, описывая цивилизованность Запада, говорит «о благоустроенной жизни, об этих привычках, об этих навыках сознания, которые придают уют уму и душе, непринуждённость, размеренное движение» [10. С. 323]. Философ пишет о лёгкой и упорядоченной жизни [10. С. 325] в обществе, которое сформировано событиями, способными «внушить мысли о долге, справедливости, праве, порядке» [10. С. 327]. Здесь речь идёт о духовной среде, стимулирующей человеческое развитие, что тоже является комфортом особого типа — жить в обществе, где существуют бытовые образцы для самых разных образов жизни [10. С. 345–346], где человек с рождения включается в практики, побуждающие к самостоятельному мышлению и развитию.

Все эти попытки описать сущность цивилизованности как таковой носят принципиально формальный характер, так как описывают не духовное и материальное содержание западной жизни, а достигнутый там уровень взаимодействия с вещами, людьми и идеями. Но этот уровень есть результат практической деятельности людей, руководствующихся тем или иным набором идей, причём не скрытым, проявляющимися подобно хитрости мирового разума, а ясно осознаваемым самими актёрами.

И вот к этим реальным идеям отношение у русских западников было в высшей степени критичным. Важнейшими событиями европейской истории, предопределившими направление развития западного общества, являются Возрождение и Реформация, их идейное наследие, развитое в эпоху Просвещения, продолжало господствовать в XIX и XX вв. П. Я. Чаадаев заявляет о преступности Возрождения, «самую память о котором надо стараться всеми силами стереть в мировом сознании» [10. С. 406]. Он утверждает: «...реформация вернула мир в разобщённость язычества, она восстановила основные индивидуальные черты национальностей, обособление душ и умов, она снова отбросила человека в одиночество его личности, она в то же время изъяла из сознания разумного существа плодотворную, возвышенную идею всеобщности и единства, незаменимый источник истинного прогресса человечества» [10. С. 412–413].

Впрочем, на этом отечественный философ не останавливается. Он негодует о «вулканическом извержении всей накопленной Францией грязи» [9. С. 95], каким считает революцию 1830 г., и заявляет: «Странное заблуждение считать безграничную свободу необходимым условием для

развития умов» [9. С. 96]. К этому осуждению революции присоединяется и В. С. Соловьёв, упрекая французских революционеров в понижении человека как отвлечённой индивидуальности [7. С. 5]. В итоге: «Революция — начало индивидуального человека, рассматриваемого как существо цельное в себя и для себя, — что эта ложная идея индивидуализма не есть изобретение революционеров или их духовных отцов-энциклопедистов, но представляется логической, хотя и непредвиденный вывод из старой лжехристианской или полухристианской доктрины — коренной причины всех аномалий в истории христианского мира и в настоящем его положении» [7. С. 6].

Для обоих философов проблема, таким образом, заключается в западном индивидуализме. Один из них говорит о «безграничной» свободе отдельного человека, реализация которой приводит к разобщённости людей. Другой — об абстрактной индивидуальности, которая рассматривается помимо её нравственного содержания. Для одного — это языческая идея, для другого — лжехристианская, но в обоих случаях она направлена против единства человечества и того пути развития, на котором это единство только и может возникнуть.

Ранее нами уже упоминались размышления Б. Н. Чичерина и В. П. Боткина о частном и общем интересе. Первый из них негативно относился к «преувеличенному» пониманию свободы раннего средневековья, которое выстраивало социальность как равновесие частных интересов, а второй видел в сохранении такой ситуации причины отсталости Испании. Представляется, что В. С. Соловьёв и П. Я. Чаадаев говорят о том же самом, только на более концептуальном уровне. Речь, по-видимому, идёт о споре по поводу самой сущности видения общества, которая может пониматься либо как совокупность индивидуальностей, каждая из которых имеет собственные права и интересы, а само общество является всего лишь их перманентно обновляющимся соглашением либо как имеющая собственные интересы первичная реальность, через соответствие интересам которой и оцениваются права и интересы её отдельных представителей. Все четверо упомянутых русских западников исходят из второй позиции и критикуют западное общество за то, что ему присуща первая. Б. Н. Чичерин натывается на неё при анализе правового устройства средневекового общества, В. П. Боткин — при попытке объяснить современную ему ситуацию в Испании,

В. С. Соловьёв и П. Я. Чаадаев — при осмыслении текущих процессов развития западного общества. Выходит, что индивидуализм был присущ Западу на всём протяжении его истории, но если раньше он осуществлялся посредством сословных институтов, то к XIX в. при помощи общегосударственного представительства сословия уже не являются посредниками в процессе формирования общегосударственного консенсуса. И в этом отношении критикуемая Б. Н. Чичериным в лице Д. С. Милля либеральная позиция, что в общегосударственном представительстве характер его всё же остаётся частным, то есть каждый представитель представляет только тех избирателей, которые за него голосуют, а не всё население государства, вполне соответствует западному опыту, а Б. Н. Чичерин основывает свою критику на сомнительном предположении о характере изменений, произошедших в западном понимании народного представительства.

При этом революционные процессы в Европе оцениваются крайне критично не только консервативной частью западников, но и социалистами, только они критикуют их не за разрушение единства путём привнесения чрезмерной индивидуальной свободы, а за их незавершённость, за то, что большинство населения не может воспользоваться их плодами. Критикуя либералов, А. И. Герцен прямо указывает на то, что их революция ничего не даёт простому народу [3. С. 53], а потому их понимание республики «отвлечённая и неудобно исполнимая мысль, плод теоретических дум» [3. С. 50]. Упрёк в отвлечённости идеи заключается в том, что либеральная революция борется за абстрактную свободу абстрактного человека, игнорируя его реальные материальные обстоятельства. В этом отношении они требуют ограничения свободы, которая тоже мыслится ими излишней, во имя общего блага, которое они отождествляют с благосостоянием большинства. То есть и консерваторы, и социалисты среди западников предлагают наложить на индивидуальную свободу те или иные этические оковы, обусловленные их личным пониманием общего блага и смысла общественного развития.

Мир, в котором доминирует индивидуализм, личная свобода и частный интерес, вызывает у большинства западников неприятие, ибо кажется им «низким», мещанским, пронизанным духом корысти и стяжательства. У Д. В. Григоровича, например, это видно в описании торгового Гамбурга, который выглядит «как расплывшийся

отъ богатства и жиру лавочникъ, у котораго отецъ нѣмецъ, а мать жидовка» [5. С. 97], в реакции на торжество «спекулятивного духа» в французском театре [5. С. 171–174] и литературе [5. С. 176]. И. А. Гончаров менее категоричен в оценке, но, описывая Англию, он жалуется на произвол в назначении цен [4. С. 93–94] и мошенничество [4. С. 98]. По мнению П. Я. Чаадаева, революция 1830 г. выбросила наверх «плачевную золотую посредственность» [9. С. 95].

Но самую радикальную позицию из них занимает А. И. Герцен: «Вместо «благородных» идей и «возвышенных» целей рычаг, приводящий всё в движение, — деньги» [2. С. 58]. И далее: «Жадная и скупая посредственность ухватилась за прежнюю политическую экономию. Неглубокая сама по себе, наука Мальтуса и Сея измельчала, выродилась в торговую смыслённость, в искусство с наименьшей тратой капитала производить наибольшее число произведений и обеспечивать им наивыгоднейший сбыт» [2. С. 62–63]. Метафоры «измельчение» и «вырождение» А. И. Герцен применяет ко многим проявлениям жизни современного ему французского общества, например, к роялизму и консерватизму [2. С. 191–192], к Парижу [2. С. 141].

Любопытно, но социалист А. И. Герцен лояльно относится к обществу, в котором меньшинство живёт за счёт эксплуатации большинства, правда, при условии, что само большинство нормально воспринимает эту ситуацию [3. С. 56–57], поэтому нет ничего удивительного в том, что, созерцая великие памятники рабовладельческого Рима, он видит в них в первую очередь проявление величия, а не тиранства [2. С. 85–86]. Иными словами, в современном ему буржуазном обществе его не устраивает не то, что он считает социальной несправедливостью, а то, что эта «несправедливость» осуществляется во имя частного интереса, который им признаётся как мелочный и мещанский. По сути дела, он критикует буржуазное общество с вполне аристократических позиций на основании эстетических критериев «великого» и «низкого», что хорошо коррелирует с вышеприведёнными оценками других западников.

В этом представлении русских западников о Западе можно наблюдать некоторое противоречие. С одной стороны, они восхищаются распространением разных форм комфорта, которые западное общество повсеместно внедряет, а с другой стороны, не приемлют индивидуализма, особенно стяжательства и корысти, которым это всё со-

провождается. И при этом не понимают, как два этих компонента западного образа жизни связаны между собой.

Это непонимание можно наблюдать, в частности, в рассуждениях И. А. Гончарова во время наземной части его путешествия по России, когда он проводит аналогию между процессами распространения цивилизации в мире и в азиатской части России [4. С. 630–633]. Более того, он считает, что европейцам есть чему поучиться у русских, имея в виду организованность и продуманность этой экспансии [4. С. 633–634]. Вместе с тем эти процессы принципиально отличаются друг от друга. Распространение европейской цивилизованности было побочным следствием развития частной инициативы по освоению и присвоению имеющихся в разных регионах мира богатств, то есть главным её двигателем был тот самый частный корыстный интерес, обусловленный индивидуализмом, который русские западники категорически не принимали. Распространение русской цивилизованности было инструментом обеспечения государственной власти на территории для того, чтобы сделать её более управляемой.

Рассматривая причины отсталости Испании, В. П. Боткин сетует на «плохое управление»: «...никогда администрация не имела других законов, кроме собственного каприза и своих личных интересов» [1. С. 13]. При этом сам же В. П. Боткин описывает неудачную попытку реформ Олавиде [1. С. 43–46] и не задаёт себе резонного вопроса о том, а не является ли причиной провала попыток модернизации страны как раз то, что её движущей силой выступает не частный интерес, а политика государственной власти.

Ещё более концептуально высказывается по этому поводу Б. Н. Чичерин, который отрицает значимость западного понимания для русского человека, ибо отечественная практика показывает, «что самодержавие может вести народъ громадными шагами на пути гражданственности и просвѣщенія» [12. С. VIII]. Отчасти согласен с этим и А. И. Герцен, который видит в демократии только механизм разрушения, неспособный к созиданию [3. С. 77]. Правда, в отличие от предшественников он видит в качестве цивилизаторов не существующие государства, а солидарные сообщества людей, но при этом остаётся непонятным, каким образом их воля может быть навязана без использования каких-либо форм государственной власти.

Иными словами, русские западники рассматривают западный опыт через рамки своих собственных

культурных ограничений. Сам этот опыт, основанный на индивидуализме, идеале личной свободы и частных интересах, порождает одновременно и мещанский, корыстный, прагматичный дух повседневной жизни, и повсеместное распространение величайших завоеваний цивилизации, выражающихся в материальном и духовном комфорте. И в самом западном опыте эти компоненты неотделимы друг от друга. Но русские западники хотят взять у Запада его цивилизованность, отказавшись от его мещанства, а для этого пытаются поставить централизованную государственную политику, исходящую из общего интереса, на место частного интереса в качестве главного двигателя развития. Можно долго спорить о перспективности подобного «гибрида», проблема в том, что полученный результат никак нельзя считать западным опытом,

а потому сомнительным является и утверждение о том, что русские западники считали необходимым направить Россию по западному пути развития. В процессе осмысления этого «западного пути» они вносили в него коррективы, полностью подменяющие его смысловое содержание. «Западный путь» оказывался способом высказывания всё о том же «самобытном пути», закамуфлированным ссылками на успешную западную цивилизацию. И в этом отношении нельзя не согласиться с мыслью Ю. М. Лотмана: «...русский “европеец” (западник) — лицо, чрезвычайно далёкое от реального носителя европейских идей и даже во многом ему противоположное» [6. С. 748]. Возможно, именно в этом и заключается главная причина неудачности попыток внедрения в нашей стране западного опыта.

Список литературы

1. Боткин В. П. Письма об Испании. Л. : Наука, 1976. 344 с.
2. Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 5. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 7–226.
3. Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 6. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 7–142.
4. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». М. : Географгиз, 1949. 709 с.
5. Григорович Д. В. Корабль «Ретвизань» (Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ) // Григорович Д. В. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 9. СПб. : Издание книгопродавца Н. Г. Мартынова, 1890. С. 9–356.
6. Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство-СПб, 2002. С. 744–751.
7. Соловьёв, В. С. Россия и Вселенская Церковь. М. : Фабула, 1991. 448 с.
8. Соловьёв, В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями // Соловьёв В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1988. С. 635–762.
9. Чаадаев П. Я. Письмо А. И. Тургеневу (октябрь–ноябрь) // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1991. С. 94–101.
10. Чаадаев П. Я. Философические письма (1829–1830) // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1991. С. 320–440.
11. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях (журнальная редакция) // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 11. М. : Художественная литература, 1939. С. 5–336.
12. Чичерин Б. Н. О народномъ представительствѣ / Б. Н. Чичерин. М. : Типографія Грачева и Комп., 1866. 552 с.
13. Шнейдер К. И. Образы Запада и России в представлениях ранних русских либералов // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 27. С. 245–262.

Сведения об авторе

Павловский Алексей Игоревич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия. a.i.pavlovskij@utmn.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 104–112.*

THE IMAGE OF THE WEST IN THE VIEWS OF THE RUSSIAN WESTERNIZERS

A.I. Pavlovskij

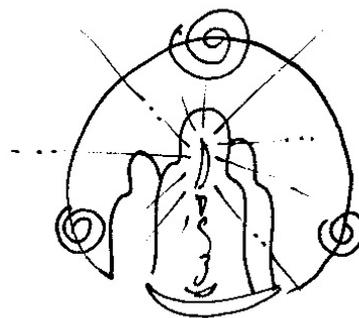
Tyumen State University, Tyumen, Russia. a.i.pavlovskij@utmn.ru

The article studies the Russian Westernizers' understanding of the Western society; the aim of the current research is to find a 'defect' of such an understanding that undermines the results of implementing the Western practices in Russia. Scrutiny of the source texts reveals that the Westernizers understood the essence of Western civilization as different forms of material and spiritual well-being sustaining a comfortable and fruitful life. At the same time they criticized the West of their day for individualism, exaggerated personal freedom and private interest; they considered these facets as insignificant for a civilized life, and thought a better alternative for it is action aimed at the common good taken most often by the state. Their acute dislike towards this particular aspect of the Western life shows that this was a sensitive topic for the Russian thinkers; while the wish to substitute it when implementing the Western practices in Russia is the defect of the Russian Westernizers' idea of the West.

Keywords: *individualism, comfort, modernization, image of the West, Russian Westernizers, civilization, private interest.*

References

1. Botkin V.P. (1975) *Pis'ma ob Ispanii* [Letters on Spain]. Leningrad, Nauka Publ. 344 p. [in Russ.].
2. Gertsen A.I. (1955) Gercen A. I. *Sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Collected Works in 30 vols. Vol. 5]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ. Pp. 7–226. [in Russ.].
3. Gercen A.I. (1955) Gercen A.I. *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Collected Works in 30 vols. Vol. 6]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ. Pp. 7–142. [in Russ.].
4. Goncharov I.A. (1949) *Fregat "Pallada"* [Frigate "Pallada"]. Moscow, Geografgiz Publ. 709 p. [in Russ.].
5. Grigorovich D.V. (1890) Grigorovich D.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 tomakh* [Complete Works in 10 vols.]. St. Petersburg, Izdanie Knigoprodavca N. G. Marty'nova Publ. Vol. 9. Pp. 9–356. [in Russ.].
6. Lotman Yu.M. (2002) Lotman Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury* [History and Typology of the Russian Culture]. Stio Petersburg, Iskusstvo- SPb Publ. Pp. 744–751. [in Russ.].
7. Solov'ev V.S. (1991) *Rossiya i Vselenskaya Cerkov'* [Russia and the Universal Church]. Moscow, Fabula Publ. 448 p. [in Russ.].
8. Solov'yev V.S. (1988) Solov'yov V.S. *Sochineniya v 2 tomakh* [Works in 2 vols.]. Moscow, My'sl' Publ. Vol. 2. Pp. 635–762. [in Russ.].
9. Chaadaev P.Ya. (1991) Chaadaev P.Ya. *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pis'ma: v 2 tomakh* [Complete Works and Selected Letters. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ. Pp. 94–101. [in Russ.].
10. Chaadaev P.Ya. (1991) Chaadaev P.Ya. *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pis'ma: v 2 tomakh* [Complete Works and Selected Letters. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ. Pp. 320–440. [in Russ.].
11. Chernyshevskiy N.G. (1939) Chernyshevskiy N.G. *Polnoye sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Complete Works in 15 vols. Vol. 11]. Moscow, Xudozhestvennaya Literatura Publ. Pp. 5–336. [in Russ.].
12. Chicherin B.N. (1866) *O narodnom predstavitel'stve* [On Popular Representation]. Moscow, Tipografiya Gracheva i Kompanii Publ. 552 p. [in Russ.].
13. Shnejder K.I. (2009) *Dialog so vremenem. Al'manax intellektual'noj istorii* [Dialogue with Time. Intellectual History Review], is. 27, pp. 245–262. [in Russ.].

*Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 8 (442).
Философские науки. Вып. 57. С. 113–116.*

**УДК 101.1
ББК 87.3**

**Ф. ЭНГЕЛЬС И АКАДЕМИЯ НАУК СССР
(отношение научной и идеологической элиты в СССР в 1930–1940-е гг.
к философским и социологическим взглядам Фридриха Энгельса)**

В. А. Кузнецов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Если труды К. Маркса на русском языке стали появляться ещё в последней трети XIX в., то со многими сочинениями Ф. Энгельса читатель в нашей стране начал широко знакомиться только с конца 20-х и в 30-е гг. XX столетия. Часть работ Энгельса вообще впервые была выпущена на русском языке. Например, труд «Диалектика природы» был издан в 1925 г., а «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в 1934 г. Поэтому научному сообществу требовалось определённое время для того, чтобы постичь научное содержание произведений одного из теоретиков марксизма и познать эвристичность многих высказанных им идей. С этого времени учёные Академии наук СССР всё чаще обращаются к обсуждению творчества Ф. Энгельса.

28–30 ноября 1940 г. под председательством академика А. М. Деборина состоялось собрание Отделения истории и философии, посвящённое 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса. С докладом на тему «Энгельс о развитии капитализма в России» на собрании выступила член-корреспондент АН СССР А. М. Панкратова. Она подчеркнула, что уже со времени Крымской войны, в ходе которой произошло столкновение «нации с отсталым производством» (России) с передовыми нациями, ставшими на путь капиталистического развития, Маркс и Энгельс стали уделять гораздо больше внимания изучению экономики России. Энгельс писал: «Поражения во время Крымской войны показали необходимость быстрого промышлен-

ного развития для России. Прежде всего нужны были железные дороги, а сооружение их в больших размерах невозможно без туземной крупной промышленности. Предварительным условием для возникновения такой промышленности явилось так называемое освобождение крестьян; вместе с ним наступила для России капиталистическая эра». Крымская война ускорила проведение крестьянской реформы, открывшую для России путь буржуазно-капиталистического прогресса. Энгельс анализировал те экономические и социальные сдвиги, которые происходили в России после 1861 г., и пришёл к общему выводу о том, что русское крестьянство после «реформы» находилось в положении, при котором оно не могло ни жить, ни умереть и при котором оно не имело перспективы быстрого и успешного развития по пути капитализма. Тем не менее Энгельс подчёркивал, что на историческую арену обязательно выйдет русский пролетариат.

Содержание основного доклада А. Панкратовой было развито в докладе «О роли Энгельса в создании учения о промышленной революции», прочитанном профессором Ф. В. Потёмкиным. Докладчик проводит мысль о том, что Энгельс в статье «Положение Англии. Восемнадцатый век» (1844 г.) впервые отчётливо охарактеризовал промышленную революцию как революцию *социальную*, в том смысле, что промышленный переворот влияет на социальную и политическую жизнь обществ.

Следующий доклад — профессора М. Ф. Нестурха — назывался «Энгельс и учение Дарвина об антропогенезе». Было отмечено, что Энгельса привлекло учение Дарвина о происхождении человека, по которому человек возвысился до своего современного состояния благодаря действию тех же факторов, которые действуют и в животном мире. Среди них главное место отведено естественному отбору. Автор доклада подчеркнул, что Энгельс сформулировал в работе «Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны» (перевод 1939 г.) трудовую теорию антропогенеза, указав, в частности, на взаимную обусловленность возникновения и развития труда, речи, сознания в условиях коллектива «формирующихся» людей.

Профессор, доктор философских наук Э. Кольман выступил с докладом «Энгельс о математике». Он отметил, что Энгельс глубоко интересовался проблемой происхождения и развития математики и сделал попытку определения её предмета (*«Чистая математика имеет своим предметом пространственные формы и количественные отношения действительного мира»*) и места её в системе наук. В трудах Энгельса можно обнаружить обоснование понятий числа, бесконечности, математической абстракции и критерии истины в математике. При этом Энгельс указывал, что математика имеет опытное происхождение и возникает, как все другие науки, из потребностей человека. Кроме того, Энгельс подчёркивал, что связи между математическими объектами отражают связи, существующие в реальном мире, но только в крайне абстрактной форме. При этом докладчик высказал сожаление, что Энгельс был незнаком с современными ему математическими теориями.

В своём выступлении В. К. Брушлинский доложил собранию о новом издании «Диалектики природы Энгельса», труде, который стал особенно почитаемым в учёном мире. Он указал на недостатки в существующих изданиях этого труда и сообщил о готовности к печати нового русского издания книги. При этом докладчик отметил, что в процессе работы была проведена сплошная проверка расшифровки немецкого текста по имеющимся фотокопиям рукописи Энгельса, что помогло выявить свыше 300 ошибок против текста немецкого издания 1935 г. Было проведено изучение источников, которыми пользовался Энгельс во время своей работы над «Диалектикой природы», благодаря чему удалось исправить несколько описок Энгельса. В старый русский перевод пришлось внести несколько тысяч (!!!) поправок.

Была уточнена структура книги, расположение глав, черновых набросков, заметок и фрагментов. В новом издании материал располагался не в хронологическом, а в тематическом порядке.

Следующим докладчиком выступил академик А. Е. Ферсман с темой: «Периодический закон Менделеева в свете современной науки». Раскрыв научное значение периодического закона элементов, академик не ссылаясь на естественнонаучные идеи Энгельса.

С самым содержательным докладом на естественнонаучную тему на собрании выступил философ Б. М. Кедров. Название доклада — «Энгельс об основном законе физики». Докладчик сообщил, что закон сохранения и превращения энергии Энгельс рассматривает в связи с общим ходом развития человечества и его познания. По Энгельсу этот закон прошёл три стадии: он зародился как догадка у древнегреческих философов о неразрывности и вечности материи и движения. В XVII–XVIII вв. естествознание расчленило (в абстракции) материю и движение. Проявилось это в механике И. Ньютона, в его учении об инертной массе и механической силе и в идее о расчленении форм движения материи. В XIX в. Р. Майер в 1842 г. устранил разрыв между формами движения материи, открыв превращение энергии (Энгельс: *«всякое механическое движение способно превратиться при помощи трения в теплоту»*). В 1845 г. Майер ввёл в физику идею о превращении форм энергии (Энгельс: *«любая форма движения оказывается способна и должна превращаться в любую иную форму движения»*). Энгельс считал этот закон абсолютным законом природы. Б. Кедров указал на важность содержания фундаментального закона пропорциональности (эквивалентности) массы и энергии $E = mc^2$, который подтвердил взгляды Энгельса. Докладчик также уделил внимание историческому пути химического познания через атомистику и учение о сохранении вещества к общему закону химических превращений.

Энгельс рассматривал законы диалектики не как сумму примеров, а как законы познания и как законы объективного мира. Кедров сделал вывод, что Энгельс конкретно применил метод материалистической диалектики при решении одной из важнейших проблем истории физики. Учение о превращении энергии доказало, что движение неразрушимо не только количественно, но и качественно. Кедров отметил, что по Энгельсу, взаимодействие форм движения полагает объективную границу нашего познания, ибо позади этого

взаимодействия вообще ничего нет (Энгельс: «*Раз мы познали формы движения материи..., то мы познали и самую материю, и этим исчерпывается познание*»).

Собрание заслушало и другие доклады, в том числе доклад «Энгельс и основные проблемы древней истории» профессора А. Б. Рановича, который подчеркнул, что характерной чертой всех трудов Энгельса является их историчность. Слушали доклады академика Т. Д. Лысенко «Энгельс и некоторые вопросы дарвинизма»; профессора А. Л. Ретуэля «Энгельс и история русской общественной мысли 1840–1880 гг.» и профессора Ю. П. Францевой «Энгельс о раннем христианстве». Такова тематика заинтересовавших учёных Академии наук проблем, значительная часть которых была посвящена естественнонаучным знаниям.

В это же время, к 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса, президент Академии наук В. Л. Комаров выступил в «Вестнике Академии наук СССР» (1940, № 11–12) со статьёй «Фридрих Энгельс», что свидетельствовало о серьёзном внимании учёного сообщества ко многим, особенно естественнонаучным идеям Энгельса. Не будем анализировать вступление к основному содержанию статьи, так как в то время в нём должны были обязательно присутствовать «поклоны» иконе научного коммунизма с обожествлёнными Лениным и Сталиным.

В большей части своей статьи В. Комаров остановился на проблемах естествознания, где, по его оценке, «идеи Энгельса играют поныне гигантскую роль». Учёный отметил, что во второй половине XIX в. естественные науки стихийно шли к диалектическому представлению о природе». Подчёркивалось, что Энгельс показал действительный смысл естествознания... диалектический характер всего многовекового развития естественных наук. Была отмечена критика К. Марксом и Ф. Энгельсом вульгарного материализма Л. Бюхнера, Молешота и К. Фогта.

Академик В. Комаров отметил в статье ценные идеи Ф. Энгельса, высказанные им весной 1873 г. в письме к Марксу, в котором «Энгельс набросал картину последовательного перехода простых и низших форм движения к более сложным и высшим. Энгельс определил предмет естественных наук как «движущееся вещество тела. Тела неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, без всякого отношения к другим телам, нельзя ничего сказать. Только в движении тело показывает, что оно есть. Поэтому естествознание познаёт

тела, только рассматривая их в отношении друг к другу, в движении. Познание различных форм движения есть познание тел. Исследование этих различных форм движения есть поэтому главный предмет естествознания».

В этом свете учения о формах движения материи Энгельс указывает на историческое значение основного физического закона — закона превращения энергии. Он отметил важность положений Р. Майера о принципе неумираемости движения и высказанного им в 1842 г. протеста против идеи теплорода, флогистона, электрической и световой жидкости («Не существует никаких нематериальных материй»). Почти одновременно с Майером закон превращения энергии был высказан Джоулем и Кольдингом. При этом академик Комаров отмечает следующие слова Энгельса: «В то же время Грове — отнюдь не профессиональный естествоиспытатель, а английский адвокат — доказал, при помощи простой обработки накопившегося физического материала, что все так называемые физические силы — механическая сила, теплота, свет, электричество, магнетизм и даже так называемая химическая сила — переходят при известных условиях друг в друга без какой бы то ни было потери силы, и таким образом доказал, задним числом, при помощи физических методов, теорему Декарта, что количество имеющегося в мире движения неизменно. Благодаря этому различные физические силы — эти, так сказать, неизменные “виды” физики — превратились в различно дифференцированные и переходящие по определённым законам друг в друга, формы движения материи». В своей заметке в «Диалектике природы» Энгельс пишет: «Сохранение энергии. Количественное постоянство движения было высказано уже Декартом и почти в тех же выражениях, что и теперь [...] (Кл[аузиусом], [...?..?], Майером). Зато превращение формы движения открыто только в 1848 г., и это, а не закон количественного постоянства, есть как раз новое».

Президент академии отметил, что когда Энгельс рассматривает переходы форм движения материи друг в друга, то показывает роль качественных скачков (в физике и химии) во взаимном переходе количественных и качественных изменений. Энгельс подчёркивал, что закон развития Гегеля проявился в открытии Менделеевым периодического закона химических элементов, что «Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг...».

Комаров отметил философское положение Энгельса, посвящённое идее эволюции в естествознании, высказанной ещё И. Кантом во «Всеобщей естественной истории и теории неба» (1755 г.). «Вопрос о первом толчке был устранён; Земля и вся Солнечная система предстали как нечто ставшее в ходе времени... В открытии Канта лежал зародыш всего дальнейшего прогресса. Если Земля была чем-то ставшим, то чем-то ставшим должны были быть также её теперешнее геологическое, климатическое, географическое состояние, её растения и животные, и она должна была иметь историю не только в пространстве, но и во времени». Энгельс оставил ряд высказываний, относящихся к учению Ч. Дарвина.

В заключение своей статьи Комаров показал роль Ф. Энгельса в философском обобщении развития естествознания, включающего механику Ньютона, космогонию Канта — Лапласа, закон сохранения энергии, атомистическую химию, эволюционную биологию и др.

Следующая сессия Отделения истории и философии АН СССР, посвящённая 125-летию со дня рождения Ф. Энгельса (26 ноября 1820 г.), откры-

лась 28–29 ноября 1945 г. Открывая заседание, академик-секретарь Отделения В. П. Волгин отметил многостороннюю деятельность Ф. Энгельса как революционера и философа. Первым с основным докладом на тему «Энгельс и классификация наук» выступил профессор Института философии Б. М. Кедров. Профессор С. А. Токарев (Институт этнографии) сделал доклад на тему «Энгельс и современная этнография». Член-корреспондент АН СССР С. Д. Сказкин прочёл доклад на тему «Энгельс об особенностях и развитии Германии». Доклад о Ф. Энгельсе как руководителе международного рабочего движения сделал профессор А. И. Молок.

Философские взгляды Ф. Энгельса и в последующие годы работы Академии наук СССР интересовали научное сообщество. Так, в Институте философии 8, 12 и 16 января 1948 г. состоялось обсуждение книги профессора Б. М. Кедрова «Энгельс и естествознание». Книга заинтересовала не только философов, но и представителей физики и химии. Как видим, Академия наук СССР неоднократно обращалась к обсуждению творчества Ф. Энгельса.

Сведения об авторе

Кузнецов Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

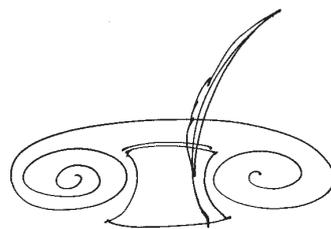
*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 8 (442).
Philosophy Sciences. Iss. 57. Pp. 113–116.*

F. ENGELS AND THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE SOVIET UNION (soviet scientific and ideological elite's attitude to Engels's philosophical and sociological views in the 1930–1940s)

V.A. Kuznetsov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Гегесин Пергамский — scholarх новой платоновской академии, преемник Евандра, предшественник и учитель философа Карнеада.

Дасыма — в Др. Китае один из высших военных чинов в табели о рангах во времена Конфуция.

Коти — 1) у древних индийцев так назывался коготь лука, загнутые концы его дуги; 2) так же называется рог месяца (луны); 3) число 10 000 000 и вообще неопределённо большое число; 4) в древнем эпосе название одной криницы.

«Роса на стеблях» — в Китае старинная похоронная песня, известная ещё в глубокой древности. Упоминание о ней мы находим у поэта Сун Юя (IV в до н. э.).

Ситавана (лес Ситы) — в Др. Индии название места паломничества и имя одной криницы.

Эсхин (ок. 397 — ок. 322 до н. э.) — один из выдающихся афинских ораторов, противник Демосфена. Имел незнатное происхождение. Выступал за союз Афин с македонским царём Филиппом. Удалился на добровольное изгнание на о. Родосе, преподавал риторику. Там же и умер.

(Из словаря В. А. Кузнецова. Краткий словарь-справочник по истории, мифологии, религии, философии, искусству Древней Индии и Древнего Китая. Челябинск, 2013. 406 с.; Краткий словарь по истории, мифологии, религии, философии, искусству Древней Индии и Древнего Китая. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. 281 с.)